

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2025. Т. 70, № 4

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2025. Т. 70, № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларусь

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларусь, Минск, Беларусь (заместитель главного редактора)

М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (ведущий редактор журнала)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

А. Е. Гучок – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

В. В. Данилович – Постоянная комиссия по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального
собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Т. И. Довнар – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкоznания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения
«Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь»,
Минск, Беларусь

А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

- В. Л. Лакиза** – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мишникович – Международный университет МИТСО, Минск, Беларусь
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осещкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2025. Т. 70, № 4.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *M. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *H. И. Кащуба*

Подписано в печать 09.10.2025. Выход в свет 28.10.2025. Формат 60×84^{1/8}. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 58 экз. Заказ 194.

Цена номера: индивидуальная подписка – 15,16 руб., ведомственная подписка – 34,53 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2025, vol. 70, no. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Standing Commission on Education, Culture and Science of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – International University MITSO, Minsk, Belarus

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

- Alla S. Shamruk** – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus
- Veronika N. Yarmolinskaya** – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Aleksandr N. Bulyko** – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
- Gerd Hentzschel** – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazyev** – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia
- Sergey L. Kandybovich** – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Białystok, Białystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaev** – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2025, vol. 70, no. 4.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *N. I. Kashuba*

Signed to print on 09.10.2025. Published on 28.10.2025. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 58 copies. Order 194.
Number price: individual subscription – BYN 15.16, departmental subscription – BYN 34.53.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

ЗМЕСТ

ФІЛАСOFІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Зайцев Д. М. Паломнический ритуал в Древней Греции: историко-культурологический аспект.....	271
Хамутовская С. В. Человекоцентрированный подход как эффективный метод принятия управленческих решений в условиях цифровой трансформации системы государственного управления в Республике Беларусь	277

ГІСТОРЫЯ

Кравченко В. А. Религиозный фактор в борьбе Ирландии за независимость (1800–1949 гг.)	286
---	-----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Квилинкова Е. Н. Религиозная идентичность и формы ее проявления у башкир Беларуси	296
Лінъ Сіньмэй. Коллекция китайского фарфора в экспозиции Национального художественного музея Республики Беларусь	308

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Кошман П. Р. Беларускі наратыв у альманаху «Rubon»: асаблівасці станаўлення	315
---	-----

ПРАВА

Бударина Н. А. Международное научно-техническое сотрудничество: генезис правового регулирования	325
---	-----

ЭКАНОМІКА

Чжао Цинцю. Методические рекомендации по оценке степени использования существующего потенциала белорусских регионов для развития межрегиональных связей с участием малого и среднего предпринимательства	336
--	-----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Валерий Гурьевич Тихиня (К 85-летию со дня рождения).....	350
---	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Zaitsev D. M. Pilgrimage ritual in ancient Greece: historical and culturological aspect.....	271
Khamutouskaya S. V. Human-centered approach as an effective management decision-making method in the context of digital transformation of the public administration system in the Republic of Belarus	277

HISTORY

Krauchanka U. A. The Religious factor in Ireland's Struggle for Independence (1800–1949)	286
---	-----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Kvilinkova E. N. Religious identity and forms of its manifestation among the Bashkirs of Belarus.....	296
Lin Xinmei. Characteristics of chinese porcelain from the collection of the National Art Museum of the Republic of Belarus.....	308

LITERARY SCIENCE

Koshman P. R. The belarusian narrative in the almanac “Rubon”: features of formation.....	315
--	-----

LAW

Budaryna N. A. International scientific and technical cooperation: genesis of legal regulation	325
---	-----

ECONOMICS

Zhao Qingqiu. Methodological recommendations for assessing the degree of use of the existing potential of Belarusian regions for the development of interregional relations with the participation of small and medium entrepreneurship	336
--	-----

SCIENTISTS OF BELARUS

Valery Guryevich Tikhinya (To the 85th anniversary Birt).....	350
--	-----

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 297.17(091)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-271-276>

Поступила в редакцию 07.05.2025
Received 07.05.2025

Д. М. Зайцев

Інститут філософії Національної академії наук Беларусі, Мінск, Беларусь

**ПАЛОМНИЧЕСКИЙ РИТУАЛ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Рассматривается паломничество в Древней Греции, которое представляло собой важный аспект религиозной и социальной жизни, объединяя веру, культуру и политику. Анализируются вопросы возникновения и развития этого явления, описывается посещение священных мест для совершения ритуалов, получения откровений и исцеления. Многочисленные примеры свидетельствуют о разнообразии и важности паломничества, системы обрядов и ритуалов в данной языческой религии. Отмечается, что паломнические ритуалы отражали синтез рационального и иррационального в греческой культуре. Особое внимание уделено наиболее посещаемым центрам паломничества: Дельфы, Олимпия, Элевсин, Эпидавр. Раскрываются цели и мотивы паломников. Рассмотрены важнейшие ритуалы и практики: очищение, жертвоприношения, инкубация, театрализация мифов. Деятельность и наследие паломников являются значимым материалом для изучения античной культуры. Данное исследование может быть полезно для понимания религиозного сознания античного общества и его влияния на средиземноморскую цивилизацию.

Ключевые слова: паломничество, ритуал, обряд, Древняя Греция, религия, язычество, вера, духовность, культура, жертвоприношения

Для цитирования: Зайцев, Д. М. Паломнический ритуал в Древней Греции: историко-культурологический аспект / Д. М. Зайцев // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 271–276 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-271-276>

Dmitry M. Zaitsev

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PILGRIMAGE RITUAL IN ANCIENT GREECE: HISTORICAL AND CULTUROLOGICAL ASPECT

Abstract. The article examines pilgrimage in ancient Greece which was an important aspect of religious and social life combining faith, culture and politics. The article analyzes the origin and development of this phenomenon, describes visits to sacred places to perform rituals, receive revelations and heal. Numerous examples demonstrate the diversity and importance of pilgrimage, the system of rites and rituals in this pagan religion. It is noted that pilgrimage rituals reflected the synthesis of the rational and irrational in Greek culture. Particular attention is paid to the most visited pilgrimage centers: Delphi, Olympia, Eleusis, Epidaurus. The goals and motives of pilgrims are revealed. The most important rituals and practices are considered: purification, sacrifice, incubation, theatricalization of myths. The activities and legacy of pilgrims are significant material for the study of ancient culture. This work can be useful for understanding the religious consciousness of ancient society and its influence on the Mediterranean civilization.

Keywords: pilgrimage, ritual, rite, ancient Greece, religion, paganism, faith, spirituality, culture, sacrifices

For citation: Zaitsev D. M. Pilgrimage ritual in ancient Greece: historical and culturological aspect. *Vestsi Natsyyanl'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 271–276 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-271-276>

Введение. Паломничество как феномен часто ассоциируется с авраамическими религиями, однако его корни уходят в глубокую древность, к политеистическим верованиям языческих культур. Под язычеством в данном контексте понимаются дохристианские религии, для которых характерны связь с природой, культ предков и многобожие. Несмотря на небольшое количество

источников, археологических находок и письменных свидетельств, все же возможно реконструировать ключевые аспекты этих практик. Один из ярких примеров паломничества в языческих культурах связан с древнегреческой традицией.

Цель исследования – изучить структуру, функции, символику паломнических ритуалов в древнегреческой традиции, а также их роль в формировании культурной идентичности. Наиболее детальные исследования вопросов паломнического ритуала в Древней Греции проведены в основном зарубежными европейскими авторами. Среди них Ян Бреммер [1; 2], Вальтер Буркерт [3], Мэтью Диллон [4], Герберт Уильям Парк [5], Хью Боуден [6], Сьюзен Геттель Кол [7], Яс Элснер [8], Джулия Киндт [9], Скотт Скаллион [10], Джон Микальсон [11], Айан Рутерфорд [8, 12]. Оригинальные идеи некоторых из них проанализируем ниже, а пока рассмотрим общую картину духовных путешествий и ритуалов в период античности в регионе греческих полисов.

Основная часть. Паломничество в Древней Греции представляло собой важный аспект религиозной и социальной жизни, объединяя веру, культуру и политику. Оно было связано с посещением священных мест для совершения ритуалов, получения откровений или исцеления. Паломничество соединяло индивидуальную духовность с коллективным сакральным опытом. Таким образом, формировалась сеть духовных и экономических связей между полисами [11].

Центральными паломничества в Древней Греции были храм Аполлона в Дельфах и святилище Зевса в Олимпии. Соответственно, паломники стремились получить пророчества Пифии или участвовать в Олимпийских играх, имевших сакральный статус. Также важное значение для греков приобрели Элевсин, Эпидавр, местные храмы, священные природные объекты, среди которых горы, источники. Ритуалы паломничества были строго регламентированы, отражая космологические представления о связи человека, богов и природы [6].

Ритуальная подготовка для путешествия в храм Аполлона предполагала омовение в водах Кастальского ключа для очищения от скверны, подношение лавровых ветвей, ячменной муки или животного к входу в храм. Паломник жертвовал деньги и ждал пророческий ответ на свой вопрос. Пифия, находясь в состоянии экстаза, произносила стихи, которые интерпретировались жрецами.

Паломничество в Святилище Зевса обычно совпадало с проведением Олимпийских игр. В Олимпии совмещались атлетика и религиозные церемонии. К числу ритуалов относились клятва атлетов у алтаря Зевса, жертвоприношение ста быков, зажжение священного огня.

Элевсинские мистерии непосредственно связаны с культом Деметры и Персефоны. Во время инициации проводились тайные ритуалы касательно смерти и возрождения для посвященных, надеявшихся обрести блаженство в загробной жизни [7]. Обычно весной совершалось очищение в реке Илиссос, а осенью, после поста, начиналось духовное шествие из Афин и других полисов. Святилище Асклепия находилось в городе Эпидавр. Именно здесь благодаря подношениям в специальном священном помещении проводился ритуал исцеления через сон.

Структура ритуала в Древней Греции включала ряд элементов. Сначала необходимо было получить разрешение жрецов совершить паломничество. Перед его началом следовало вести аскетический образ жизни, воздерживаться от определенной пищи,ексуальных контактов. В пути пилигримы пели гимны богам, а при пересечении реки, восхождении на гору Парнас совершали установленные церемонии. В самом святилище взаимодействие с божеством происходило через жертвы, танцы, молитвы. В храме как «знак присутствия» оставлялись статуэтки, сосуды, таблички. В обратный путь паломники брали с собой священные артефакты, ветви оливы из Олимпии, воду из Кастальского ключа. В честь завершения паломничества организовывалось праздничное застолье.

К важнейшим ритуалам в Древней Греции можно отнести: очищение водой или кровью жертвенных животных, разнообразные жертвоприношения (от простых даров в виде плодов и вина до масштабных убийств животных), инкубацию, когда в храмах Асклепия больные ожидали вещего сна с рецептом лечения, театрализацию мифов, например, о Деметре и Персефоне.

Во время паломничества особое значение приобретала символика. К примеру, восхождение к Дельфам олицетворяло переход от хаоса к космосу [9]. Источники воды считались границами между миром живых и божественным. Зажжение факелов в Элевсине символизировало надежду на бессмертие.

Основными мотивами паломников можно назвать религиозные, медицинские, политические, социальные. Паломничество сопровождалось торговлей, развитием ремесел, строительством инфра-

структуры в виде дорог, гостеприимных домов. Оно выполняло и социально-политические функции: интеграцию полисов, легитимацию власти, гендерные аспекты.

Подтверждением данных фактов служат археологические и литературные свидетельства: стелы с текстами обращений к оракулу, театр в Эпидавре, используемый для ритуальных представлений, произведения Павсания, например, «Описание Эллады», «История» Геродота, где упоминаются Дельфы, Гомеровские гимны к Деметре, Аполлону.

Паломничество в Древней Греции выступало как сложный синтез духовного, политического и культурного дискурсов. Ритуалы обеспечивали коммуникацию с божественным, укрепляли общеэллинскую идентичность, транслировали нормы морали. Их наследие можно обнаружить в христианских практиках, неоязыческих движениях, что подчеркивает универсальность архетипа сакрального путешествия. Паломничество в Древней Греции служило механизмом социальной сплоченности и отражало синтез рационального и иррационального в культуре. Изучение этого феномена позволяет глубже понять религиозное сознание античного общества и его влияние на средиземноморскую цивилизацию. Известно, что Платон интегрировал идеи мистерий в свое учение о бессмертии души, подчеркивая связь между ритуалом и поиском истины [13]. По мнению Ницше, оракулы стали символами иррационального в философии [14].

Особое значение в исследовании древнегреческого паломничества имели работы Яна Н. Бреммера, Герберта У. Парка, Мэттью Диллона, Вальтера Буркерта. Историк религии Ян Н. Бреммер, автор книг «The Rise and Fall of the Afterlife» («Взлет и падение загробной жизни»), «Initiation into the Mysteries of the Ancient World» («Посвящение в тайны Древнего мира») и «Greek Religion and Culture, the Bible and the Ancient Near East» («Греческая религия и культура, Библия и Древний Ближний Восток»), акцентирует внимание на социокультурных и антропологических аспектах, анализируя, как сакральные путешествия отражали взаимодействие человека с божественным, властью и обществом.

Бреммер подчеркивает, что в античном язычестве паломничество не было строго институционализировано, как в христианстве, но существовало в форме локальных практик: посещение оракулов в Дельфах и Додоне, участие в мистериях в Элевсине и Самофракии, исцеление в асклепионах Эпидавра. Ян Н. Бреммер уделяет внимание гендерным различиям, а также связи ритуалов с политикой и властью. Женщины чаще посещали святилища Деметры и Артемиды, мужчины – Олимпию. Исследователь доказал, что для укрепления своего авторитета Аттал I Пергамский спонсировал святилище Асклепия, а Дельфийские оракулы влияли на принятие политических решений [1].

Бреммер в своих работах анализирует, как христианство наследовало языческие практики. Святилища превращались в церкви, как, например, Парфенон – в храм Богородицы. Паломничества к мощам святых, например Св. Феклы в Селевкии, напоминают логику посещения оракулов. По мнению историка религии, языческое паломничество не имело универсальной структуры, оно варьировалось от индивидуальных визитов к оракулам до массовых праздников, объединявших полисы. Паломничество было формой диалога с богами, где физический путь к святыне символизировал духовное преображение. Идеи Бреммера помогают понять, как религиозные практики адаптируются к культурным изменениям, оставаясь ключевым элементом человеческого опыта [2].

Эксперт древнегреческой религии Герберт Уильям Парк – автор работ «Greek Oracles» («Греческие оракулы»), «The Oracles of Zeus: Dodona, Olympiа, Ammon» («Оракулы Зевса: Додона, Олимпия, Аммон»), посвященных функционированию оракулов как сакральных центров, привлекавших паломников. Парк анализирует роль оракулов в религиозной, политической и социальной жизни античного мира, рассматривая их как узлы языческого паломничества.

По мнению Герберта Парка, в древнегреческом паломничестве происходила интеграция сакрального и мирского. Прорицалища – места, где оглашалось предсказание оракулами, – были не только религиозными, но и политико-экономическими центрами. Их авторитет проистекал из способности объединять духовные и земные интересы. Паломничество являлось социальным феноменом. Посещение святилищ укрепляло общегреческую идентичность, а Олимпийские игры демонстрировали единство эллинов перед лицом варваров. При этом жрецы сохраняли монополию на интерпретацию знамений. Упадок древнегреческого паломничества и угасание влияния оракулов Парк связывает с кризисом полисной системы, римской экспанссией и популярностью скепти-

цизма [5]. Христианство завершило этот процесс, переориентировав паломничество на мощи святых. Ранние христианские церкви часто строились на местах древнегреческих языческих храмов. Таким образом, священная сущность места и преданность населения попросту присваивались.

Работы Парка демонстрируют, что языческое паломничество в Древней Греции было сложным явлением, объединявшим веру, политику и экономику. Идеи и выводы в ключевых работах Герберта Парка остаются фундаментом для изучения античной религии, подчеркивают взаимосвязь сакрального и социального в истории человечества.

Всестороннее исследование феномена паломничества в Древней Греции предлагает Мэтью Диллон в работе «*Pilgrims and Pilgrimage in Ancient Greece*» («Паломники и паломничество в Древней Греции»). Автор отмечает религиозные мотивы, организационные аспекты и социальную значимость паломничества, анализируя ключевые святилища, ритуалы и исторические источники. В 1960 г. М. Диллон опубликовал обзор греческих паломничеств, дифференцировав их по структуре, направлениям и этническим группам.

Помимо главных святилищ в Дельфах, Эпидавре, Олимпии М. Диллон исследует также и менее известные центры, такие как Диодима в Малой Азии и Истмийские игры в Коринфе. Особое внимание Диллон уделяет рассмотрению разных форм паломничества (как официальных – для участия в мистериях, так и индивидуальных – путешествий с целью исцеления), роли женщин, этнических групп, экономических и правовых норм. По его мнению, общение с оракулом в Дельфах, Додоне и Диодиме касалось как личных вопросов брака и здоровья, так и государственных решений по поводу войны и основания колоний. Если Элевсинские мистерии обещали посвященным благополучную загробную жизнь, то Самофракийские мистерии ориентировались на защиту мореплавателей. Отдельные празднества, такие как Анданские мистерии в Мессении, совершались только представителями определенных этносов, что подчеркивало локальную идентичность. Исследователь доказал, что женщины активно участвовали в паломничествах, запрет их присутствия на Олимпийских играх компенсировался запретами для мужчин, например, входить в храм Коры в Мегалополе. Паломники совершали культовые взносы, соблюдали пищевые запреты, сексуальное воздержание и правила поведения в святилищах.

Также, согласно выводам ученого, священные перемирия гарантировали безопасность паломников во время путешествий и участия в празднествах. Так, олимпийское перемирие позволяло грекам из враждующих полисов посещать игры. Основная масса паломников путешествовала пешком, они ночевали в палатках или под открытым небом, что делало паломничество доступным для разных социальных слоев общества [4].

Диллон, сочетая анализ эпиграфики, литературных источников и археологических данных, полагал, что паломничество отражало веру в непосредственное вмешательство богов в человеческие дела, будь то исцеление, предсказания или загробная жизнь. Общегреческие празднества способствовали единству раздробленного мира полисов, а языческие практики адаптировались в христианскую эпоху, демонстрируя преемственность религиозных форм. Идеи Диллона остаются ключевыми для понимания того, как паломничество формировало не только религиозную, но и социально-политическую жизнь Древней Греции.

Для более отчетливого осознания древнегреческой культуры и религии необходимо также обратиться к работе Вальтера Буркера «*Greek Religion: Archaic and Classical*» («Греческая религия: Архаическая и классическая эпохи»). Ценность книги заключается в синтезе археологических, филологических и исторических данных, что позволило реконструировать религиозные практики и верования от минойско-микенской эпохи до классического периода. Автор объединяет данные из археологии, анализируя храмы Олимпии, Дельф, Акрополя, ритуальных артефактов, погребальных практик, литературных источников, в частности, эпических поэм Гомера и Гесиода, трагедий, философских текстов, надписей на храмах, социологии и антропологии, исследуя роли ритуалов в формировании социальной структуры полиса.

Буркерт детально описывает практики жертвоприношений (*θυσία*), возлияний (*σπονδή*) и очищения (*καθαρμός*). Он особо отмечает, что ритуалы были не просто символическими актами, но способом коммуникации с божественным. Так, жертвоприношение животного интерпретируется им как акт восстановления космического порядка через разделение мяса между людьми и богами. На примере Дельфийского оракула Вальтер Буркерт анализирует храмы как центры

политической и религиозной жизни, где жрецы выступали посредниками между миром людей и богов, и их предсказания коренным образом влияли на решения властей полисов. Также ученый полагает, что Элевсинские и Самофракийские мистерии являются попытками преодолеть экзистенциальные страхи через ритуалы инициации. Он отмечает их роль в формировании индивидуальной духовности в рамках коллективной религии [3].

Исследуя творчество досократиков, а также Платона и Аристотеля, В. Буркерт делает вывод, что мыслители анализируют религию как попытку рационализации мифов. Например, Платон в «Законах» предлагает синтез традиционных культов и философской этики. Также Буркерт делает вывод, что фестивали, к примеру Панафинеи, служили инструментом укрепления единства граждан. Ритуалы в виде процессий подчеркивали коллективную идентичность и иерархию. Ученый отмечается в том числе и роль женщин, активно участвовавших в культурах Деметры и Диониса [3].

Буркерт в своей работе прослеживает трансформацию божественных образов: от абстрактных сил природы в минойский период к антропоморфным богам времен Гомера. Ссылаясь на то, что христианские авторы заимствовали элементы греческих мистерий, например идею бессмертия души, делается вывод о демонстрации преемственности религиозных форм. Исследователь показывает, что древнегреческая религия была не набором мифов, а живой практикой, интегрированной в повседневную жизнь. Ритуалы служили механизмом социальной регуляции и космического порядка. Греческий пантеон отражал плюрализм полисной системы. Каждый бог воплощал аспекты природы и общества, а их культуры варьировались в зависимости от региона. В. Буркерт доказывает, что паломнические ритуалы и верования формировали идентичность древних греков и повлияли на развитие западной цивилизации [3].

Ученые Рутерфорд и Элнер в труде «*Pilgrimage in Graeco-Roman and Early Christian Antiquity: Seeing the Gods*» («Паломничество в греко-римской и раннехристианской античности: видение богов») предположили, что паломничества в Древней Греции произошли от так называемых делегаций и процессий, изначально не имевших религиозного значения. Со временем процесии начали включать жертвенных животных и дары, преподносимые богам. Помимо официальных процессий, которые организовывались культурной или политической элитой, существовали также частные процесии. Значительное количество официальных государственных процессий представляло собой регулярные мероприятия, где важную роль играли благовония, красивые одеяния, музыка. Процесии были направлены в большей степени для демонстрации власти и правления. Они создали идентичность Греции как сообщества государств еще до того, как алфавитное письмо стало общим средством для передачи ценностей, идей, методов и общих понятий [8].

По мнению исследователей, панэллинские фестивали были наиболее эффективны в объединении сообществ путем поклонения одним и тем же богам, обмена товарами и заключения браков представителями разных полисов. Они помогли создать и развить такие инновации, как общий греческий язык, греческие мифы и греческая демократия. С увеличением количества городов и населения росла и необходимость совершать ритуальные действия, в которых участвовало все сообщество [12]. Элнер и Рутерфорд утверждают, что было много типов паломничества, в своей работе они выделили четырнадцать мотивов для духовного путешествия, среди которых исцеление, консультация оракула, священный туризм [8].

Особый взгляд на духовные путешествия в античности у исследователя С. Скалиона, который в работе «*Pilgrimage* and Greek Religion: Sacred and Secular in the Pagan Polis» («Паломничество» и греческая религия: сакральное и мирское в языческом полисе) утверждал, что в Древней Греции не существовало специального термина, описывающего паломничество как путешествие одного человека или группы людей с религиозной мотивацией. Тем не менее ученый полагает, что огромное количество греков путешествовало на панэллинские фестивали, чтобы соревноваться как атлеты, консультироваться с оракулом, исцелиться от болезни, сделать подношение в качестве представителя своего родного города, принять участие в фестивале как зритель, заняться торговлей. По мнению Скалиона, такое путешествие не было ритуализировано [10].

Заключение. Таким образом, несмотря на разнообразие мнений исследователей, можно сделать некоторые обобщающие выводы. Паломничество в Древней Греции было сосредоточено вокруг ряда ключевых священных мест, которые объединяли верующих, стремившихся получить божественное благословение, пророчества, участие в мистических обрядах. Святыни

и храмы располагались, главным образом, в живописных местах, что подчеркивало связь между божественным и природным миром. Основу паломнических практик составляли жертвоприношения, оракулы и мистерии. Духовные путешествия укрепляли общинную идентичность, они отразились в мифологии и искусстве, в частности, росписи ваз, архитектуре храмов. С распространением христианства элементы греческого паломничества, в том числе и ритуалы, повлияли на формирование традиций новой религии. Следует отметить, что паломнические ритуалы в Древней Греции стали важным религиозным и социокультурным феноменом, объединявшим веру, искусство и философию в единую систему смыслов.

Список использованных источников

1. Bremmer, J. N. *Greek religion and culture, the Bible and the ancient Near East* / J. N. Bremmer. – Leiden: Brill, 2008. – 424 p. – (Jerusalem studies in religion and culture; vol. 8). <https://doi.org/10.1163/ej.9789004164734.i-426>
2. Bremmer, J. N. *Götter, Mythen und Heiligtümer im antiken Griechenland* / J. N. Bremmer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. – 163 s.
3. Burkert, W. *Greek religion: archaic and classical* / W. Burkert. – Oxford: Blackwell, 1985. – 493 p.
4. Dillon, M. *Pilgrims and pilgrimage in Ancient Greece* / M. Dillon. – London; New York: Routledge, 1997. – 308 p.
5. Parke, H. W. *Greek oracles* / H. W. Parke. – London: Routledge, 2015. – 160 p.
6. Bowden, H. *Classical Athens and the Delphic oracle: divination and democracy* / H. Bowden. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. – 188 p.
7. Cole, S. G. *Landscapes, gender, and ritual space: the ancient Greek experience* / S. G. Cole. – Berkeley: Univ. of California Press, 2004. – 312 p. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235441.001.0001>
8. Pilgrimage in Graeco-Roman and early Christian antiquity: seeing the Gods / ed.: J. Elsner, I. Rutherford. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – 532 p.
9. Kindt, J. Delphic oracle stories and the beginning of historiography: Herodotus' Croesus Logos / J. Kindt // *Classical Philology*. – 2006. – Vol. 101, № 1. – P. 34–51. <https://doi.org/10.1086/505670>
10. Scullion, S. ‘Pilgrimage’ and Greek religion: sacred and secular in the pagan polis / S. Scullion // *Pilgrimage in Graeco-Roman and early Christian antiquity: seeing the Gods* / ed.: J. Elsner, I. Rutherford. – Oxford, 2007. – P. 111–130. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199237913.003.0005>
11. Mikalson, J. D. *Ancient Greek religion* / J. D. Mikalson. – 2nd ed. – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2010. – 236 p.
12. Rutherford, I. *State pilgrims and sacred observers in Ancient Greece: a study of Theōriā and Theōroi* / I. Rutherford. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. – 552 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139814676>
13. Платон. *Федон* / Платон. – М.: Нобель Пресс, 2024. – 72 с.
14. Ницше, Ф. *Рождение трагедии из духа музыки* / Ф. Ницше. – М.: Азбука, 2021. – 224 с.

References

1. Bremmer J. N. *Greek religion and culture, the Bible and the ancient Near East. Jerusalem studies in religion and culture. Vol. 8*. Leiden, Brill, 2008. 424 p. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004164734.i-426>
2. Bremmer J. N. *Götter, Mythen und Heiligtümer im antiken Griechenland* [Gods, myths and sanctuaries in Ancient Greece]. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. 173 p. (in German).
3. Burkert W. *Greek religion: archaic and classical*. Oxford, Blackwell, 1985. 493 p.
4. Dillon M. *Pilgrims and pilgrimage in Ancient Greece*. London, New York, Routledge, 1997. 308 p.
5. Parke H. W. *Greek oracles*. London, Routledge, 2015. 160 p.
6. Bowden H. *Classical Athens and the Delphic oracle: divination and democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 188 p.
7. Cole S. G. *Landscapes, gender, and ritual space: the ancient Greek experience*. Berkeley, University of California Press, 2004. 312 p. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235441.001.0001>
8. Elsner J., Rutherford I. (eds.). *Pilgrimage in Graeco-Roman and early Christian antiquity: seeing the Gods*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 532 p.
9. Kindt J. Delphic oracle stories and the beginning of historiography: Herodotus' Croesus Logos. *Classical Philology*, 2006, vol. 101, no. 1, pp. 34–51. <https://doi.org/10.1086/505670>
10. Scullion S. ‘Pilgrimage’ and Greek religion: sacred and secular in the pagan polis. *Pilgrimage in Graeco-Roman and early Christian antiquity: seeing the Gods*. Oxford, 2007, pp. 111–130. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199237913.003.0005>
11. Mikalson J. D. *Ancient Greek religion*. 2nd ed. New Jersey, Wiley-Blackwell, 2010. 236 p.
12. Rutherford I. *State pilgrims and sacred observers in Ancient Greece: a study of Theōriā and Theōroi*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 552 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139814676>
13. Plato. *Fedon* [Phaedo]. Moscow, Nobel' Press Publ., 2024. 72 p. (in Russian).
14. Nietzsche F. *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik* [The birth of tragedy from the spirit of music]. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 152 p. (in German). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511710414>

Информация об авторе

Зайцев Дмитрий Михайлович – кандидат философских наук, доцент. Институт философии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mdizaj@tut.by <https://orcid.org/0000-0002-7705-7561>

Information about the author

Dmitry M. Zaitsev – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mdizaj@tut.by <https://orcid.org/0000-0002-7705-7561>

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 316.012:[323.21+316.654](476):351/354

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-277-285>

Поступила в редакцию 30.04.2025

Received 30.04.2025

С. В. Хамутовская

Институт социологии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Обосновывается актуальность применения человекоцентрированного подхода в качестве эффективного метода принятия управленческих решений и повышения результативности взаимодействия граждан и государства в условиях цифровой трансформации системы государственного управления в Республике Беларусь. Определяются сущность и специфика данного подхода в сравнении с продуктоцентрическим и клиентоцентрическим подходами. В частности, указывается, что человекоцентрированный подход подразумевает, что действия государства в лице его органов и структур соответствуют ожиданиям граждан, востребованы ими и удовлетворяют их реальные потребности. В свою очередь, результатом того, что управленческие решения ориентированы на запросы и интересы граждан, выработаны в процессе интеракции заинтересованных лиц и осуществлены посредством современных цифровых технологий, становится повышение уровня доверия населения органам государственной власти, снижение уровня социальной напряженности и т. д. Анализируется потенциал человекацентрированного подхода сквозь призму применения технологии искусственного интеллекта в государственном секторе в работе электронных правительства. На базе эмпирического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларусь в январе–феврале 2024 г., выявляются представления населения нашей страны об электронном правительстве в зависимости от социально-демографических характеристик (пола, возраста, образования, социального положения, типа населенного пункта, области проживания).

Ключевые слова: цифровая трансформация, система государственного управления, электронное правительство, человекоцентрированный подход

Для цитирования: Хамутовская, С. В. Человекоцентрированный подход как эффективный метод принятия управленческих решений в условиях цифровой трансформации системы государственного управления в Республике Беларусь / С. В. Хамутовская // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 277–285 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-277-285>

Sviatlana V. Khamutouskaya

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HUMAN-CENTERED APPROACH AS AN EFFECTIVE MANAGEMENT DECISION-MAKING METHOD IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The relevance of the use of a human-centered approach as an effective method of making management decisions and increasing the effectiveness of interaction between citizens and the state in the context of the digital transformation of the public administration system in the Republic of Belarus is proved. The essence and specificity of this approach are determined in comparison with product-centric and customer-centric approaches. In particular, it is indicated that the human-centered approach implies that the actions of the state represented by its bodies and structures correspond to the expectations of citizens, are in demand by them and satisfy their real needs. In turn, the result of the fact that management decisions are focused on the needs and interests of citizens, developed in the process of interaction between stakeholders and implemented by means of modern digital technologies, is an increase in the level of public confidence in government bodies, a decrease in the level of social tension, etc. The potential of a human-centered approach is analyzed through the prism of the application of AI technology in the public sector in the work of electronic governments. On the basis of an empirical study conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in January–February 2024, the view of the population of our country about electronic government are revealed depending on socio-demographic characteristics (gender, age, education, social status, type of settlement, area of residence).

Keywords: digital transformation, public administration, e-government, human-centered approach

For citation: Khamutouskaya S. V. Human-centered approach as an effective management decision-making method in the context of digital transformation of the public administration system in the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 277–285 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-277-285>

Введение. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. указано, что ее концептуальным ядром является «модель устойчивого развития, которая включает совокупность принципов и требований к социально-экономической и политической системам государства, режиму функционирования и взаимодействия их подсистем, обеспечивающих гармонизацию отношений в триаде «человек – окружающая среда – экономика» [1, с. 13]. В число основных принципов, на которые ориентирована модель устойчивого развития Беларуси в прикладном плане, входят следующие: «человек – цель прогресса; уровень человеческого развития – мера зрелости общества, государства, его социально-экономической политики; совершенствование системы управления, механизмов принятия и реализации управлеченческих решений» [1, с. 13]. В ходе активно осуществляющейся во всех сферах общественной жизни нашей страны цифровой трансформации особое значение приобретает исследование потребностей, ожиданий и возможностей взаимодействия населения с различными органами государственной власти и иными государственными структурами с целью повышения эффективности функционирования системы государственного управления, подразумевающей выстраивание государственных сервисов (прежде всего касающихся оказания государственных услуг и административных процедур, обеспечения участия в работе цифровых платформ и т. п.), которые учитывают интересы людей. В современных условиях в качестве наиболее продуктивного подхода как к принятию управлеченческих решений, так и организации «обратной связи» граждан и государства можно рассматривать человекоцентрированный подход.

Основная часть. В подпрограмме «Цифровое развитие государственного управления» государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. сделан акцент на том, что развитие электронного правительства в обозначенный период направлено, помимо выполнения прочих задач, на формирование современной системы оказания государственных услуг на принципах проактивности, мультиканальности и клиентоцентричности их предоставления. Последний предполагает концентрацию на создании простых и удобных условий получения административных процедур и государственных услуг [2]. Человекоцентричность в определенной степени выступает «продолжением» принципа клиентоцентричности в государственном управлении.

В целом названные подходы изначально возникли и реализовывались в бизнесе. Последствиями промышленного переворота, начавшегося в странах Западной Европы во второй половине XVIII в. и активно осуществлявшегося в течение XIX в., явились появление массового производства с применением машин, быстрая урбанизация, изменение социальной структуры. В это время был востребован продуктоцентричный подход, основная идея которого заключалась в том, чтобы создать качественный продукт или услугу, ориентированные на максимально широкую аудиторию. Во второй половине XX в. началось внедрение клиентоцентричного подхода в бизнесе, предполагающего, что при производстве продуктов или услуг необходимо учитывать дифференцированность потребительской аудитории, улучшать взаимодействие с клиентами, в том числе посредством диалога и «обратной связи», адаптировать продукты или услуги, а также способы их предоставления к потребностям и ожиданиям клиентов.

Примерно в 60–70-х гг. XX в. широкое распространение в различных сферах (образовании, медицине, политике, социальной сфере), включая бизнес, получает разработанный в 1940-х гг. американским психологом К. Роджерсом в качестве недирективной, или клиенто-центрированной, психотерапии человекоцентрированный подход. Его базу составляют утверждения о том, что природа человека, изначально социальная и конструктивная, эффективно раскрывается в процессе коммуникации с другими людьми в случае проявления последними эмпатии, конгруэнтности, безусловного позитивного (безоценочного) принятия Другого [3]. В дальнейшем Э. Медоус, последователь К. Роджерса, развивал идеи о специфике человекоцентрированного подхода и опыте его применения в практике работы с организациями. Данный исследователь, в дополнение к трем вышеназванным человекоцентрированным умениям, добавил еще одно – «специфическое поведение в ситуации делового взаимодействия с партнером – эмпатическое слушание» [4, с. 95]. Именно это умение он считал наиболее полезным. «Процедура эмпатического слушания может быть описана четырьмя процессами: решение слушать; прояснение вербального сообщения Другого (то, что может быть названо “активным слушанием”); стремление

понять опыт (переживание, эмоции, смыслы) Другого; валидизация, т. е. подтверждение говорящим (Другим), что слушатель понял и прояснил его слова и опыт адекватно. Давать или не давать такое подтверждение остается на усмотрение говорящего (Другого)» [4, с. 95]. Тем самым посредством эмпатического слушания можно получить полную, достоверную информацию от партнера по деловому взаимодействию. По мнению Э. Медоуса, в отличие от клиентоцентрированного подхода, который применим более всего в рамках психологии, человекоцентрированный подход может рассматриваться как «универсальная модель для любых партнерских отношений» [4, с. 93].

Использование базовых установок человекоцентрированного подхода в бизнесе позволило обеспечить понимание того, что «за каждым человеком скрывается не только потребность в продукте или услуге, но и целый мир эмоций, переживаний и социальных связей» [5, с. 26]. В отличие от клиентоцентричности, человекоцентричность «охватывает всё: от эмоций до социальных и культурных ожиданий, создавая систему, в которой человек становится центром, а бизнес – частью более сложной ткани человеческих отношений» [5, с. 26]. Позднее для реализации принципов человекоцентричности в управлении организациями был разработан международный стандарт ISO 27500:2016 «The human-centred organization – Rationale and general principles» [5, с. 26], в содержании которого обозначены ключевые позиции и рекомендации для интеграции человекоцентрированного подхода в процессы управления и принятия решений «с целью улучшения качества взаимодействия с клиентами, сотрудниками и другими заинтересованными сторонами. Стандарт охватывает аспекты, связанные с пониманием потребностей и ожиданий людей, созданием соответствующей корпоративной культуры, а также обеспечением устойчивого и этичного подхода к бизнес-практикам» [5, с. 26].

Применение человекоцентрированного подхода в государственном секторе подразумевает, что действия государства в лице его органов и структур соответствуют ожиданиям граждан, востребованы ими и удовлетворяют их реальные потребности. В свою очередь, результатом того, что управленческие решения ориентированы на запросы и интересы граждан, выработаны в процессе активного взаимодействия заинтересованных лиц и реализованы посредством современных цифровых технологий, становится повышение уровня доверия населения органам государственной власти, снижение уровня социальной напряженности и т. д. Выступая 25 марта 2025 г. на церемонии вступления в должность Главы государства, А. Г. Лукашенко отметил, что нашей стране «не нужны и не будут нужны технологии ради технологий. Они должны приносить реальную пользу и давать конкретный результат. Главное понять, что из этого всего массива новшеств действительно дает новое качество, экономит ресурсы, заметно облегчает и улучшает жизнь людей» [6]. В отличие от клиентоцентричного при применении человекоцентрированного подхода важен не только сам процесс удовлетворения потребностей человека, социальных групп, общества в целом, но и восприятие последними данного процесса, а также их вовлечение в разработку и реализацию решений, касающихся достижения социальных запросов и ожиданий.

В 2024 г. в сотрудничестве с Министерством связи и информатизации Республики Беларусь и ОАО «Гипросвязь» было проведено страновое исследование по методике Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) по оценке состояния на момент исследования «цифрового развития в Беларуси по шести основным направлениям: доступность услуг связи, государственное управление, регулирование, экономика, люди, цифровая общественная инфраструктура» [7] цифровой готовности (далее – Оценки). В исследовании также изучалась готовность страны к использованию искусственного интеллекта (ИИ). «В масштабном онлайн-опросе, проведенном в рамках Оценки, приняли участие около 11 тысяч человек. Среди них – представители органов государственного управления, бизнеса, неправительственных организаций и научного сообщества» [7].

Итоги исследования показали, что, во-первых, «белорусы положительно относятся к цифровым технологиям и позитивно воспринимают процессы цифровизации на национальном уровне, 92 % респондентов используют Интернет для решения своих повседневных нужд. Также большинство опрошенных позитивно смотрят на внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в государстве: 54 % доверяют ИИ, 66 % считают, что ИИ может помочь решить социально-экономические вызовы» [7]. Во-вторых, граждане указали на то, что они ожидают от государства более

клиентоцентричных подходов к цифровому развитию. По их мнению, «количество цифровых услуг все еще недостаточное» [7]. Всего 32,0 % респондентов отметили, что они использовали интернет для взаимодействия с государством [7]. Кроме того, были обозначены «проблемы со сложностью взаимодействия с государством и ряд других трудностей, таких, например, как не масштабированные на сельские регионы сервисы цифровой медицины или образования, несвоевременное информирование и постоянная необходимость получения государственных услуг и административных процедур в бумажной форме» [8, с. 45].

В результате проведенного в 2023 г. анализа национального ИТ-ландшафта было выявлено, что в нашей стране превалировали иностранные наименования программных средств над национальными, наблюдался низкий уровень распространенности применения СПО-решений¹ ввиду наличия определенных организационных ограничений [8, с. 45].

В настоящее время продолжается разработка проекта Стратегии цифрового развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. и на перспективу до 2035 г.² С учетом результатов вышеуказанных исследований многие белорусские ученые, среди которых А. Е. Алексеев, Н. Г. Юневич, А. А. Богданова, считают, что новая стратегия должна основываться на человекоцентрированном подходе, в частности, при формировании цифрового пространства следует учитывать потребности граждан и бизнеса в качественных и достоверных сведениях [8, с. 45]. При этом необходимо принять во внимание следующие целевые ориентиры:

«Целевой ориентир 0 «Новые цифровые реалии» – предполагает создание качественной и современной ИКТ-инфраструктуры;

«Целевой ориентир 1 «Цифровые услуги: все, везде и всегда» – предполагает возможность для граждан и бизнеса решить любую деловую (жизненную) ситуацию цифровым способом независимо от местонахождения и времени обращения;

«Целевой ориентир 2 «Данные работают на каждого» – предполагает формирование и многократное использование данных, а также новые способы создания и использования данных в зависимости от нужд конечных потребителей;

«Целевой ориентир 3 «Принятие решений ушло от “реактивного” к “предиктивному”» – предполагает переход государства от «запретительного регулятора» к методологии и координатору, применение модели принятия решений на государственном уровне с учетом проверенных фактических данных, аналитики и надежных обоснованных прогнозов» [8, с. 45–46].

Следует также отметить, что вопросы, связанные с человекоориентированным подходом, упоминаются в исследовании ООН «Электронное правительство 2024: ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития» [9] сквозь призму применения ИИ в государственном секторе в работе электронных правительств. В частности, речь идет о том, что инструменты, используемые в государственном секторе, должны отражать такие ценности, как «честность, справедливость, устойчивость и подотчетность» [9, с. 164], имеющие важное значение для обеспечения баланса общественных интересов. В данном исследовании также отмечается, что «это может быть проблематично, поскольку алгоритмы ИИ настроены на возврат наиболее вероятного результата для данной задачи без учета этики, социальных норм или общественных стандартов. Необходим ориентированный на человека подход к адаптации и применению технологий ИИ, чтобы гарантировать, что управляемое ИИ электронное правительство является безопасным, эффективным и соответствует социальным ценностям» [9, с. 164]. По мнению экспертов ООН, еще одним потенциальным подходом, направленным на человека, является «включение человеческого элемента в процесс автоматизации. Несмотря на мощь инструментов ИИ, они не несут ответственности за результаты, которые предоставляют, поэтому необходимо человеческое вмешательство для закрытия пробелов в цепочке ответственности за процессы и результаты ИИ. Страны должны внедрить подход “человек в цепочке” или “человек над цепочкой” для контроля за использованием и применением ИИ и обеспечения подотчетности» [9, с. 164]. В качестве примера приводится принятие в Европе закона об искусственном интеллекте, который определяет условия и порядок работы с технологиями ИИ с учетом четырехуровневой системы, отражающей основные риски: «Эта система запрещает приложения ИИ, представляющие непри-

¹ Решений с использованием свободного программного обеспечения.

² По состоянию на 24 апреля 2025 г.

емлемые риски для людей» [9, с. 164]. Соответственно, «все поставщики, вводящие продукты ИИ или разворачивающие системы ИИ на рынке Европейского союза, обязаны оценивать уровень риска их продукта или системы и соблюдать соответствующие регламенты» [9, с. 164].

Для того чтобы успешно внедрять человекоцентрированный подход в функционирование системы государственного управления в условиях цифровой трансформации белорусского общества, важно своевременно выявлять мнение и интересы различных социальных групп. В связи с тем, что в проекте Стратегии цифрового развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. и на период до 2035 г.¹ в качестве одной из задач обозначено «развитие эффективного “электронного правительства”» [10], представляется целесообразным выявить представления и ожидания населения Беларуси относительно последнего в зависимости от социально-демографических характеристик (пола, возраста, образования, социального положения, типа населенного пункта, области проживания).

Это приобретает особую значимость в связи со снижением в 2024 г. позиции Беларуси в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства: среди исследованных 193 стран мира Беларусь находилась на 77-м месте, что на 19 пунктов ниже, чем в рамках предыдущего замера в 2022 г., когда наша страна занимала 58-е место [9, с. 172; 11, с. 72]. Сводный индекс развития электронного правительства (EGDI – E-Government Development Index) Беларуси в данном рейтинге в 2024 г. составил 0,7445, что на 1,8 % меньше, чем в 2022 г. (в 2022 г. он равнялся 0,7580) [9, с. 172; 11, с. 72]. В результате в 2024 г. Беларусь из группы стран с очень высоким индексом развития электронного правительства (от 0,75 до 1,00) переместилась в группу стран с высоким индексом развития электронного правительства (от 0,50 до 0,7499)². По мнению экспертов ООН, «сильным» компонентом электронного правительства нашего государства является телекоммуникационная инфраструктура; при этом улучшить общее развитие электронного правительства представляется возможным посредством увеличения инвестиций «в укрепление человеческого капитала и предоставление онлайн-услуг» [9, с. 47]. Также в 2024 г. Беларусь вошла в группу из 33 стран, в которых наблюдалось сочетание высокого сводного индекса развития электронного правительства со средним значением индекса электронного участия (в нашей стране он составил 0,4932) [9, с. 172], что свидетельствует о необходимости прикладывания больших усилий государства по достижению прогресса в отношении последнего. Для измерения субиндекса электронного участия применяется трехбалльная шкала, которая определяет «прогрессивные уровни вовлеченности на основе государственной политики, положений и практик, связанных с участием общественности в управлении» [9, с. 55]. «Первый уровень включает предоставление населению информации о важных аспектах общественной жизни, второй – привлечение общественности к консультациям по вопросам разработки политики и/или предоставления услуг на различных этапах процесса, а третий уровень – учет мнения общественности и вовлечение людей в процесс принятия решений» [9, с. 55].

Согласно результатам эмпирического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в январе–феврале 2024 г. в пределах республики³ (объем выборочной совокупности, необходимый для достижения цели исследования, составил 1855 человек; доверительный интервал равнялся $\pm 2,28\%$; выборка репрезентативна для населения Республики Беларусь), отвечая на вопрос, слышали ли они когда-нибудь выражение «электронное правительство», большинство опрошенных (78,3 %) выбрали вариант ответа: «Нет, слышу этот термин впервые», примерно одна пятая часть (21,2 %) выбрали ответ: «Да, слышали», 0,5 % респондентов не предоставили ответа.

¹ По состоянию на 15 января 2025 г.

² Диапазон значений группы EGDI математически определен следующим образом: 1) очень высокие значения EGDI находятся в диапазоне от 0,75 до 1,00 включительно; 2) высокие значения группы EGDI – от 0,50 до 0,7499 включительно; 3) средние значения EGDI – от 0,25 до 0,4999 включительно; 4) низкие значения EGDI – от 0,0 до 0,2499 включительно. В обзорах ООН по электронному правительству соответствующие значения округляются для наглядности и выражаются следующим образом: 1) 0,75–1,00; 2) 0,50–0,75; 3) 0,25–0,50; 4) 0,00–0,25 [11, с. 51].

³ В рамках выполнения отделом социологии государственного управления научно-исследовательской работы «Социальные аспекты цифровой трансформации как стратегического фактора социально-политического развития белорусского общества» по заданию 5.03. «Разработка методологии анализа цифровой трансформации как фактора социально-политической динамики белорусского общества» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (подпрограмма 12.5 «Социология») на 2021–2025 гг.

Уровень информированности об электронном правительстве был более высоким среди следующих категорий респондентов:

мужчин, чем среди женщин: 25,8 % мужчин и 17,5 % женщин указали на то, что когда-то слышали выражение «электронное правительство»; 73,8 % мужчин и 81,8 % женщин упомянули о том, что в момент опроса слышат об этом термине впервые; не ответили на данный вопрос 0,4 % мужчин и 0,7 % женщин;

людей среднего возраста от 30 до 39 лет и от 40 до 49 лет: соответственно 24,0 и 27,4 % респондентов названных возрастов когда-то слышали выражение «электронное правительство» (75,5 и 72,3 % опрошенных из указанных возрастных групп соответственно, наоборот, ничего о нем не слышали, еще 0,5 и 0,3 % не дали ответ на данный вопрос). В старших возрастных группах и у молодежи уровень информированности был более низким: 21,0 % людей в возрасте от 50 до 59 лет что-то слышали об электронном правительстве (77,7 % – не слышали, 1,3 % не дали ответ), 16,8 % – от 60 лет и старше (не слышали 82,8 %, не дали ответ – 0,4 %), 18,2 % – от 18 до 29 лет (81,5 % соответственно не слышали, 0,3 % не дали ответ). Таким образом, среди молодежи и людей в возрастной группе от 60 лет и старше больше всего респондентов, кто узнал о термине «электронное правительство» в момент опроса впервые, менее всего таковых наблюдалось в возрастной группе от 40 до 49 лет;

респондентов с высшим образованием: 30,4 % что-то слышали об электронном правительстве; среди опрошенных с базовым, средним общим образованием, а также профессионально-техническим, средним специальным образованием таковых было примерно в два раза меньше – соответственно 16,5 и 17,1 %. Закономерно, что среди людей с высшим образованием меньше всего тех, кто впервые услышал об электронном правительстве в момент опроса (68,8 %, не ответили на данный вопрос 0,8 %), по сравнению с теми, кто имел базовое, среднее общее образование (83,1 %, не ответили на данный вопрос 0,4 %), а также профессионально-техническое, среднее специальное образование (82,6 %, не ответили на данный вопрос 0,3 %);

работающих опрошенных: среди них 23,8 % что-то слышали об электронном правительстве, в то время как среди неработающих таковых было 15,7 %; соответственно среди неработающих (83,8 % – не слышали, 0,5 % не ответили на данный вопрос), в отличие от работающих (75,6 и 0,6 % не ответили на данный вопрос), было больше тех, кто слышал данный термин впервые;

жителей города (22,0 %) по сравнению с жителями села (18,1 %): в свою очередь, среди жителей села было больше тех, кто не был осведомлен (81,9 % – не слышали, 0,0 % не ответили на данный вопрос) о существовании электронного правительства, чем среди жителей города (77,3 и 0,7 % не ответили на данный вопрос);

жителей в первую очередь Витебской области (28,1 % респондентов слышали этот термин, 71,5 %, наоборот, ничего о нем не слышали, 0,4 % опрошенных не ответили на данный вопрос); наименьший уровень информированности об электронном правительстве наблюдался у жителей Брестской области (18,7 % респондентов слышали этот термин, 81,0 %, наоборот, ничего о нем не слышали, 0,3 % опрошенных не ответили на данный вопрос).

В целом, немногим более половины респондентов (51,8 %) затруднились ответить на вопрос, что, на их взгляд, должно включать в себя электронное правительство. Мнения остальных распределились следующим образом:

«возможность для граждан и бизнес-сообщества направлять жалобы и предложения в органы государственной власти с помощью интернет-сайтов (19,1 %);

предоставление государственных услуг гражданам и бизнес-сообществу с помощью интернет-сайтов и порталов (15,6 %);

автоматизация государственного управления (13,7 %);

контроль со стороны органов государственной власти за работниками государственного аппарата (11,4 %);

электронный документооборот между органами государственной власти (11,2 %);

видеотрансляция в сети Интернет важных мероприятий, проводимых органами государственной власти (9,3 %);

оснащение органов государственной власти современной техникой с доступом в Интернет, мобильными технологиями (7,5 %);

другое (0,4 %)»¹ [12, с. 40].

Если конкретизировать, то наиболее часто респонденты высказывали мнение о том, что электронное правительство должно включать в себя²:

возможность для граждан и бизнес-сообщества направлять жалобы и предложения в органы государственной власти с помощью интернет-сайтов: женщины (20,8 %), люди среднего возраста от 40 до 49 лет (23,1 %), опрошенные с высшим образованием (21,1 %), работающие (20,7 %), горожане (20,6 %), жители столицы (22,4 %);

предоставление государственных услуг гражданам и бизнес-сообществу с помощью интернет-сайтов и порталов: мужчины (17,1 %), примерно в одинаковой степени люди среднего возраста от 30 до 39 лет (18,2 %) и от 40 до 49 лет (18,7 %), с высшим образованием (22,5 %), работающие (18,4 %), горожане (16,7 %), жители столицы (22,1 %);

автоматизацию государственного управления: мужчины (17,0 %), молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (18,2 %), опрошенные с высшим образованием (19,8 %), работающие (15,6 %); горожане (15,1 %), жители столицы (18,7 %);

контроль со стороны органов государственной власти за работниками государственного аппарата: почти в одинаковой степени мужчины и женщины (соответственно 11,1 и 11,7 %), люди старшего возрастной группы от 50 до 59 лет (14,3 %), с профессионально-техническим, средним специальным образованием (12,3 %), примерно в одинаковой степени работающие (11,4 %) и неработающие (11,6 %), сельчане (12,0 %), жители Гомельской области (15,2 %);

электронный документооборот между органами государственной власти: мужчины (13,6 %), опрошенные среднего возраста от 30 до 39 лет (14,1 %), с высшим образованием (17,6 %), работающие (12,5 %), горожане (12,0 %), жители Гродненской области (16,2 %);

видеотрансляцию в сети Интернет важных мероприятий, проводимых органами государственной власти: женщины (9,5 %), молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (12,8 %), опрошенные с различным образованием (по 9,3 % соответственно с базовым, средним общим, профессионально-техническим, средним специальным, высшим образованием), неработающие (10,3 %), горожане (9,4 %), жители Гомельской области (14,8 %);

оснащение органов государственной власти современной техникой с доступом в Интернет, мобильными технологиями: почти в одинаковой степени мужчины (7,6 %) и женщины (7,5 %), опрошенные в возрасте от 30 до 39 лет (9,4 %) и от 50 до 59 лет (9,6 %), с базовым, средним общим образованием (8,4 %), примерно в одинаковой степени работающие (7,4 %) и неработающие (7,9 %), сельчане (8,2 %), жители Брестской области (11,5 %).

Наиболее часто затруднялись ответить на вопрос, что должно включать в себя электронное правительство, женщины (53,9 %), представители старшего возрастной группы от 60 лет и более (61,4 %), с базовым, средним общим образованием (58,0 %), неработающие (60,3 %), сельчане (57,7 %), жители Минской области (56,9 %).

Немногим менее чем одна треть респондентов (29,1 %) отметили, что они поддерживают идею развития электронного правительства в Беларуси, противоположную позицию занимали 11,9 %, затруднились ответить 57,4 % опрошенных, не дали ответ 1,6 %. Наибольшую заинтересованность в развитии электронного правительства в нашей стране продемонстрировали мужчины (31,0 %), молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (39,7 %), с высшим образованием (36,7 %), работающие (31,2 %), горожане (30,8 %), жители Гомельской области (36,9 %).

Из числа тех респондентов, которые позитивно воспринимали идею развития электронного правительства, большинство (61,7 %; существенных отличий по социально-демографическим признакам обнаружено не было) отметили необходимость того, чтобы тратить меньше времени на решение их проблем (не стоять в очередях, получать государственные услуги в электронном виде и т. п.); 41,9 % – чтобы легко искать и получать открытую информацию от органов государственной власти; 41,5 % – чтобы работа органов государственной власти стала более «прозрач-

¹ При ответе на данный вопрос респондентам можно было выбрать до двух вариантов ответов.

² При ответе на вопрос: «Что, по Вашему мнению, должно включать в себя “электронное правительство”?» респонденту можно было выбрать до трех вариантов ответов.

ной»; 40,6 % – чтобы государственные услуги были более доступны для всех; 22,0 % – чтобы высказывать их мнение, предложения, жалобы по вопросам, касающимся развития общества, в электронной форме; 17,4 % – чтобы общаться с чиновниками дистанционно; 15,0 % – чтобы страна не «отставала» от мировых трендов¹.

Из числа опрошенных, которые, наоборот, были убеждены в том, что развивать электронное правительство в Республике Беларусь не следует, 38,9 % респондентов в качестве причины такой позиции отметили следующее: «сложно понять, как это работает»; 38,5 % – «не доверяю таким системам»; 23,5 % – «считаю, что возможна утечка информации»; 18,1 % – «это дорого для нашего государства»; 9,0 % – «не имею возможности пользоваться этим (нет компьютера, Интернета и т. п.)»; 8,6 % – «нет желания осваивать новые технологии»². Таким образом, граждане, не приветствующие дальнейшее совершенствование и внедрение на практике электронного правительства в нашей стране, прежде всего, обладали недостаточной информацией/знаниями о том, что собой представляет электронное правительство и как оно функционирует. Можно предположить, что у всех опрошенных имелось мало опыта, связанного с осуществлением взаимодействия с органами государственной власти в электронной форме. Так, например, в 2024 г. более половины респондентов (55,7 %) отметили, что они никогда не пользовались услугой электронного обращения в органы государственной власти посредством их официальных интернет-сайтов или электронной почты (до 2023 г.), 58,4 % – посредством сайта (<https://обращения.бел>) (с 2023 г.)³.

Заключение. Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в будущем совершенствование инфраструктуры и механизмов функционирования электронного правительства в Республике Беларусь, применение технологий ИИ как неотъемлемых составляющих цифрового развития системы государственного управления целесообразно осуществлять с использованием элементов человекацентрированного подхода. Несмотря на невысокий уровень информированности населения нашей страны об электронном правительстве, количество тех, кто в 2024 г. поддерживал идею необходимости существования последнего, превышало количество, придерживающихся противоположной точки зрения. Кроме того, основное предназначение электронного правительства граждане связывали с интеракцией между органами государственной власти и людьми, а также бизнес-сообществом, направленной на повышение оперативности, открытости и качества получения информации, услуг, налаживание «обратной связи». Человекоцентрированный подход как способ принятия управленческих решений дает возможность в полной мере принимать во внимание вышеуказанные социальные потребности и ожидания. В свою очередь, учет реальных социальных запросов и своевременное выявление сложностей применения как населением, так и сотрудниками органов государственной власти новых цифровых технологий позволит эффективно корректировать ориентиры, способы и алгоритмы цифрового развития государственного управления, особенности их внедрения на практике, вовлекать граждан в их разработку и реализацию. Всё это в совокупности будет способствовать эффективному воплощению в жизнь основных принципов модели устойчивого развития Беларуси в процессе цифровой трансформации различных сфер жизнедеятельности людей.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 8–98.
2. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларусь» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февр. 2021 г. № 66 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066> (дата обращения: 16.01.2025).
3. Rogers, C. R. Counseling and psychotherapy: newer concepts in practice / C. R. Rogers. – Boston: Houghton Mifflin, 1942. – 450 p.
4. Штроо, В. А. Человекоцентрированный подход и практика управления персоналом в российских организациях / В. А. Штроо // Организационная психология. – 2016. – Т. 6, № 3. – С. 91–104.
5. Тян, Я. В. Сущность и реализация человекоцентричной стратегии маркетинга / Я. В. Тян, И. В. Рожков // Практический маркетинг. – 2024. – № 12 (330). – С. 25–28. <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2024-12330-25-28>

¹ При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, для чего необходимо развивать “электронное правительство” в Беларусь?» респонденту можно было выбрать до трех вариантов ответов.

² При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, почему не следует развивать “электронное правительство” в Республике Беларусь?» респонденту можно было выбрать до трех вариантов ответов.

³ В % от всех респондентов.

6. О достижениях Беларуси, стратегии развития и времени новых побед. Инаугурационная речь Лукашенко // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/president/view/o-dostizhenijah-belarusi-strategii-razvitiya-i-novom-istoricheskem-shanse-inauguratsionnaja-rech-704781-2025/> (дата обращения: 27.03.2025).

7. В Минске прошла партнерская сессия, посвященная цифровому развитию Беларуси // United Nations Development Programme. – URL: <https://www.undp.org/ru/belarus/news/v-minske-proshla-partnerskaya-sessiya-posvyaschennaya-cifrovomu-razvitiyu-belarusi> (дата обращения: 07.04.2025).

8. Алексеев, А. Е. Подходы к стратегическому планированию цифрового развития на 2026–2030 гг. и на перспективу до 2035 г. / А. Е. Алексеев, Н. Г. Юневич, А. А. Богданова // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2024): докл. XXIII Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 21 нояб. 2024 г. / Объед. ин-т проблем информатики НАН Беларуси; науч. ред.: С. В. Кругликов, Р. Б. Григорьев, В. Н. Венгеров. – Минск, 2024. – С. 42–46.

9. Исследование ООН: Электронное правительство 2024: ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития: с дополнением об Искусственном Интеллекте / Департамент по экон. и соц. вопр. ООН. – Нью-Йорк: Орг. Объед. Наций, 2024. – 179 с. – URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

10. Рассмотрена Стратегия цифрового развития на 2026–2030 годы и на период до 2035 года // Гипросвязь. – URL: <http://giprosvaz.by/ru/news/rassmotrena-strategiya-cifrovogo-6140> (дата обращения: 07.04.2025).

11. Исследование ООН: Электронное правительство 2022: будущее цифрового правительства / Департамент по экон. и соц. вопр. ООН. – Нью-Йорк: Орг. Объед. Наций, 2022. – 276 с. – URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023-01/UN%20E-Government%20Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

12. Хамутовская, С. В. Электронное правительство в «зеркале» общественного мнения населения Республики Беларусь / С. В. Хамутовская // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філософія. Палітологія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2024. – № 3. – С. 39–43.

References

1. National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030. *Ekonicheskii byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus'* [Economic Bulletin of Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus], 2015, no. 4, pp. 8–98 (in Russian).
2. About the State Program “Digital Development of Belarus” for 2021–2025: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, February 2, 2021, no. 66. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066> (accessed 16.01.2025) (in Russian).
3. Rogers C. R. *Counseling and psychotherapy: newer concepts in practice*. Boston, Houghton Mifflin, 1942. 450 p.
4. Stroh W. Person-centered approach and human resource management in Russian organizations. *Organizatsionnaya psichologiya = Organizational Psychology*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 91–104 (in Russian).
5. Tyan Ya V., Rozhkov I. V. Essence and implementation of human-centered marketing strategy. *Prakticheskii marketing = Hands-on marketing*, 2024, no. 12 (330), pp. 25–28 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2024-12330-25-28>
6. On the achievements of Belarus, the development strategy and the time of new victories. Lukashenko's inaugural speech. *BELTA*. Available at: <https://belta.by/president/view/o-dostizhenijah-belarusi-strategii-razvitiya-i-novom-istoricheskem-shanse-inauguratsionnaja-rech-704781-2025/> (accessed 27.03.2025) (in Russian).
7. Digital and AI Readiness Assessment presented in Belarus. *United Nations Development Programme*. Available at: <https://www.undp.org/belarus/news/digital-and-ai-readiness-assessment-presented-belarus> (accessed 07.04.2025).
8. Alekseev A. E., Yunevich N. G., Bogdanova A. A. Approaches to strategic planning of digital development for 2026–2030 and for the future until 2035. *Razvite informatizatsii i gosudarstvennoi sistemy nauchno-tehnicheskoi informatsii (RINTI-2024): doklady XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii*, Minsk, 21 noyabrya 2024 g. [Development of informatization and the state system of scientific and technical information (RINTI-2024): materials of the XXIII International scientific and technical conference, Minsk, November 21, 2024]. Minsk, 2024, pp. 42–46 (in Russian).
9. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *E-government survey 2024: accelerating digital transformation for sustainable development: with the addendum on Artificial Intelligence*. New York, United Nations, 2024. 178 p. Available at: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf> (accessed 16.01.2025).
10. The Digital Development Strategy for 2026–2030 and for the period up to 2035. *Giprosvaz*. Available at: <http://giprosvaz.by/ru/news/rassmotrena-strategiya-cifrovogo-6140> (accessed 07.04.2025) (in Russian).
11. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *E-government survey 2022: the future of digital government*. New York, United Nations, 2022. 279 p. Available at: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf> (accessed 20.01.2025).
12. Khamutouskaya S. V. The electronic government in “mirror” of public opinion of the population of the Republic of Belarus. *Vesti BDPU. Seriya 2, Gistoriya. Filosofiya. Palitologiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya = BSPU Bulletin. Series 2. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Culture Studies*, 2024, no. 3, pp. 39–43 (in Russian).

Інформація об авторе

Хамутовская Светлана Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом социологии государственного управления. Институт социологии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: khamutouskaya@yandex.ru. <https://orcid.org/0009-0002-3240-4053>

Information about the author

Sviatlana V. Khamutouskaya – Ph. D. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Department of Sociology of Public Administration. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: khamutouskaya@yandex.ru. <https://orcid.org/0009-0002-3240-4053>

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

УДК [94+322](417)“1800/1949”
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-286-295>

Поступила в редакцию 05.09.2025
Received 05.09.2025

В. А. Кравченко

Інститут истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В БОРЬБЕ ИРЛАНДИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1800–1949 гг.)

Аннотация. Анализируется религиозный фактор в формировании национальной идентичности и борьбе Ирландии за независимость в период 1800–1949 гг. В исследовании использованы общенаучные и специальные исторические методы для изучения роли религии в политических процессах и формировании национального самосознания. Особое внимание уделяется Римско-католической церкви как ключевому институту, законодательно закрепившему своё влияние в Конституции 1937 г. Показано, что утрата ирландского языка и многих культурных традиций на протяжении XIX в. усилила роль религии как основного маркера национальной идентичности. Религиозный антагонизм между католиками и протестантами способствовал разделу Ирландии в 1921 г., а союз ирландского государства с Римско-католической церковью, особенно после 1932 г., явился важным инструментом консолидации общества. Значимость исследования заключается в раскрытии механизмов интеграции религии в процессы национального самоопределения, что актуально для изучения межконфессиональных конфликтов и государственно-церковных отношений. Полученные выводы могут быть применены для анализа современных вызовов в сфере межрелигиозного диалога и укрепления социальной стабильности.

Ключевые слова: религия, история Ирландии, Римско-католическая церковь, протестантизм, ирландский национализм

Для цитирования: Кравченко, В. А. Религиозный фактор в борьбе Ирландии за независимость (1800–1949 гг.) / В. А. Кравченко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 286–295 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-286-295>

Uladzimir A. Krauchanka

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE RELIGIOUS FACTOR IN IRELAND'S STRUGGLE FOR INDEPENDENCE (1800–1949)

Abstract. This study examines the role of the religious factor in shaping national identity and Ireland's struggle for independence between 1800 and 1949. General scientific and specialized historical methods are employed to analyze the evolution of religion's role in political processes and the formation of national consciousness. Particular attention is given to the Roman Catholic Church as a key institution that constitutionally enshrined its influence in the 1937 Constitution. It is revealed that the loss of the Irish language and traditions during the 19th century amplified religion's role as the primary marker of national identity. Religious antagonism between Catholics and Protestants contributed to the partition of Ireland in 1921, and the close relationship between the Irish state and the Roman Catholic Church, especially after 1932, became an important factor in consolidating society. The scholarly relevance lies in uncovering mechanisms of religion's integration into national self-determination processes, which holds significance for studies on interfaith conflicts and church-state relations. The findings may be applied to analyze contemporary challenges in interreligious dialogue and strengthening social stability.

Keywords: religion, history of Ireland, Roman Catholic Church, Protestantism, Irish nationalism

For citation: Krauchanka U. A. The Religious factor in Ireland's Struggle for Independence (1800–1949). *Vestsi Naцыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 286–295 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-286-295>

Введение. В современной социально-гуманитарной парадигме пересматриваются взгляды на роль религии в Новое время: она всё более понимается как динамичный фактор, активно влияющий на формирование политических институтов, национальных идентичностей, публичных дискурсов и траекторий общественных трансформаций. Общественное неприятие системного насилия в рамках этноконфессионального конфликта между католиками и протестантами в Северной Ирландии последней трети XX в. способствовало активизации осмыслиения роли религии как важнейшего фактора ирландской истории и ключевой категории групповой самоидентификации. Данная проблема нашла отражение в работах Э. Ларкина, М. Эллиотт, Д. Бакли, Д. Акенсона [1–4]. С позиции белорусских исследователей, изучение противоречивого опыта взаимоотношения государства и многочисленных христианских конфессий и церквей в Ирландии представляется актуальным в целях реализации роли гуманитарного знания как важнейшего инструмента укрепления межконфессионального диалога и сохранения существующего религиозного мира в Республике Беларусь [5–7]. Согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в результате исследования, проведённого в 2024 г. с помощью системы интеллектуального анализа больших данных iFORA, изучение моральной силы, национальной идентичности и коллективной воли является наиболее значимым среди всех научных отраслей, заняв второе место из 883 выделенных проблематик¹.

Исторический опыт Ирландии периода 1800–1949 гг., особенно в контексте её нахождения в составе Соединённого Королевства и последующего преобразования в имперский доминион, во многом способствует особому вниманию к данной проблеме. Вопреки общебританской тенденции к секуляризации роль религии, и в особенности Римско-католической церкви, на протяжении XIX–XX вв. не ослабевала, а, напротив, возрастала, делая её ключевым фактором в ходе формирования национального самосознания и политической институционализации.

Социальные и политические процессы указанного периода привели к становлению того, что специалист по истории местной Римско-католической церкви Э. Ларкин характеризовал понятием «конфессиональное государство» [1, р. 122–123]. В это определение он вкладывал то, что Церковь в Ирландии являлась ключевым субъектом государственной политики и была интегрирована с национальной идентичностью, став её неотъемлемой частью. Статус и прерогативы Римско-католической церкви в социальной политике были законодательно закреплены в Конституции Ирландии 1937 г. Неизменная по нынешний день преамбула к Основному закону Республики Ирландия соединяет теологическое представление о природе власти с принципом народного суверенитета: «Во имя пресвятой Троицы, от которой исходит всякая власть... мы, народ Эйре, смиренно признавая наши обязательства перед нашим Божественным Господином Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в длившихся столетиями испытаниях... настоящим вводим в действие и устанавливаем для себя эту Конституцию»². В 1980–1990 гг. в ходе публичных дискуссий, приведших к проведению ряда конституционных референдумов, произошло то, что ирландские учёные поспешили назвать «переходом от конфессиональной к консенсусной демократии» [2, р. 47].

Вместе с тем в настоящее время этот процесс не завершён. Так, 8 марта 2024 г. на государственном референдуме о внесении поправок в Конституцию выносились на обсуждение два вопроса: 1) изменение определения семьи, из которого предлагалось убрать упоминание о браке как её основе; 2) замена формулировки о роли женщины как «хранительницы домашнего очага» на более нейтральную³. Оба положения были включены в первоначальный текст Конституции 1937 г. под влиянием иерархов местной Римско-католической церкви, и на голосовании 2024 г. население высказалось против их изменения (67 и 74 % голосов соответственно), что демонстрирует сохранение сильного влияния религии на ирландское общество по сегодняшний день⁴.

¹ Гохберг, Л. М. Топ-20 фронтов мировой науки: 2024 / Л. М. Гохберг, Д. В. Яцкин, А. Ю. Гребенюк. – М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1021755371.html>. (дата доступа: 27.05.2025).

² Constitution of Ireland. – URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (date of access: 27.05.2025).

³ О чём ирландский референдум 8 марта 2024 года? – URL: <https://russianireland.com/o-chem-irlandskej-referendum-8-marta-2024-goda/> (дата доступа: 27.05.2025).

⁴ Irish voters overwhelmingly reject proposed changes to constitution. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/mar/09/vote-referendum-modernise-ireland-constitution-women-home> (date of access: 27.05.2025).

Цель данного исследования – выявить роль религиозного фактора в формировании ирландской национальной идентичности и его влияние на исход борьбы за независимость, включая политический раскол Ирландии и установление союза Ирландского государства с Римско-католической церковью.

Основная часть. До создания унии между Великобританией и Ирландией в 1800 г. управление последней от лица короля осуществлялось местной протестантской элитой, сформировавшейся в XVII–XVIII вв. в ходе дляящихся с XII в. завоеваний и считавшей монополию на власть гарантом своей безопасности как религиозного меньшинства населения острова. Ирландское восстание 1798 г. продемонстрировало уязвимость как данной организации правления, так и военной безопасности Великобритании в контексте использования Ирландии в качестве плацдарма для вторжения на её территорию. В мятеже, поддержанном французской экспедицией, приняли участие не только католики, поражённые в политических и экономических правах действующими на протяжении века карательными законами, но и ольстерские протестанты-пресвитериане, недовольные прерогативами англиканства как государственной религии, и даже некоторые англикане, испытывавшие влияние идей радикального Просвещения и революционных событий во Франции 1789–1799 гг.

Введение в 1800 г. прямого правления подавалось властями как благо для всех конфессий Ирландии: католическому большинству обещалось уравнивание в правах с англиканами и свобода вероисповедания; англиканам, пресвитерианам и прочим протестантским меньшинствам – защита от католиков в рамках единой политico-правовой общности протестантов Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Ключевыми институтами для реализации этих обещаний становились учреждение единого парламента в Вестминстере, где заседали совместно британские и ирландские депутаты, и объединение англиканских Церкви Англии и Церкви Ирландии, что было зафиксировано в Актах о союзе 1800 г.¹

До 1829 г. ключевым вопросом ирландской политики было уравнивание католиков в политических правах с англиканами (эмансипация католиков). С 1793 г. ирландские католики, в отличие от своих британских единоверцев, обладали правом голоса при соответствии имущественному цензу, однако не могли избираться в парламент и занимать большинство государственных должностей. Борьба с так называемым «папизмом» была сопутствующим обстоятельством при окончательном оформлении после Славной революции 1688 г. совокупности законов, условно называемых «британской конституцией». Поэтому допуск католиков к власти и «телу суверена», определяемому формулой «king-in-parliament», – союз короля как главы государства и англиканской церкви, палаты лордов и палаты общин (коммонеров) как представителей налогоплательщиков – воспринимался как неприемлемый шаг.

Сдвиг в отношении вопроса об эмансипации католиков произошёл после старта политической кампании Католической ассоциации, созданной в 1823 г. Её лидер, католик-адвокат Д. О'Коннелл (1775–1847), агитировал за отмену дискриминационных законов, создавая ненасильственное политическое давление на власти. Ему удалось привлечь как недовольных своим положением состоятельных католиков, так и сельских арендаторов. Ключевую роль в этом процессе сыграло содействие Римско-католической церкви, находившейся в стадии восстановления после многолетнего полулегального существования. Союз Д. О'Коннелла с местным католическим клиром позволил использовать инфраструктуру Церкви для мобилизации католического населения, для которого местные приходы являлись центром социальной жизни и основным источником информации. Священнослужители также извлекали выгоду, получив доступ к финансам Ассоциации для обеспечения своей социальной и образовательной деятельности [8, р. 87]. Кроме того, эмансипация католиков была частью процесса демократизации британского парламента (снижение избирательного ценза, решение проблемы неравномерного распределения мест), первая фаза которого имела место в ходе реформ 1829–1832 гг.

Усилиями активистов Католической ассоциации удалось организовать арендаторов, обладавших избирательным правом, и использовать их голоса на довыборах в парламент в поддерж-

¹ An Act for the Union of Great Britain and Ireland, 1800. – URL: <https://rahbarnes.co.uk/union/the-united-kingdom-of-union-1800/union-with-ireland-act-1800/> (date of access: 27.05.2025).

ку лояльных кандидатов-протестантов. Баллотирование самого Д. О'Коннелла в 1828 г. в округе Клер, одержавшего в итоге уверенную победу, создало угрожающий прецедент для системы британского правления в Ирландии: католик смог законно выиграть довыборы в парламент, но из-за отсутствия соответствующего права не мог занять кресло в Палате общин. Существовала неиллюзорная перспектива того, что Ассоциация на всеобщих выборах 1830 г. подобным образом добьётся пустования уже нескольких десятков представительских кресел, что ставило под угрозу легитимность власти, риторически подкреплявшейся традиционным аргументом «налоги взамен на представительство». Сложившаяся ситуация вынудила действовать правительство Соединённого Королевства. Акт о католической помощи был утвержден в апреле 1829 г. одновременно с принятым законом, увеличившим избирательный ценз в Ирландии от 2 до 10 ф. ст.¹ Католики получили право быть избранными в Палату общин и занимать государственные должности, однако их избирократ был уменьшен с целью лишения возможности оказывать значительное влияние на государство, определявшее себя как англиканское. Кроме того, посредством устрашающих и стимулирующих мер правительство добилось распада союза между Католической ассоциацией и Римско-католической церковью в Ирландии, получившей формальное признание и некоторые преференции и переставшей оказывать поддержку Д. О'Коннеллу.

В середине XIX в. возник вопрос самоопределения ирландцев и обозначения границ и маркеров их коллективной идентичности. Начатая в 1831 г. централизация школьного образования, реализуемого только на английском языке, ускорила ослабление позиций ирландского языка, вытесненного за пределы городов и постепенно исчезавшего в сельской местности. По этой причине проблема языка и традиционной культуры как основных категорий национальной идентичности становится ключевой для многих ирландских общественных деятелей того времени. В 1842 г. учреждается газета «The Nation», вокруг которой объединяются многие молодые сторонники Д. О'Коннелла, испытывавшие влияние идей немецкого философа И. Г. Гердера (1744–1803), который считал, что язык символизирует уникальность каждого отдельно взятого народа и его духа.

Деятели данной группы, названной «Молодой Ирландией», определили своей целью формирование ирландской нации как социально-политического концепта. Один из лидеров организации, Дж. Митчел (1815–1875), сформулировал образ ирландской общности так: «Нация, которая может включать протестантов, католиков, диссидентов и кромвелевцев, ирландцев в сотнях поколений и чужеземцев, переступающих порог наших домов, не та нация, что предотвратила бы гражданскую войну, но установила бы внутренний союз и внешнюю независимость»². Именно этот идеал общности, преодолевающей религиозную поляризацию и претендующей на выражение политической воли и суверенитет, оказал значительное влияние на публичную риторику представителей ирландского национального движения в последующие 80 лет. Однако характерный для континентальной Европы подход, согласно которому границы территории, на суверенитет над которыми претендует нация, определяются по ареалу распространения титульного языка, в Ирландии был малоприменим ввиду его постепенной утраты [9, р. 30–32]. На практике в качестве одной из основных категорий национальной идентичности начинает постепенно выделяться католическое вероисповедание значительной части населения Ирландии, которое, согласно данным 1834 г., составляло 80,9 % [10, р. 22–23].

Именно разница в вере и долгое существование в качестве «конституирующих иных» для Великобритании как англиканского государства на деле обозначали раздел между группами населения. Показательны данные о регулярной посещаемости месс католическим населением в качестве маркера уровня его религиозности: в том же 1834 г. на востоке Ирландии в районах с превалирующим городским англоязычным населением она составляла 70 % и более, на аграрном западе, где ещё сохранял влияние ирландский язык, – всего 20–40 %, т. е. там, где ирландцы

¹ Roman Catholic Relief Act, 1829 / The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 10 Geo IV, 1829. – London: HM Statute and Law Printers, 1829. – P. 49–59; The Parliamentary Elections (Ireland) Act 1829 / The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 10 Geo IV, 1829. – London: HM Statute and Law Printers, 1829. – P. 59–71.

² Sillard, P. A. The Life of John Mitchel: With an Historical Sketch of the '48 Movement in Ireland / P. A. Sillard. – Dublin: James Duffy and Co, 1908. – 285 p. – P. 4.

утратили возможность самоопределяться по лингвистическому принципу, они стали делать это через конфессиональную принадлежность [11, p. 84–86].

Радикализации настроений в среде ирландского национального движения, впоследствии оформивших традицию, основанную на политическом терроре и периодических восстаниях, способствовал Великий голод 1845–1849 гг., ставший крупнейшей трагедией в ирландской истории. Демографические потери от голода были столь значительны, что даже полтора века спустя численность населения острова Ирландия на четверть меньше уровня 1841 г., что является уникальной для Европы ситуацией. В результате недоедания, сопутствующих эпидемии и миграции за пределы Ирландии численность её населения сократилась на 1,6 млн до уровня в 6,5 млн человек в 1851 г. и продолжала стабильно уменьшаться, упав ниже отметки в 4,4 млн жителей в 1911 г. [10, p. 61]. Итогом Великого голода также стал окончательный упадок ирландского языка и культуры в наиболее пострадавших западных графствах острова. Вместе с тем гибель от недоедания и болезней наименее ортодоксальных групп населения, среди которых были распространены связанные с аграрным циклом неофициальные культуры, способствовала утверждению единства в религиозной жизни ирландцев-католиков в соответствии с доктриной, сформулированной по результатам Тридентского собора в XVI в.

Нерешённой оставалась проблема статуса протестантских меньшинств Ирландии. Д. О'Коннелл в рамках своей кампании в 1830–1840-х гг., направленной на упразднение унион между Великобританией и Ирландией, безуспешно стремился привлечь их лидеров на свою сторону [12, p. 85]. Их положение оставалось неопределенным: в конце XVIII – первой трети XIX в. они сначала утратили монополию на власть, а затем и на политическое представительство. Для них обозначилась дилемма в рамках обеспечения своей безопасности в окружении католиков: поддерживать национальное движение и формулу определения ирландской идентичности, выдвинутую им, или продолжать постулировать свою лояльность королю и парламенту. Образованные протестанты из районов с преобладающим католическим населением придерживались первого варианта. В Ольстере, однако, где проживало большинство протестантов, они выступали с антикатолических позиций, апеллируя к многочисленным эпизодам религиозной вражды в прошлом. Важной проблемой был и государственный статус англиканской Церкви Ирландии, пользовавшейся преференциями и обеспечивавшейся за счёт сбора десятины, взимавшейся со всех жителей, но прихожанам которой был только каждый девятый ирландец. Решение указанной проблемы в виде статей Акта о Церкви Ирландии 1869 г. открыло путь к переосмыслению подходов к ирландской политике и перегруппировке существовавших сил и интересантов¹. Британский монарх утратил свои полномочия главы местной церкви в пользу англиканского архиепископа Армы. Инициатором закона, премьер-министром королевства У. Гладстоном (1809–1898), эта мера подавалась как шаг на пути установления справедливости в отношении Ирландии.

Акт о Церкви Ирландии 1869 г. произвёл сильнейшее впечатление на ирландских англикан, лишившихся опеки со стороны государства. Показательно то, что в учредительном собрании движения за наделение Ирландии самоуправлением в мае 1870 г. 26 из 61 присутствующих составили англикане². Возглавил движение англиканин А. Батт (1813–1879), выступавший за преобразование союза Великобритании и Ирландии в федерацию. Для А. Батта создание в Ирландии самоуправляемого парламента было легальной целью, способной консолидировать ирландцев всех вероисповеданий и решить проблему неэффективного прямого правления. В изданной им брошюре он писал: «Ирландские патриоты надеются объединить ирландцев всех классов и вероисповеданий в общенациональном стремлении добиться самоуправления для своей страны»³. После смерти А. Батта лидером движения стал Ч. С. Парнелл (1846–1891), молодой землевладелец-англиканин, готовый совмещать законные методы продвижения своих инициатив с нелегальными. В результате выборов 1885 г. националисты-католики получили 75 мест из 103 в Палате общин от Ирландии [13, p. 264]. Электоральный успех ирландского национального движения сделал его значимой фракцией в парламенте – фактически третьей силой, но вместе с тем

¹ Irish Church Act 1869. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1869/42/enacted> (date of access: 27.05.2025).

² Sullivan, A. M. New Ireland / A. M. Sullivan. – New York: Peter F. Collier, Publisher, 1878. – 523 p. – P. 451–453.

³ Butt, I. Irish Federalism: Its Meaning, Its Objects and Its Hopes / I. Butt. – Dublin: John Falconer, 1870. – 118 p. – P. 17.

увеличение представительства католиков привело к тому, что ирландские протестанты с всё большим опасением стали относиться к инициативе по созданию автономии.

Весной 1886 г. премьер-министром королевства У. Гладстоном в союзе с возглавляемой Ч. С. Парнеллом Ирландской парламентской партией (ИПП) было инициировано обсуждение первого билля о правительстве Ирландии 1886 г. По мнению противников билля, его принятие стало бы актом несправедливости как для протестантов Ольстера, соответствующих, в отличие от католиков, распространённому среди британцев представлению о трудолюбии и экономическом благополучии как высших добродетелях, так и для всех ирландских налогоплательщиков, лишённых представительства в случае принятия закона. Показательно выступление одного из лидеров либералов Дж. Чемберлена, поддержавшего оппозицию и заявившего, что Ирландия не является однородным обществом и состоит из двух наций¹. Из дальнейших слов была очевидна его симпатия к протестантскому меньшинству, которое он характеризовал как «трудолюбивых, процветающих и предприимчивых людей, явившихся ядром промышленности и предпринимательства», и убеждённость, что властям придётся силой принуждать и умиротворять наиболее лояльных и достойных людей из числа своих подданных². Итоговое голосование было провалено во многом из-за недостаточного внимания инициаторов билля к проблеме протестантских меньшинств Ирландии.

Обсуждение очередного законопроекта об ирландском самоуправлении в 1912–1914 гг. при тех проблемах, что были указаны ранее, закончилось компромиссом: Акт о правительстве Ирландии 1914 г. был принят с отложенным вступлением в силу, но его действие из-за сопротивления ольстерских юнионистов не распространялось на шесть северо-восточных графств³. Принятие акта стало признанием как факта ведущей роли в регионе ИПП, так и невозможности силового принуждения протестантов Ольстера, опасающихся за сохранение своей идентичности, веры и безопасности, что и стало отправной точкой в узаконении религиозного разделения.

С началом Первой мировой войны (1914–1918 гг.) ведущие политические и общественные объединения Ирландии выразили свою поддержку властям, призывая своих сторонников доказать делом лояльность острова короне. Реалии тотальной войны, однако, заставили отдельных ирландцев усомниться в правильности этого решения. Уже в конце 1915 – начале 1916 г. советы местного самоуправления выражали протест против решения об отмене образовательных и сельскохозяйственных грантов. Так, публичное заявление членов совета попечителей г. Баллинасло содержало следующие слова: «Действия Министерства финансов в отношении голодающей Ирландии, в то же время поощряющего английские службы, является лишь ещё одним свидетельством того, что несправедливая дискриминация Англией её более слабой сестры продолжает оставаться неизменной политикой британского правительства»⁴.

Апогеем в процессе изменения политической ситуации стало Пасхальное восстание, организованное в апреле 1916 г. радикальным крылом национального движения. В ходе информационной подготовки организаторы распространили якобы перехваченный документ администрации, предписывавший арестовать в числе многих политически активных ирландцев архиепископа Дублина, что должно было вызвать резкое недовольство общественности [14, р. 175]. Выбор даты начала восстания, планируемого на Пасхальное воскресенье, также был неслучайным: его лидеры, П. Пирс (1879–1916) и Дж. Коннолли (1868–1916), сознательно использовали одну из ключевых дат католического церковного календаря, рассчитывая на максимальный эмоциональный подъём основной массы населения. Зачитанная прокламация, провозглашавшая создание Ирландской республики, начиналась со слов «Во имя Бога и погибших поколений», призывая помочь Всевышнему и прося у него благословение на свершаемый военно-политический акт, постулировала преемственность с предшественниками в рамках многолетней национально-осво-

¹ Government of Ireland Bill. Motion for leave. Adjourned debate. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1886/apr/09/motion-for-leave-adjourned-debate> (date of access: 27.05.2025).

² Ibid.

³ Government of Ireland Act 1914. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/4-5/90/contents/enacted> (date of access: 27.05.2025).

⁴ Galway County Council Archives. – G00/5. С. 54. – Р. 235.

бодительной борьбы¹. Однако несмотря на все усилия, к середине шестого дня городских боёв в г. Дублин восстание было подавлено.

Первоначальная реакция населения была однозначной: местные жители были недовольны действиями повстанцев из-за того, что все городские учреждения прекратили работу и люди не могли купить еду в магазинах, не говоря уже о значительных разрушениях в черте города или вероятности быть убитым [14, p. 191]. Вместе с тем очень быстрая расправа по приговору военно-полевого суда над четырнадцатью лидерами мятежников, последующие репрессии и другие неудачные для репутации британских властей меры (например, попытка весной 1918 г. ввести в Ирландии всеобщую воинскую повинность) привели к переоценке действий восставших и сакрализации их жертвы. Очень ёмко суть коммеморации событий Пасхального восстания была сформулирована североирландским католическим активистом И. МакКанном (р. 1943): «На коленях матери я узнал, что Христос умер за человечество, а П. Пирс – за его ирландскую часть» [15, p. 55]. Указанные выше причины привели к дискредитации ИПП, её линии на реформы и умеренного крыла национального движения в целом, и росту популярности радикалов с их курсом на конфронтацию.

В результате выборов 1918 г. радикалы, объединившиеся на базе партии «Шинн Фейн», одержали уверенную победу, завоевав 73 мандата – две трети мест в Палате общин от Ирландии. Такой исход придал легитимность их собранию 21 января 1919 г. в дублинском Мэншин-хаус, объявленном суверенным ирландским парламентом, в ходе заседания которого было подтверждено существование провозглашённой в апреле 1916 г. Республики. Этот день считается началом сложного переплетения политического, религиозного и аграрного насилия, имевшего место в 1919–1921 гг., обозначаемого в историографии терминами «англо-ирландская война», или «война Ирландии за независимость» [12, p. 115]. В указанный период противостояние Ирландской республиканской армии (ИРА) и властей Соединённого Королевства сопровождалось массой повседневных конфликтов со сложной подоплёкой: имели место как бессистемный террор в отношении тех, кто подозревался в сочувствии повстанцам, так и инициируемые лоялистами антикатолические погромы в качестве борьбы с мнимой «пятой колонной» на севере острова, а также обусловленные классовыми мотивами нападения сельских арендаторов на имения лендлордов. В результате двух с половиной лет партизанской борьбы непризнанного никем государства с британскими силовыми структурами к середине 1921 г. стали очевидны невозможность достижения решительной победы какой-либо из сторон и необходимость выработки компромиссного решения.

Акт о правительстве Ирландии 1920 г., утверждающий создание двух отдельных парламентов в Дублине и Белфасте, и англо-ирландский мирный договор 1921 г., подписанный по итогам вооружённого конфликта 1919–1921 гг., заложили юридическую основу для окончательного раздела и появления двух государств: Ирландского Свободного государства (ИСГ) как британского доминиона и Северной Ирландии как автономного субъекта в составе Соединённого Королевства². Раздел Ирландии обозначил крах идеала «Молодой Ирландии» о единой нации вне конфессиональных рамок, поскольку создание двух государств было результатом религиозного и политического антагонизма. Символически это подчёркивалось тем фактом, что с момента своего создания и до 1932 г. парламент Северной Ирландии размещался в здании теологического колледжа [2, p. 141].

Создание ИСГ было провозглашено 6 декабря 1922 г. Согласно принятой в том же году Конституции, декларировались свобода совести и вероисповедания, а также невозможность принятия законов, создающих преимущества для той или иной конфессии³. Для упрочения своего положения и консолидации общества, поляризованного рядом конфликтов предшествующих

¹ Proclamation of Independence. – URL: <https://www.gov.ie/en/department-of-the-taoiseach/publications/proclamation-of-independence/> (date of access: 27.05.2025).

² Government of Ireland Act 1920. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/10-11/67/contents/enacted> (date of access: 27.05.2025); Final text of the Articles of Agreement for a Treaty between Great Britain and Ireland as signed. – URL: <https://www.difp.ie/volume-1/1921/anglo-irish-treaty/214/#section-documentpage> (date of access: 27.05.2025).

³ Constitution of Saorstát Éireann Bill 1922. – URL: <https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/1922/1/> (date of access: 27.05.2025).

лет, правительству доминиона было необходимо сформулировать и распространить концепт самобытной идентичности, основанной на языке, истории и культуре. Ядром для него стало гэльское прошлое (до XII в.), мыслимое как «золотой век», преемственность с которым создавалась через популяризацию народных традиций и национального исторического нарратива о борцах с вековыми угнетателями. Проведённая в 1926 г. перепись населения зафиксировала, однако, что лишь 18,3 % жителей Ирландии владели ирландским языком, явившимся первым государственным, а в повседневности куда больше использовался английский¹. Реальное положение титульного языка делало его не слишком подходящим в качестве основной категории определения коллективной идентичности. В то же время отделение шести ольстерских графств со значительной частью проживавших там протестантов привело к ещё большему увеличению удельного веса католиков, которыми являлись 92,6 % населения доминиона².

В связи с указанными причинами актуализировался вопрос разграничения сфер ответственности между государством и Римско-католической церковью как институтом, формировавшим мировоззрение подавляющей части населения. Следует также отметить факт создания в 1929 г. государства Ватикан, что делало возможным установление и развитие двусторонних дипломатических отношений. Последней важнейшей причиной стал приход к власти в 1932 г. республиканцев во главе со ставшим премьер-министром доминиона И. Де Валера (1882–1975), последним командиром подразделения, сдавшимся в ходе Пасхального восстания 1916 г. Особо примечательна характеристика, данная ему народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым (1876–1951) в беседе с ирландским дипломатом в 1936 г.: «Мне нравится ваш премьер-министр И. Де Валера, за исключением одного. Он слишком религиозен... он позволяет своей религии вмешиваться в его политику»³.

В период нахождения у власти И. Де Валера в 1932–1948 гг. происходит законодательное фиксирование ведущей роли Римско-католической церкви, добившейся признания своей особой миссии в образовании, здравоохранении, семейной политике и надзоре за культурой. Ключевой вехой в данном процессе становится принятие новой Конституции 1937 г. Ирландия провозглашалась суверенным и независимым государством без указания конкретной формы устройства, источником власти объявлялась нация, а за британским монархом как формальным главой сохранялась лишь роль символического представителя на международной арене. При этом образ суверена как источника власти в дальнейших статьях был определён достаточно эклектично: национальной территорией признавалась вся территория Ирландии с прилегающими островами, т. е. игнорировалось существование Северной Ирландии и границы с ней.

В ст. 44 Конституции утверждалось «особое положение Римско-католической церкви как хранительницы религии, исповедуемой значительным большинством граждан», но в то же время признавался факт существования протестантских церквей, что на деле не устроило ни высших католических сановников, ни ирландских протестантов⁴. Некоторую парадоксальность добавляло то, что ирландские власти, стремящиеся разорвать все институциональные связи с Великобританией, безуспешно обращались к главе другого государства, который совмещал этот статус с духовными функциями, – Папе Римскому Пию XI (1857–1939) – за благословением статей Конституции, стремясь так легитимировать её содержание [7, с. 168–172]. Более того, во время аудиенции у Пия XII (1876–1958) в феврале 1948 г., на фоне перспективы прихода к власти в Италии коммунистов, ирландский дипломат Дж. Уолш (1886–1956) заявил, что «правительство и народ будут считать величайшим моментом в своей истории, если Он соблаговолит сделать Ирландию домом Святого Престола на период преследований, если когда-нибудь это понадобится» [16, р. 937]. После принятия изменений в Конституцию в том же 1948 г., когда в текст было

¹ Census 1926 Report. Vol. 8. – Irish language. – URL: https://www.cso.ie/en/media/csoie/census/census1926results/volume8/C_1926_VOL_8_T1,2.pdf (date of access: 27.05.2025).

² Census 1926 Report. Vol. 3. – Religion and birthplaces. – URL: https://www.cso.ie/en/media/csoie/census/census1926results/volume3/C_5_1926_V3_T1abc.pdf (date of access: 27.05.2025).

³ Conversation with Litvinoff. – URL: <https://www.difp.ie/books/?volume=4&docid=1737> (date of access: 27.05.2025).

⁴ Кублицкий, Ф. А. Конституции буржуазных государств Европы / Ф. А. Кублицкий. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 1142 с. – С. 453.

добавлено определение государства как республики, а формальные полномочия короля были переданы президенту, 18 апреля 1949 г. Ирландия вышла из Содружества наций и обрела полную независимость.

Заключение. Религиозный фактор сыграл важную роль в борьбе Ирландии за независимость и формировании её национальной идентичности в период с 1800 по 1949 г. На протяжении этого времени религия была не только вопросом личной веры, но ключевым инструментом политической мобилизации и маркером, отличавшим ирландцев от британцев. После потери собственного языка и многих культурных традиций в XIX в. именно католическая вера стала главным объединяющим фактором для значительного большинства населения Ирландии. Следует отметить, что на начальном этапе ирландское национальное движение стремилось преодолеть религиозный антагонизм и создать единую общность, основанную на гражданских, а не конфессиональных принципах. Однако религиозный раскол между католиками и протестантами не только сохранился, но и напрямую привёл к политическому разделу острова в 1921 г., похоронив мечту о едином инклюзивном государстве и обществе. После обретения своего государства в качестве британского доминиона новый этап взаимоотношений, выраженный в союзе государства и Римско-католической церкви, был закреплён в тексте Конституции 1937 г. Сотрудничество между ними стало мощным инструментом консолидации общества и укрепления национальной идентичности, основанной уже не на языке или гражданском идеале, а на общей вере и памяти о многовековом противостоянии с завоевателями. Таким образом, опыт Ирландии наглядно демонстрирует, как религиозный фактор может стать центральным элементом в процессах национального самоопределения и формирования государственности.

Список использованных источников

1. Larkin, E. The historical dimensions of Irish Catholicism / E. Larkin. – Washington: The Catholic Univ. of America Press, 1984. – 139 p.
2. Elliott, M. When God took sides: religion and identity in Irish history – unfinished history / M. Elliott. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – 330 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199206933.001.0001>
3. Buckley, D. T. Faithful to secularism: the religious policy of democratic Ireland, Senegal and Philippines / D. T. Buckley. – New York: Columbia Univ. Press, 2017. – 264 p. <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231180061.003.0001>
4. Akenson, D. H. Small differences: Irish Catholics and Irish Protestants, 1815–1922: an international perspective / D. H. Akenson. – Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 1988. – 237 p. <https://doi.org/10.1515/9780773561533>
5. Христианство в Беларуси: история и современность: сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Бел. наука, 2014. – 494 с.
6. Космач, П. Г. К вопросу о научной актуальности изучения религиозного фактора в истории США / П. Г. Космач // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2024. – № 1. – С. 56–62.
7. Кравченко, В. А. Конфессиональный контекст создания и принятия Конституции Ирландии 1937 г. / В. А. Кравченко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2023. – № 23-1. – С. 166–174.
8. The Oxford history of British and Irish Catholicism: in 5 vol. / gen. ed.: J. E. Kelly, J. McCafferty. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2023. – Vol. III: Relief, Revolution, and Revival, 1746–1829 / ed.: L. Chambers. – 336 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843443.001.0001>
9. Morash, C. Young Ireland: a global afterlife / C. Morash. – New York: New York Univ. Press, 2023. – 275 p. <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479822256.001.0001>
10. Troubled geographies: a spatial history of religion and society in Ireland / I. N. Gregory, N. A. Cunningham, C. D. Lloyd [et al.]. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 2013. – 243 p. <https://doi.org/10.2979/6114.0>
11. Miller, D. W. Irish Catholicism and Great Famine / D. W. Miller // Journal of Social History. – 1975. – Vol. 9, № 1. – P. 81–98. <https://doi.org/10.1353/jsh/9.1.81>
12. The Princeton history of modern Ireland / ed.: R. Bourke, I. McBride. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2016. – 526 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77n5h>
13. Hoppen, K. T. Elections, politics and society in Ireland, 1832–1885 / K. T. Hoppen. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 569 p.
14. Mulvagh, C. “My Experiences in the 1916 Rising” by Father Columbus Murphy, O.F.S.C. 29 July 1916 / C. Mulvagh, G. McCafferty // Analecta Hibernica. – 2016. – № 47. – P. 165–230.
15. O’Callaghan, J. Teaching Irish independence: history in Irish schools, 1922–1972 / J. O’Callaghan. – Newcastle: Cambridge Scholar Publ., 2009. – 95 p.
16. Keogh, D. Ireland, the Vatican and the Cold War: the case of Italy, 1948 / D. Keogh // The Historical Journal. – 1991. – Vol. 34, № 4. – P. 931–952. <https://doi.org/10.1017/s0018246x00017362>

References

1. Larkin E. *The historical dimensions of Irish Catholicism*. Washington, The Catholic University of America Press, 1984. 139 p.
2. Elliott M. *When God took sides: religion and identity in Irish history – unfinished history*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 330 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199206933.001.0001>
3. Buckley D. T. *Faithful to secularism: the religious policy of democratic Ireland, Senegal and Philippines*. New York, Columbia University Press, 2017. 264 p. <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231180061.003.0001>
4. Akenson D. H. *Small differences: Irish Catholics and Irish Protestants, 1815–1922: an international perspective*. Montreal, McGill-Queen's University Press, 1988. 237 p. <https://doi.org/10.1515/9780773561533>
5. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. *Christianity in Belarus: history and modernity: collection of scientific articles*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 494 p. (in Russian).
6. Kosmach P. G. The reflections on scientific significance of researching the religious factor in history of the USA. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Journal of the Belarusian State University. History], 2024, no. 1, pp. 56–62 (in Russian).
7. Kravchenko V. The Confessional context of the creation and enactment of 1937 Constitution of Ireland. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psichologo-pedagogicheskie nauki* [Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and Psychological-Pedagogical Sciences], 2023, no. 23-1, pp. 166–174 (in Russian).
8. Chambers L. (ed.). *The Oxford history of British and Irish Catholicism. Vol. III. Relief, Revolution, and Revival, 1746–1829*. Oxford, Oxford University Press, 2023. 336 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843443.001.0001>
9. Morash C. *Young Ireland: a global afterlife*. New York, New York University Press, 2023. 275 p. <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479822256.001.0001>
10. Gregory I. N., Cunningham N. A., Lloyd C. D., Shuttleworth I. G., Ell P. S. *Troubled geographies: a spatial history of religion and society in Ireland*. Bloomington, Indiana University Press, 2013. 243 p. <https://doi.org/10.2979/6114.0>
11. Miller D. W. Irish Catholicism and Great Famine. *Journal of Social History*, 1975, vol. 9, no. 1, pp. 81–98. <https://doi.org/10.1353/jsh/9.1.81>
12. Bourke R., McBride I. (eds.). *The Princeton history of modern Ireland*. Princeton, Princeton University Press, 2016. 526 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77n5h>
13. Hoppen K. T. *Elections, politics and society in Ireland, 1832–1885*. New York, Oxford University Press, 1984. 569 p.
14. Mulvagh C., McCafferty G. “My Experiences in the 1916 Rising” by Father Columbus Murphy, O.F.S.C. 29 July 1916. *Analecta Hibernica*, 2016, no. 47, pp. 165–230.
15. O’Callaghan J. *Teaching Irish independence: history in Irish schools, 1922–1972*. Newcastle, Cambridge Scholar Publishing, 2009. 95 p.
16. Keogh D. Ireland, the Vatican and the Cold War: the case of Italy, 1948. *The Historical Journal*, 1991, vol. 34, no. 4, pp. 931–952. <https://doi.org/10.1017/s0018246x00017362>

Информация об авторе

Кравченко Владимир Андреевич – младший научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики. Институт истории, Национальная академия наук Беларусь (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Беларусь). E-mail: uladzimir.krauchanka@gmail.com

Information about the author

Uladzimir A. Krauchanka – Junior Scientific Researcher fellow at the Centre of World History, International Relations and Geopolitics. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Academicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: uladzimir.krauchanka@gmail.com

МАСТАЦТВА ЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 297.1+316.454.2
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-296-307>

Поступила в редакцию 16.05.2025
Received 16.05.2025

Е. Н. Квилинкова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь*

**РЕЛИГІОЗНАЯ ІДЕНТИЧНОСТЬ І ФОРМЫ ЄЕ ПРОЯВЛЕНИЯ
У БАШКИР БЕЛАРУСІ**

Аннотация. Исследуется уровень значимости религиозной идентичности у башкир, проживающих в Беларуси. Рассматривается соблюдение ими религиозных практик и установок на этноконфессиональное взаимодействие, а также случаи религиозной конверсии. Для башкир Беларуси характерна высокая степень религиозной терпимости, которая проявляется не только в их отношении к смешанным бракам, но и в их распространенности. Основная часть респондентов считает значимым соблюдение религиозных праздников, обращается к Всевышнему с молитвой, произносимой в свободном виде. Особое место в их религиозной идентичности занимает традиция добровольного пощеркования (*садака, хаер*).

Проведенное этносоциологическое исследование показало, что у башкир религия выступает не в качестве мировоззренческой системы, а является частью этнического самосознания и традиционных ценностей. Многие из них называют себя этническими мусульманами, а также «мусульманами по рождению», или «мусульманами по традиции». Они не относят себя к глубоко верующим, поскольку не придерживаются многих требований шариата (не делают пятикратный намаз, не соблюдают пост (*ураза*) и пищевые табу и т. д.). Анализ содержащихся в историографии сведений о значимости религиозной идентичности у башкир Башкортостана и прилегающих к республике регионов позволил сделать вывод о том, что характерная для диаспоры тенденция в данной области является отражением происходящих там процессов.

Исследование основано на полевых материалах автора, собранных в 2021–2025 гг. у представителей башкир и уроженцев Башкортостана, проживающих в Беларуси. Данные опроса в виде углубленного интервью впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: башкиры Беларуси, религиозность, идентичность, конверсия, диаспора

Для цитирования: Квилинкова, Е. Н. Религиозная идентичность и формы ее проявления у башкир Беларуси / Е. Н. Квилинкова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 296–307 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-296-307>

Elizaveta N. Kvilinkova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**RELIGIOUS IDENTITY AND FORMS OF ITS MANIFESTATION
AMONG THE BASHKIRS OF BELARUS**

Abstract. The article examines the significance of religious identity for the Bashkirs of Belarus, the degree of their observance of religious practice, attitudes towards ethno-confessional interaction, cases of religious conversion are considered. They are characterized by a high degree of religious tolerance, which is manifested not only in the attitude of the Bashkirs towards mixed marriages, but also in their prevalence. The majority of respondents consider it important to observe religious holidays and turn to the Almighty with a prayer, which is said in a free form. A special place in their religious identity is occupied by the tradition of voluntary donation (*sadaka, haer*).

The ethnoscological study conducted by the author showed that among the Bashkirs, religion does not act as a worldview system, but is part of ethnic self-awareness and traditional values. Many of them call themselves ethnic Muslims, as well as “Muslims by birth” or “Muslims by tradition”. They do not consider themselves deeply religious, since they do not adhere

to many of the requirements of Sharia (they do not perform five daily prayers, do not observe fasting (uraza) and food taboos, etc.). An analysis of the information contained in historiography about the significance of religious identity among the Bashkirs of Bashkortostan and the regions adjacent to the republic allowed us to conclude that the tendency characteristic of the diaspora in this area is a reflection of the processes taking place there.

The work is based on the author's field materials collected in 2021–2025 from representatives of the Bashkirs living in Belarus and natives of Bashkortostan. The survey data in the form of in-depth interviews are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: bashkirs of Belarus, religiosity, identity, conversion, diaspora

For citation: Kvilinkova E. N. Religious identity and forms of its manifestation among the Bashkirs of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 296–307 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-296-307>

Введение. Ученые отмечают тесную взаимосвязь религиозной идентичности и степени религиозности с этничностью. Нередко именно религиозная принадлежность позволяет малочисленному и дисперсно проживающему этносу сохраняться в ином этнокультурном и конфессиональном окружении. Вместе с тем на формы проявления религиозной идентичности, как и на степень религиозности представителей этнической общности, значительное воздействие оказывают многие факторы: численность этноса, компактность проживания, этнокультурное и конфессиональное окружение, степень межэтнического взаимодействия, отношение к смешанным бракам и т. д. Проблема сохранности религиозной идентичности и религиозной обрядности в условиях диаспоры представляет особый научный интерес в связи с вопросом о маркерах этничности.

Исследование посвящено изучению башкир, проживающих в Беларуси. Представители данной этнической общности имеют основные этнокультурные признаки своего народа, идентифицируют себя с башкирами и демонстрируют большую активность в белорусском пространстве (вместе с татарами – выходцами из Башкортостана). Однако ввиду их малочисленности до настоящего времени не опубликовано ни одной научной статьи, посвященной изучению башкир, проживающих в Беларуси, что свидетельствует о новизне и актуальности данного исследования. Очевидно, что все этнические общности, независимо от их численности, – это объект научного изучения, каждая из них вносит свой вклад в развитие страны проживания, содействует укреплению ее народного единства и углублению двусторонних контактов.

Актуализации изучения данной этнической общности способствовало также особое внимание Башкортостана, направленное на поддержку своей диаспоры, поддержание ее этнической идентичности, а также усилия руководства республики по углублению сотрудничества с Беларусью. С начала второго десятилетия XXI в. двусторонние отношения вышли на новый уровень.

Цель данного исследования – изучение уровня значимости для башкир Беларуси религиозной идентичности, соблюдения ими религиозной практики, установок на этноконфессиональное взаимодействие, а также анализ религиозной конверсии.

Прежде всего необходимо отметить, что в Беларуси башкирская и татарская диаспоры представлены совместно татаро-башкирским общественным объединением «Чишма». Это в известном смысле можно рассматривать как этнокультурный феномен. Из данных проведенного автором опроса в 2021–2025 гг. следует, что татары и башкиры тесно взаимодействуют в рамках этого общества, не дифференцируясь по этническому признаку. В общество «Чишма» входит много уроженцев Башкортостана родом из Кушнаренковского, Балтачевского, Аскинского, Кугарчинского и других районов, а также башкир – выходцев из ряда регионов России (Челябинская, Оренбургская и другие области) и некоторых республик постсоветского пространства. Именно уроженцы Башкортостана наиболее активны в диаспоре, многие из них учреждали общество «Чишма». В этой связи исследование по изучению башкир Беларуси осуществлялось в комплексе с изучением татар, поскольку эти два близкородственных народа демонстрируют как значительную близость в языковой, культурной и обрядовой областях, так и схожие тенденции в религиозной сфере.

Немало научных работ опубликовано по проблеме, касающейся исторических предпосылок и динамики «башкиро-татарского этносоциального симбиоза», которая является темой отдельного исследования. Внутри Волго-Уральской историко-этнографической общности (ИЭО) «баш-

кир и татар можно считать этническим сочетанием более близкого, чем ИЭО, порядка: они связаны единой верой (ислам ханафитского мазхаба), близостью языков, общими пластами и многочисленными параллелями в культуре. Объединяет эти народы также феномен двойственной этнической идентичности населения в северо-западных районах Башкортостана и ранее – восточных районах Татарстана, переданных Башкирской АССР при создании Татарской АССР (Мензелинском и Бугульминском)» [1].

Для того чтобы установить уровень значимости для представителей башкирской диаспоры религиозной идентичности, в ходе опроса респондентам были заданы следующие вопросы: «Кто вы по религиозной принадлежности?»; «Какой у вас брак – моногамный или смешанный?»; «Насколько значима для вас религиозная идентичность?»; «Как часто ходите в мечеть?»; «Придерживаетесь ли норм шариата в религиозной практике (пятикратные намазы, соблюдение поста (ураза) и запретов на употребление алкоголя, свинины и т. д.)?» и др.

В исследовании автор основывался на собственных полевых материалах, собранных у башкир и уроженцев Башкортостана (многие из которых родились в смешанных татаро-башкирских семьях), проживающих в Минске и разных областях Беларуси. В процессе изучения использовался метод глубинного автобиографического интервью, который позволил рассмотреть содержание и особенности происходящих в диаспоре процессов. В данном исследовании полевые материалы автора (ПМА¹) впервые вводятся в научный оборот [6].

Основная часть. Процесс формирования в Беларуси башкирской диаспоры условно можно поделить на два периода: советский и постсоветский. Пик численности башкир в БССР пришелся на 1980-е – начало 1990-х гг., что связано, главным образом, со службой военных в группе советских войск (Венгрия, Польша, ГДР и др.), а затем их выводом с территорий этих стран. В результате многие советские военнослужащие, в том числе башкиры, оказались в этом приграничном регионе. Согласно переписи 1989 г., в БССР проживало 1252 башкира. С середины 1990-х гг. их численность начала постепенно снижаться в связи с ремиграцией на родину. Согласно последней переписи населения за 2019 г. в Республике Беларусь проживало 339 башкир.

Для изучения заявленной темы необходимо выявить не только характер происходящих в диаспоре процессов, но и объяснить их причины. С одной стороны, они отражают тенденции, характерные для этнического ядра, с другой – во многом объясняются социальным составом башкирской диаспоры. Как правило, проживающие здесь мужчины-башкиры – это бывшие военные и члены их семей, а женщины-башкирки – это те, кто вышел замуж за белорусов или русских (среди которых также много военных). Несмотря на то что религиозная идентичность является неотъемлемой частью этнического самосознания башкир (этнос, традиционно исповедующий ислам), тем не менее в силу своей профессиональной деятельности для представителей данной социальной группы характерно более дистанцированное восприятие религии. Кроме того, опрошенные нами респонденты – это в основном поколение 1950–1960-х гг. рождения, формирование мировоззрения которых происходило в этноконфессиональной среде, но в советский период, наложивший свой отпечаток на эти процессы.

Значимость для башкир религиозной идентичности и отношение к другим конфессиям. Как показывают данные опроса, основная часть респондентов идентифицируют себя как мусульмане «по рождению», «по традиции», «этнические мусульмане»² и не относят к глубоко верующим ввиду того, что не придерживаются многих требований шариата (не делают пятикратный намаз, не соблюдают пост в месяц Рамадан (*ураза*), пищевые табу и т. д.). Это характерно не только для тех башкир, которые состоят в смешанном браке, но и для проживающих в Беларуси моногамных семей. Дело в том, что в подавляющем большинстве их родители не являлись

¹ С целью соблюдения закона о персональных данных в работе дана используемая автором частично закодированная система ссылок на информантов (это касается фамилии, имени и отчества). В тексте при цитировании автор придерживался следующего образца: (ПМА: Е.Г.Х. (род. Башкортостан), г. Минск), т. е. Ф.И.О. – инициалы информанта, место рождения – Башкортостан, место проживания – г. Минск.

² Этнические мусульмане – это «люди, рожденные в мусульманских семьях, осознающие себя мусульманами от рождения, независимо от того, являются ли они религиозно практикующими, соблюдают ли правила закрытия ауры и нормы шариата в повседневной жизни. Чаще всего это представители народов, проживающих на постсоветском пространстве, традиционно исповедующих ислам, – татары, башкиры, узбеки и др.» [8, с. 492].

активно практикующими, не придерживались норм шариата в повседневной жизни, не соблюдали пост и религиозные запреты, т. е. религиозная традиция передавалась опосредованно. В результате у современного поколения башкир религия выступает не в качестве мировоззренческой системы, а является частью этнического самосознания и традиционных ценностей:

«Мы – мусульмане. Не скажу, что мы особо верующие люди. Молитвы не читаем. Мы не можем отнести себя к верующим, потому что нас этому не учили. Это было запрещено в советский период. Мы соблюдаем только мусульманские обряды, отмечаем дни рождения, даты смерти. В основном в семье отмечаем все светские праздники, а религиозные мусульманские – нет. Не могу сказать, что я верующая, что соблюдаю. Нет» (ПМА: А.К.А. (род. Башкортостан), г. Гродно).

Такое отношение к обрядовой стороне религиозности у поколения 60+ являлось следствием существующей советской идеологии, важной частью которой был атеизм:

«Раньше при Советском Союзе запрещали молиться. Мои бабушки делали намаз в погребе. Многие наши ученые уезжали в Турцию. Нас воспитали в духе атеизма. Мы и наши родители об этом не думали. А сейчас потихоньку начали открываться мечети, уже и медресе открывают. Появилось больше свободы. Не все повернулись, но более-менее уже начали ходить в мечеть. Уже более осознанно стали к этому подходить» (ПМА: Е.Г.Х. (род. Башкортостан), г. Минск).

Некоторые респонденты сообщили о том, что стремление к религии они ощутили после утраты близких, что к вере шли осознанно. В 1990-е – начале 2000-х гг. в Беларуси большую активность проявляли учившиеся здесь студенты из арабских стран. Они обучали и молодежь, и старшее поколение тому, как нужно правильно молиться, объясняли значимость соблюдения норм шариата, старались привить им отношение к религии, характерное для их стран. Те мусульмане, которые прошли обучение, позже сами учили других молиться:

«Моя мама умела молиться. Она знала арабские буквы, умела читать и что-то переводить. Но я уlearnась сама, уже когда сюда приехала. Уlearnась я у одной женщины в Гродно (вдовы военнослужащего), которая сама уlearnась молиться в Гродно у араба. Одна местная девушка вышла замуж за какого-то араба, и он 3–4 года вел здесь эти занятия. Так эта моя знакомая научилась молиться у него. Я ходила к ней, и уlearnась у нее молиться. <...> Я стараюсь молиться, совершаю пятикратный намаз. Утром встала, помолилась. В обед мне не удалось. Вот сейчас я буду молиться 3 раза – за обед, после обеда и за вечер (по времени это будет около 20 мин), а потом уже помолюсь перед сном. Но я еще и Коран читаю по 1–3 страницы с переводом. <...> Я к этому пришла после смерти мамы, даже когда еще мама начала болеть. Какие-то арабские слова знала, но я не могла, не умела читать арабский текст» (ПМА: Г.Ф.Б. (род. Узбекистан), г. Гродно).

Коран – священная книга, которая есть в доме каждого мусульманина. Она является составной частью их бытового пространства. Усилию религиозности местных мусульман способствовали деятельность местных татар и созданное ими в конце 1980-х гг. общественно-религиозное объединение. По словам значительной части опрошенных, религиозных традиций они придерживаются в современной форме. Молитв на арабском языке многие респонденты не знают, как и не умеют читать Коран на арабском. В связи с этим они говорили, что молятся каждый по-своему, кто как умеет. Возможно, каноны ими и не соблюдаются, но главное, что молитва произносится искренне, от всей души.

Для значительной части опрошенных религиозная идентичность имеет важное значение. Как следует из ряда ответов респондентов, осознанно к религии как таковой люди приходят в довольно зрелом возрасте. Для этого нужен определенный жизненный опыт. О важности религии некоторые из них задумались, лишь выйдя на пенсию. Но нередко речь шла о возрасте 40 лет, который наделяется в мусульманстве особым символическим значением:

«Мы пост держим. Намаз стараюсь совершать. В мечеть хожу. За последний месяц в мечети была 3 раза. Человек же развивается, ищет себя. Наступает переломный момент. Думашь, кто ты, откуда и зачем. Я поняла, что я – мусульманка. И возраст играет роль. Я окончила воскресную школу в Башкирии (17 лет тому назад, тогда мне было 40 лет). Читать по-арабски умею. Коран читаю, но еще не понимаю. <...> Оба сына окончили престижные вузы, но выбрали

ислам – работают в медресе. Один сын живет здесь, второй – в Уфе» (ПМА: Е.Г.Х. (род. Башкортостан), г. Минск).

Что касается характерного для башкир восприятия других конфессий, то оно в первую очередь отражается в отношении к смешанным бракам. У подавляющего большинства живущих здесь уроженцев Башкортостана смешанные межнациональные и межконфессиональные браки: кто-то учился в Минском общевойсковом училище или был направлен сюда на военную службу, кто-то нашел свою вторую половинку на целине или во время учебы и вернулся домой. В конфессиональном отношении представители диаспоры демонстрируют толерантность. Нередко приходилось слышать такие слова: «Люди перед Богом равны. Бог один»:

«У нас в школе [в Башкирии] были и русские, и татары, и чуваши. У нас как такового деления по национальностям не было. Там русские знали татарский язык. Мы с русскими дружили. Мы привыкли, что Бог один, только вера разная» (ПМА: Л.Э.А. (род. Башкортостан), г. Минск);

«Я думаю, что ислам, христианство – без разницы. Все равно ищешь что-то внутри себя. Я люблю верующих и русских, они какие-то другие, более развитые что ли. Я церковь вижу и радуюсь, успокаиваюсь, ощущаю духовность. Я и в церковь заходила. Просто там ощущаю духовность и успокаиваюсь» (ПМА: Е.Г.Х. (род. Башкортостан), г. Минск).

Этническая и конфессиональная толерантность – понятия, исторически присущие башкирам и населению Башкортостана. Такое отношение является результатом этноконфессиональной палитры, характерной для этой республики, где длительное время по соседству проживают представители различных этносов и религий. Так, по данным Статистического комитета Башкортостана за 2023 г., численность населения в республике составляла 4 038 151 чел., из них русских – 1 453 734 чел. (36 %), башкир – 1 191 255 чел. (29,5 %), татар – 1 025 690 чел. (25,4 %), чувашей – 109 030 чел. (2,7 %) и др. [5]. Если в национальном отношении башкиры в своей республике являются вторым по численности этносом, то в конфессиональном плане они вместе с татарами составляют большинство – 54,9 % мусульманского населения. Вместе с тем тесное этнокультурное взаимодействие с другими этносами и религиями (в первую очередь православием) оказало большое влияние не только на формы внешней религиозности мусульманского населения республики, но и на отношение башкир к другим конфессиям.

В этом контексте интерес представляют сведения, приведенные в публикации Л. А. Ямаевой. Данные социологического опроса за 2007–2008 гг., проведенного в Республике Башкортостан, демонстрируют высокий порог терпимости башкир-мусульман к людям православной веры. Так, более половины респондентов (в том числе 55,8 % башкир) считают, что если кто-то из родных или близких людей перешел или собирается перейти из ислама в православие, то это их личное дело: «Более того, 29,5 % называвших себя мусульманами (в том числе 23,4 % башкир) празднуют христианские Пасху и Рождество; 2,5 % из них (в том числе 2,2 % башкир) соблюдают православные посты; а некоторые (2,1 % респондентов-мусульман) (в том числе 1,9 % башкир) даже крестили своих детей» [9, с. 30].

С этими данными перекликаются сведения, полученные российскими исследователями в ходе пилотного анкетирования в 2012 г. тюрков-мусульман Среднего Поволжья и Приуралья. Они отражают состояние религиозности татар и башкир Уфы, Казани и Ульяновска. На основе полученных данных А. К. Идиатуллов делает вывод о том, что женщины и мужчины в вопросах ритуальной практики демонстрируют «единодушие»: «Так, молятся дома примерно одинаковое количество мужчин и женщин (16,6 и 21,3 % соответственно). И мужчины, и женщины в равной степени подвержены влиянию христианства: 12–16 % из них отмечают такие праздники, как Рождество и Пасха» [3].

Таким образом, у данного исследователя цифра по результатам межэтнического и межконфессионального взаимодействия и влияния христианства на мусульманское население указанного региона значительно выше.

Сохранение башкирами в условиях диаспоры мусульманской религиозной идентичности. Как было отмечено выше, первое поколение проживающих в Беларуси башкир в подавляющем большинстве состоят в смешанных браках. Сравнение статистических данных, согласно трем последним переписям населения, отражающих динамику численности башкир в Беларуси

по полу, свидетельствует о преобладании женского населения над мужским. Это означает, что существует большее количество смешанных семей, где женщина – мусульманка, а муж – христианин. Детей, рожденных в смешанном браке, обычно крестили, что скорее следует рассматривать как дань традиции, принятой в этом пространстве. Такой выбор религии для детей нередко осуществлялся автоматически, но не столько ввиду этнической и религиозной принадлежности отца, сколько определялся самим белорусским конфессиональным пространством – православным в своей основе.

Анализ данных опроса, проведенного автором, свидетельствует о том, что в советский период в некоторых смешанных этноконфессиональных семьях детей долгое время не обращали ни в одну из религий, т. е. над ними не совершали никаких религиозных таинств. Ситуация начала меняться в конце 1990 – начале 2000-х гг., в период религиозного возрождения, охватившего в целом население всех республик постсоветского пространства. При индифферентности отца ребенка к вопросу религиозной принадлежности детей мать решала этот вопрос в пользу своей веры – принятия детьми ислама. Это объясняется тем, что хранителем культуры и этнических традиций своего народа в большей степени является женщина. Она старается передать их своим детям на подсознательном уровне. Кроме того, вопрос религиозной принадлежности детей стал подниматься бабушками и дедушками «с той стороны», которые нередко подсказывали своим дочерям, что нехорошо человеку оставаться вообще без веры:

«Я – мусульманка, муж – православный, наши дети – мусульмане. Я мужу сказала: “Фамилия, имя и отчество – твое, а все остальное – мое”. Я ему напрямую так и сказала. <...> Муж в советское время был далек от религии. А мы, несмотря на советское время, мусульманские традиции сохраняли. И когда моя мама приехала, она сказала: “Бог един. Нужно определиться, к какому берегу приплыть”, потому что мои дети до 7 лет очень сильно болели. Я своего второго ребенка родила в Уфе, и вот тогда мы пригласили муллу, дали ей имя, а также дали имя старшей дочери и сыну. Муж не предлагал их покрестить. И мы там над ними совершили обряд имянаречения» (ПМА: Л.Э.А. (род. Башкортостан), г. Минск).

Первое поколение башкир Беларуси не вмешивается в вопрос выбора религиозной принадлежности для своих внуков, давая возможность его решать родителям ребенка. В конфессионально смешанных браках женщины-мусульманки решающее слово в этом вопросе обычно оставляют за главой семьи:

«У старшей дочери муж христианин. (Она переехала жить в Уфу, там вышла замуж. – Е. К.) У них родилась дочь, и она оставила этот вопрос на решение мужа. Он работал в церкви, помогал там. Он захотел крестить ребенка, и они его покрестили. Мы не были против» (ПМА: Л.Э.А. (род. Башкортостан), г. Минск).

Некоторые представители первого поколения башкир Беларуси говорили о том, что независимо от того, к какой вере принадлежат их дети, у них отношение к религии холодное. Проведенный опрос показывает, что не все столь однозначно: холодность к внешней стороне мусульманской обрядности нередко сочетается с внутренней приверженностью исламу:

«Сына и дочь зовут <...>, а так по-мусульмански их зовут Азат, Ляйсан. Когда я ездила домой, то там они приняли мою веру, мусульманскую. Для меня это было важно. Муж не был против. Он сказал, как я захочу. А я захотела, чтобы они были мусульманами. Правда, они нечистокровные. Сын и дочка в паспорте записаны как белорусы. И в переписи они себя записывают белорусами».

На вопрос: «А в мечеть они ходят?» респондент ответила:

«Ну, когда им [это делать]. Сын еще там бывает, а дочка вообще живет в Польше» (ПМА: Р.З.Г. (род. Башкортостан), г. Минск);

«Внуки по национальности – белорусы. По религии внук от сына – православный, а внучка от дочери – мусульманка. Мои родители в эти вопросы не вмешивались» (ПМА: Р.З.Г. (род. Башкортостан), г. Минск).

Такого рода примеры свидетельствуют о значимости для башкир мусульманской религиозной идентичности как религии предков и как традиционной системы ценностей.

Традиция посещения мечети и раздача милостыни (садака, хаер) в контексте мусульманской религиозной идентичности. Для основной части респондентов, считающих себя этни-

ческими мусульманами, значимыми являются соблюдение религиозных праздников, обращение к Всевышнему с молитвой, произносимой в свободном виде, раздача милостыни и т. д., в то время как участие в пятничных коллективных молениях в мечети рассматривается как желательное, но не обязательное.

«В ханафитском мазхабе суннитского ислама, традиционного для башкир и татар, разрешено посещение мечети женщинами» [9], но оно не считается обязательным, о чем говорили все респонденты. Женщина может ходить туда по праздникам или когда ей нужно дать садаку, хотя последнее можно осуществлять и вне мечети:

«Когда я езжу домой, то тогда хожу в мечеть. Здесь (в Беларуси. – Е. К.) мы живем в основном на даче за городом – в Молодечненском районе в поселке Радошковичи. Здесь я хожу в мечеть на Комсомольском озере, но редко. Хожу туда на праздники, чтобы хаер (милостыню) положить. В мечети стоит ящик и туда кладешь. Когда к нам приезжают родственники, я их тоже туда вожу. А так в основном, когда бываю на родине, то там хожу в мечеть. Там мечети есть и в одной, и в другой деревне. Там похоронены мои родители. Когда я туда приезжаю, тогда и даю хаер (деньги) в мечети» (ПМА: Р.З.Г. (род. Башкортостан), г. Минск).

Однако у подавляющей части диаспоры (как мужчин-башкир, так и татар) посещение мечети по пятницам также не считается обязательным. Лишь один респондент сообщил о том, что старается это делать, но не всегда получается. Многие опрошенные отмечали, что в мечеть они ходят очень редко (несмотря на то, что некоторые из них живут в Минске), но когда бывают у себя на родине, то стараются посетить мечеть:

«Я не хочу сказать, что являюсь активно верующим и соблюдаю все мусульманские каноны, читаю намаз 5 раз в день. Про себя я такое сказать не могу. Я к этому только иду и еще не пришел. Мечеть я посещаю, как только у меня получается. Но нет такого, чтобы я планировал один раз в неделю или сколько-то раз посещение мечети. Мое общение с родственниками в Башкирии и Татарстане научило меня, что посещение мечети – это необязательная вещь. Главное, чтобы у человека был Бог в душе. Если тебе что-то нужно или есть в душе потребность помолиться, то даже в машине остановился, почитал молитву, вспомнил или помянул кого надо. Таких жестких правил нет. Те, кто активно соблюдает каноны, то им нужно приходить в мечеть или дома 5 раз в день намазы делать, причем в определенное время» (ПМА: Т.А.Г. (род. Башкортостан), г. Минск);

«Мой брат в мечеть не ходит, он живет довольно далеко от города. Он молится дома» (ПМА: Г.Ф.Б. (род. Узбекистан), г. Гродно).

Несколько месяцев назад в Беларусь переехала большая башкирская семья (3 поколения), в которой все члены семьи глубоко религиозные люди. Еще живя в Башкортостане, сначала мать, а затем дети и муж пришли к осознанному принятию ислама: соблюдают пост, совершают пятикратный намаз, часто ходят в мечеть и т. д.

Отношение к мусульманской вере у респондентов во многом проявляется через приздание большого значения добровольным подаяниям – садака, хаер. Они могут выражаться в различной форме: продукты или еда, труд, деньги и др. В это понятие входит все, что делается как помочь нуждающемуся. Милостыня воспринимается как неотъемлемая часть поклонения Всевышнему с целью добиться его благосклонности, как форма исполнения повелений Аллаха и его Пророка:

«Пожертвования мы даем. Они могут быть в любой форме. Даже если чем-то угостили, оказали помочь продуктами, деньгами, даже если сказали доброе слово, то есть уважение в любом виде – все это хаер. Садака и хаер – это одно и то же. Садаку даю деньгами в медресе, так как я же не знаю, что им нужно». На вопрос: «А как часто это нужно делать?» был дан следующий ответ: *«По велению сердца, по зову»* (ПМА: Е.Г.Х. (род. Башкортостан), г. Минск).

Некоторые респонденты не видят различий между садакой и хаером, а другие приурочивают такой вид милостыни, как садака, к праздникам. Из их ответов следует, что садака чаще рассматривается как милостыня деньгами:

«У нас, у мусульман, хаер дают, когда пожелаешь, а не к празднику. Мысленно думаешь о своих умерших предках, о детях. Ее можно давать и за здоровье живых, и за умерших. А вот садака – это в праздники» (ПМА: Р.З.Г. (род. Башкортостан), г. Минск);

«Мама говорила, что малоимущему нужно дать что-то такое, чтобы он порадовался. Можно и не говорить за кого даешь. Можно дать либо что-то из еды или продуктов, чтобы он прямо возрадовался этому». На вопрос: «Как часто Вы это делаете?» респондент ответила: «По-разному. Есть женщина, которая в пятницу молится и всех наших “перебирает”. Она знает, как нужно молиться. Мы ее просим, передаем ей денежку. Это важно делать» (ПМА: А.З.И. (род. Челяб. обл., Россия) г. Молодечно).

Традиция одаривания милостыней и совершения добрых дел демонстрирует жизнестойкость у всех поколений мусульман диаспоры. Ее совершают не только в мусульманские праздники и дни поминовения, но и в любой другой день. Например, нельзя пройти мимо человека, просящего подаяние, и ничего не дать; нельзя зимой пройти мимо человека, который лежит на земле (несмотря на то, что тот может быть выпивший); ему нужно помочь, чтобы он не замерз. *Хаер* рассматривается как помочь в любом деле. Это и участие в уборке в доме близкого человека, которому нужна такая помощь. К данной традиции респонденты приучают и своих детей.

Выраженность внешних форм религиозности и происходящие в диаспоре процессы в целом вписываются в общую тенденцию, характерную для мусульман Башкортостана. Так, согласно социологическому опросу за 2011 г., 32,7 % опрошенных башкир соблюдают пост (уразу); 6,3 % башкир совершают ежедневно пятикратный намаз, но при этом 82,9 % башкир подают милостыню (*хэйер / хаер*) [9, с. 29–30].

О практике ношения хиджаба и отношении башкир к данному вопросу. В последние годы в исламе различным аспектам религиозной практики, в том числе ношению хиджаба, уделяется особое внимание. Вопрос об обязательности ношения хиджаба для мусульманок сохраняет свою дискуссионность среди исламских богословов. Одни считают, что упоминание хиджаба в Коране и хадисах следует рассматривать не как правило шариата, а как рекомендацию. Женщине предписывается носить скромную одежду, покрывающую и не подчеркивающую ее части тела. Хиджабом может считаться как накидка, покрывающая тело, так и платок, покрывающий голову, закрывающий волосы и шею, но не лицо.

Во многих странах, в том числе мусульманских (и на постсоветском пространстве), ношение хиджаба в государственных и образовательных учреждениях запрещено. В Беларуси не существует запрета на ношение хиджаба, но в последние полтора десятка лет этот вопрос в той или иной форме поднимался и обсуждался в интернете. В связи с данной проблемой представляется важным рассмотреть отношение башкир Беларуси (и Башкортостана) к вопросу о ношении хиджаба и соблюдении данной традиции как одной из составляющих мусульманской религиозной практики.

В ходе опроса подавляющая часть респондентов заявила о том, что в обычной жизни они не носят ни хиджаб, ни платок. Платок они повязывают на голову, заходя в мечеть, а в общественных местах ходят с непокрытой головой. Женщины отмечали, что не считают эту норму неукоснительной, поскольку данной традиции не существовало у их родителей и в прежние времена.

Почти все респонденты воспринимают хиджаб как внешнюю исламскую атрибутику, которая не обязательно свидетельствует о достаточной внутренней религиозности человека. В некоторых случаях хиджаб воспринимается как излишняя манифестация своей религиозности и оценивается скорее отрицательно. Сведений о том, что кто-то из башкир или уроженцев Башкортостана хотел бы носить хиджаб, но не решается на это, нами не зафиксировано (в отличие от белорусских татар, где данная тенденция существует). Наиболее религиозная башкирка (возраст 58 лет), недавно переехавшая с семьей в Беларусь, сообщила о том, что она носит платок, покрывающий голову и плечи, который, по ее мнению, аналогичен хиджабу. Она надевает его в том числе при выходе на улицу и в магазин:

«Да, я ношу хиджаб, но не такой закрытый. Я ношу платок, который закрывает плечи, одеваюсь скромно. <...> Я считаю, что молодежь более религиозна, лучше знает и лучше понимает религию, а мы просто стараемся. Даже те молодые, кто не соблюдает атрибутику (платки – это же атрибутика), они более религиозны. А внутри у них вера сильнее. У нас иногда показуха – платки и одежда. <...> Все зависит от человека, а не от платка. Считаю, что вопрос о том, носить или не носить платок, не столь принципиальный. Важна вера» (ПМА: Е.Г.Х. (род. Башкортостан), г. Минск).

В ходе беседы респондент уточнила, что и в Башкортостане к ношению хиджаба относятся неоднозначно, нередко без понимания. Приведем фрагмент из интервью с ней:

«В Башкирии, когда я работала в школе [учителем] и начала носить хиджаб (платок. – Е. К.), отношение ко мне было прямо-таки не очень хорошее. Мне говорили, что у нас светское общество. Но все равно это зависит от человека. Тогда я ушла из гимназии. Целый год просидела дома, а потом вышла на работу обновленная, и уже никто в мою сторону так не смотрел. Наоборот, уже уважали» (ПМА: Е.Г.Х. (род. Башкортостан), г. Минск).

Отношение к данному вопросу может значительно варьироваться даже у представителей одного этноса. Оно во многом зависит от того, в каком конфессиональном или этнокультурном пространстве человек жил ранее, до переселения в Беларусь (полиэтническое и поликонфессиональное или иноэтническое, но моноконфессиональное). Проведенный опрос показывает, что респонденты, которые родились или выросли в одной из республик Центральной Азии, впитали в себя традиции и модель поведения, принятые в мусульманском обществе. Некоторые из живущих в Гродно мусульманок, где религиозная община включает много верующих из этих республик, довольно легко стали носить хиджаб. Одна башкирка, переехавшая в Беларусь из Узбекистана, сообщила о том, что здесь начала носить хиджаб, хотя ее мама его не носила, а просто покрывала голову платком:

«Я хиджаб надеваю только дома, когда молюсь или когда иду на кладбище, или на праздничную молитву. Все женщины в Гродно на общей молитве в хиджабе¹, ну и я его купила. В повседневной жизни я хиджаб не ношу» (ПМА: Г.Ф.Б. (род. Узбекистан), г. Гродно).

На мизаре / кладбище в д. Осмолово (возле г. Клецка), куда эта женщина пришла со своими родственниками – местными татарами, лишь она одна была в хиджабе. Демонстрации приверженности исламу через хиджаб у других башкир диаспоры нами не выявлено.

В связи с вопросом о следовании этой религиозной практике в Башкортостане приведем данные социологического опроса за 2003–2011 гг., представленные башкирскими исследователями. Из данных следует, что мусульманские предписания в одежде «стараются соблюдать» 33,1 % башкир и 23,8 % татар [9, с. 30]. В целом процент немаленький. Вместе с тем очевидно, что такая формулировка ответов является очень расплывчатой, поскольку не отражает факт ношения мусульманками именно классического хиджаба. Их можно трактовать и как ношение платков, покрывающих волосы и плечи, и как просто скромную одежду, не подчеркивающую фигуру.

В целом, как следует из данных проведенного нами опроса и содержащихся в историографии сведений, для башкир диаспоры, как и для соотников Волго-Уральского региона, ношение классических хиджабов не характерно, поскольку они всегда жили среди христианского населения и соблюдение ряда норм шариата не считалось у них обязательным.

Формы проявления религиозной конверсии у представителей диаспоры. В 1990-е гг., период острой социальной нестабильности, люди чаще стали искать поддержку в проверенных временем ценностях. Происходил процесс актуализации этнической идентичности, переосмысливались религиозные ценности. Среди башкир Беларуси (как и среди татар) существуют случаи религиозной конверсии – добровольного перехода из одной веры в другую. Как правило, это переход из ислама в христианство (православие). Неофитами являются женщины, которые проживают в смешанном браке:

«У нас было советское воспитание, внушали, что религии нет, атеизм. В нас это было заложено. А потом в 1990-е гг. оказалось, что нужно к чему-то приходить, то очень много татар... Моя бабушка и намаз читала, у нас дома были книги еще 1913 г.» (ПМА: З.Р.К. (род. г. Казань), г. Минск).

Конверсия в определенной степени может быть связана с духовными исканиями, выстраиванием своей картины мира. Но нередко это объясняется желанием женщины гармонизировать внутрисемейное пространство, чтобы всех членов семьи связывала общая вера и религиозные праздники:

¹ По сведениям того же респондента, в Гродно проживает много мусульман из Центральной Азии, которые строго придерживаются требований ислама.

«Наверное, пришло какое-то осознание, что все равно в этом мире нужно выбирать. <...> Я бы так сказала, что [принимая христианство] я скорее всего руководствовалась тем, что у меня муж православный и жена должна принять его веру» (ПМА: г. Минск).

При переходе из ислама в христианство взрослые дети обычно заранее ставят в известность своих родителей, спрашивают их разрешения. Зачастую те оставляют им свободу выбора в данном вопросе, но некоторые родители против изменения их детьми веры, несмотря на то что сами не считают себя глубоко верующими:

«Отношение ко мне со стороны окружающих не изменилось. Каждый имеет право на свою веру. У меня с мамой были трения, что я – православная, а она – мусульманка. Она не приняла моего решения, потому что у меня и папа башкир, мусульманин. У мамы [второй] муж был белорус, но она до конца жизни была мусульманкой» (ПМА: г. Молодечно).

У подавляющей части этнических мусульман принадлежность к исламу находится глубоко внутри. Несмотря на то что факт религиозной конверсии имел место, респондент по-настоящему не исповедовал ни одну, ни другую веру. Она рассматривается им как форма поклонения высшей силе по принципу: «Бог един, но молятся Ему по-разному»:

«Если честно, то я читаю молитвы и на русском, и на татарском (арабском, мусульманском) языке, чему меня научили бабушки. В моем понимании, я еще не до конца осознала всю эту религиозность. Я считаю, что Бог един, на каком бы языке Он не назывался. Я читала и Библию, и хадисы, по мере возможности, и нахожу моменты, которые перекликаются. Считаю, что это практически одно и то же, но на разных языках. <...> Стараюсь ходить в церковь на праздники, обязательно на Рождество и Пасху, но я еще не совсем в религии. Муж у меня был менее религиозным, чем я. Дети в церковь со мной не ходят» (ПМА: г. Минск).

По имеющимся сведениям, в обществе «Чишма» несколько женщин перешли в христианство. Как со стороны своих бывших единоверцев, так и со стороны христианского окружения реакция на изменение человеком веры могла быть неявной, а иногда открытой. Но в целом отношение толерантное:

«По религиозной принадлежности – это их собственное решение. В исламе нет принуждения. Есть сура, которая говорит об этом. <...> В нашем ансамбле 3 человека, принявших христианство» (ПМА: Л.М.М. (род. г. Ижевск, Удмуртия), г. Минск);

«Кому-то, наверное, не понравилось, что я православная. На это я отвечаю, что у нас свобода выбора; и если к 65 годам созрею, то могу перейти и в буддизм» (ПМА: г. Минск).

Среди башкир диаспоры существует случай перехода из ислама в православие, а затем в язычество. Такую конверсию вряд ли можно считать духовнымиисканиями (о которых упоминали другие респонденты) и выстраиванием картины мира:

«В прошлом я была мусульманкой, потом в 2006 г. приняла христианство, православие, но все равно я люблю эти моменты веры. Здесь у меня такой момент: есть вообще вера в Бога, Бог есть, Бог един, Бог внутри тебя. Сейчас я считаюсь язычницей. У башкир есть такие “сэсэны”, “баксы” – типа волхвов. Я искала Бога и в мусульманстве, и в православии, но пришла к выводу, что все мы вышли из язычества. Все обереги и вышиванки они языческие» (ПМА).

Данное явление, по сути, можно было бы рассматривать как факт двойной конверсии, если бы респондент не позиционировала себя (перед общественностью и журналистами) так широко: «Целительница, таролог, родолог, энергетический практик» [4] и «обыкновенный башкирский шаман» (ПМА).

На вопрос: «Вы ходите в мечеть или церковь?» был получен следующий ответ:

«Я везде могу ходить. Бог внутри нас. Это мое личное мнение. Я теперь профессионально занимаюсь языческими обрядами, гадаю на картах таро и др. У меня есть обереги башкирские (монеты). Я сама пошила себе башкирский национальный костюм. Он у меня стилизованный» (ПМА).

На первый взгляд, озвученный вышеупомянутым респондентом способ идентификации связан с современным явлением под названием «экстрасенсы». Учитывая, что башкиры относятся к этническим мусульманам, следует отметить, что манифестация респондентом своей этнической идентичности выходит за рамки характерного для башкир этнокультурного кода. Но, как

можно заключить, для такого способа религиозной идентификации у нее есть и вполне конкретные основания.

Необходимо отметить, что у башкирского народа довольно хорошо сохранился сакральный фольклор, а также представления о языческих молениях в священных рощах, о сэсэнах (народных певцах и музыкантах, хранителях устно-поэтического и музыкального наследия башкир), баксы (обладателях экстраординарных способностей и тайных знаний, т. е. шаманах) и др. Им приписывается дар предвидения и огромного влияния на массы [2, с. 13]. В последнее время башкирскими исследователями уделяется большое внимание изучению данной области фольклора и традиционным знаниям, которые так или иначе оказывают влияние на способы религиозной идентификации части представителей данной этнической общности. Для укрепления и воспитания у башкир духовности предлагается даже «разработать государственную Программу по возрождению и развитию башкирской школы сэсэна» [7].

Очевидно, что респондент, позиционируя себя таким образом, стремился подчеркнуть свою эксклюзивность, «профессионализм», сверхчувственные способности и сопричастность к магическим знаниям, ссылаясь на традиционные пласти этнокультуры и свои этнические корни: «Я поняла, что башкирка – это бренд, который можно и нужно показывать, тем более, если оформить его в красивую обертку» [4].

«Я чистокровная башкирочка и с гордостью несу свою национальность. <...> Здесь я презентую Башкирию и башкирскую национальность» (ПМА).

Анализ данной формы заявленной религиозной идентичности, сопряженной с этнической, – это один из способов привлечь к себе внимание и самореализоваться.

Заключение. Изучение степени религиозности у башкир Беларуси показало, что основная часть респондентов демонстрировала значимость мусульманской религиозной идентичности, но не как высокий уровень религиозного сознания, а как важную часть этнического самосознания. Данная черта отражается и в формах их религиозного поведения, которые многообразны. Отношение к религиозной практике свидетельствует об отклонении от религиозных канонов. Это касается совершения намазов, соблюдения поста, ношения хиджаба, а также пищевых табу.

Период конца 1990 – начала 2000-х гг. характеризуется повышением уровня религиозности среди представителей диаспоры, что связано с происходившим в те годы процессом этнического и религиозного возрождения. Они приобщались к религии, учились читать на арабском языке, делать намазы, постигать основы ислама. Тех, кто соблюдает пост и совершает пятикратный намаз, единицы; придерживаться норм шариата они начали относительно недавно. Повышение уровня религиозности связывается респондентами по большей части с возрастом, когда человек начинает многое переосмысливать. Особое место в религиозной идентичности уроженцев Башкортостана занимает *садака* и *хаер* – традиция добровольного пожертвования.

У башкир религиозная терпимость проявляется не только в отношении к смешанным бракам, но и в их распространенности. Подавляющее большинство башкир проживают в смешанных в этническом и конфессиональном отношении браках. Случай религиозной конверсии (перехода из ислама в православие) являются как результатом этноконфессионального взаимодействия, так и желанием женщины гармонизировать отношения между членами семьи за счет единой религиозной принадлежности и соблюдения праздников.

Основная часть опрошенных представителей татаро-башкирской диаспоры позиционирует себя как этнические мусульмане, или светские мусульмане. Анализ проведенного этносоциологического опроса, касающегося башкир (и татар) Беларуси, в сравнении с представленными в историографии сведениями по данным этническим общностям, проживающим в Башкортостане, позволяет заключить, что характерная для диаспоры тенденция в области религиозной идентичности целиком вписывается в процессы, отражающие сферу религиозной практики и обрядности у мусульман Башкортостана.

Список использованных источников

1. Бердин, А. Т. Башкиро-татарский этносоциальный симбиоз с точки зрения историософии / А. Т. Бердин // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 681–685.
2. Духовная культура башкирского народа: в 3 т. / Акад. наук Респ. Башкортостан, Отд-ние соц.-гуманитар. наук и технологий, Ин-т истории, яз. и лит. УФИЦ РАН; под общ. ред. А. В. Псянчина. – Уфа: Гилем, 2018. – Т. 1: Фольклор и искусство. – 352 с. – URL: <https://bashenc.online/upload/uf/ae2/Psyanchin.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

3. Идиатуллов, А. К. Специфика женской религиозности у тюрок-мусульман России (на примере татар, башкир и карачаевцев) / А. К. Идиатуллов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22075> (дата обращения: 22.02.2025).
4. Башкирка из Молодечно: «Мужчины обращают на меня внимание как на экзотику, а я шаманка» // Минская правда: информ. агентство. – URL: <https://mlyn.by/06062024/bashkirka-iz-molodechno-muzhchiny-obrashhayut-na-menyu-vnimanie-kak-na-ekzotiku-a-ya-shamanka/> (дата обращения: 16.11.2024).
5. Население Башкортостана // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Башкортостана (дата обращения: 16.01.2025).
6. Квилинкова, Е. Н. Полевые материалы автора (ПМА) / Е. Н. Квилинкова // Материалы полевых исследований по башкирам Беларуси за 2021–2025 гг.
7. Султангареева, Р. Творчество башкирских сказителей в прошлом и настоящем / Р. Султангареева // Бельские просторы. – 2005. – № 1. – URL: https://www.hrono.ru/text/2005/sultang01_05.html (дата обращения: 16.11.2024).
8. Суюнова, Л. Д. Смысловое содержание терминов «русские мусульмане», «этнические мусульмане» и «этнические неофиты» в исследовании феномена «религиозная конверсия» с позиций теолога / Л. Д. Суюнова // *Minbar. Islamic Studies*. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 472–498. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-2-472-498>
9. Ямаева, Л. А. Особенности религиозной культуры современных башкир-мусульман / Л. А. Ямаева // Проблемы востоковедения. – 2015. – № 2 (68). – С. 26–31.

References

1. Berdin A. T. Bashkir-Tatar ethno-social symbiosis from the perspective of the philosophy of history. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2015, vol. 20, no. 2, pp. 681–685 (in Russian).
2. Psyanchin A. V. (ed.). *Spiritual culture of the Bashkir people: in 3 volumes. Vol. 1. Folklore and art*. Ufa, Gilem Publ., 2018. 352 p. Available at: <https://bashenc.online/upload/uf/ae2/Psyanchin.pdf> (accessed 16.01.2025) (in Russian).
3. Idiatullov A. K. Specificity of female religiousness among Muslim Turk of Russia (for Example, Tatars, Bashkirs and Karachay). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 2-2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22075> (accessed 22.02.2025) (in Russian).
4. Bashkir woman from Molodechno: “Men pay attention to me as if I were exotic, but I am a shaman”. *Information agency “Minskaya Pravda”*. Available at: <https://mlyn.by/06062024/bashkirka-iz-molodechno-muzhchiny-obrashhayut-na-menyu-vnimanie-kak-na-ekzotiku-a-ya-shamanka/> (accessed 16.11.2024) (in Russian).
5. Population of Bashkortostan. *Wikipedia*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Башкортостана (accessed 16.01.2025) (in Russian).
6. Kvilinkova E. N. Author's field materials. *Field Research Materials on the Bashkirs of Belarus for 2021–2024* (in Russian).
7. Sultangareeva R. Creativity of Bashkir storytellers in the past and present. *Bel'skie prostory* [Belsky Expanses], 2005, no. 1. Available at: https://www.hrono.ru/text/2005/sultang01_05.html (accessed 16.11.2024) (in Russian).
8. Suyunova L. D. Semantic content of the terms “Russian Muslims”, “Ethnic Muslims” and “Ethnic Neophytes” in the study of the phenomenon of “Religious Conversion” from a theologian's perspective. *Minbar. Islamic Studies*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 472–498 (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-2-472-498>
9. Yamaeva L. A. Features of religious culture of modern Bashkir Muslims. *Problemy vostokovedeniya = The Problems of Oriental Studies*, 2015, no. 2 (68), pp. 26–31 (in Russian).

Информация об авторе

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, копр. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: civilincova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

Information about the author

Elizaveta N. Kvilinkova – D. Sc. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: civilincova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 738.1;745.925.1

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-308-314>

Поступила в редакцию 02.08.2024

Received 02.08.2024

Линь Синьмэй

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

КОЛЛЕКЦИЯ КИТАЙСКОГО ФАРФОРА В ЭКСПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В Национальном художественном музее Республики Беларусь находится самая большая в стране коллекция китайского фарфора, однако информации о большинстве представленных экспонатов явно недостаточно. В статье на основе изучения коллекций фарфора в китайских музеях и анализа специальной литературы представлены важные сведения об истории и технике изготовления большинства предметов китайского фарфора, постоянно экспонирующихся в музее. Это поможет музеям сотрудникам дать заинтересованным посетителям более полное представление о технологии, происхождении и дате создания китайского фарфора из коллекции музея.

Ключевые слова: китайский фарфор, Национальный художественный музей Республики Беларусь, селадоны, монохромная глазурь, полихромная глазурь, подглазурная роспись, надглазурная роспись, Цзиндецзэн, печь Лунчюань

Для цитирования: Линь Синьмэй. Коллекция китайского фарфора в экспозиции Национального художественного музея Республики Беларусь / Линь Синьмэй // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 308–314 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-308-314>

Lin Xinmei

Belarusian State University, Minsk, Belarus

CHARACTERISTICS OF CHINESE PORCELAIN FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL ART MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The National Art Museum of the Republic of Belarus has the largest collection of Chinese porcelain in the country, but there is clearly not enough information about most of the exhibits on display. Based on the study of porcelain collections in Chinese museums and the analysis of special literature, the article provides comprehensive information about the history and technique of making 66 pieces of Chinese porcelain that are constantly on display in the museum. This will help the museum's research staff to give interested visitors a more complete understanding of the technology, origin and date of creation of Chinese porcelain from the museum's collection.

Keywords: chinese porcelain, National Art Museum of the Republic of Belarus, celadons, monochrome glaze, polychrome glaze, underglaze painting, overglaze painting, Jingdezhen, Lunquan kiln

For citation: Lin Xinmei. Characteristics of chinese porcelain from the collection of the National Art Museum of the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 308–314 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-308-314>

Введение. Предметы из китайского фарфора, обладающие утонченной красотой и непреходящей элегантностью, присутствуют в крупнейших музеях большинства стран мира. В Беларусь самая большая коллекция китайской керамики и фарфора, начало которой было положено в 1957 г., находится в Национальном художественном музее Республики Беларусь (далее – НХМ РБ) и насчитывает около 120 уникальных предметов. Экспозиция посвящена некоторым аспектам технологического и исторического развития китайского фарфора с конца XV по начало XX в. Регулярно экспонируются 66 произведений времен правления династий Мин и Цин, представляющих разнообразие типов и форм традиционной китайской керамики. Если предметы из фарфора периода династии Мин иллюстрируют только некоторые аспекты развития искусства этого времени, то артефакты династии Цин позволяют проследить эволюцию технологий изготовления и стилей росписи фарфора от простого и утилитарного к сложному и декоративному. А произведения китайских мастеров XX в. демонстрируют как преемственность ими лучших традиций прошлого, так и неиссякаемую творческую фантазию [1].

Методы и результаты исследования. С помощью формально-стилевого и технико-технологических методов анализа произведений декоративно-прикладного искусства охарактеризуем коллекцию китайского фарфора в контексте технологии изготовления и декорирования предметов, их типологии и функции.

Как известно, производство китайского фарфора началось с использования монохромных глазурей [2]. В коллекции НХМ РБ присутствует монохромный глазурованный фарфор нескольких цветов: красного, белого, лунно-белого, желтого, цвета чайного листа, а также знаменитые селадоны.

Селадон – один из традиционных разновидностей китайского фарфора, возникший в эпоху династий Шан и Чжоу. Ранние версии селадонов покрыты воскоподобной непрозрачной глазурью, поздние – глянцево-прозрачной, цвета морской волны (от бледно-голубого до зеленовато-серого), полученного с использованием оксида железа. Популярность селадонов объяснялась тем, что цвет их глазури напоминал цвет нефрита – камня, весьма почитавшегося в китайской культуре. Главным центром по производству селадонов был город Лунцюань в провинции Чжэнцзян, переживавший свой расцвет в период династии Сун. Производство селадонов в Лунцюане продолжалось и в эпоху Мин, однако изделия уже не были такими изысканными, как ранее и утратили прежние мягкие и нежные тона «нефритовой» глазури.

Селадоны НХМ РБ – это самые ранние произведения в коллекции, выполненные лунцюанскими мастерами в эпоху Мин. Они представлены сосудом для каллиграфического письма (кит. Би Тянь) (рис. 1), вазой и небольшой бутылочкой с сюжетной сценой, выполненной в низком рельефе.

Би Тянь, покрытый серо-зеленой глазурью с темными полосами, размером всего лишь с ладонь, что было характерно для предметов подобного рода. На неглазированном дне сосуда видны фрагменты красноватого черепка, поэтому сотрудники музея относят его к концу XV – началу XVI в. [3]. Канцелярские приборы из фарфора появились в эпоху Северной Сун, а к времени династии Мин стали весьма популярны среди литераторов и ученых. В своей книге «Каопан Юши» Тулон перечислил в общей сложности 45 видов канцелярских принадлежностей, и Би Тянь среди них был на восьмом месте. Би Тянь (или Би Чуань, как такие изделия стали называть во времена династии Мин) – это сосуд, который применялся для смешивания чернил и регулировки размера кончика кисти в процессе письма и рисования. По мнению специалистов из Дворцового музея в Пекине, этот предмет также использовался для набора чернил на кисть.

Би Тянь из коллекции НХМ РБ выполнен в форме листа лотоса, что характерно для предметов этого типа, поскольку края изгибающегося листка лотоса весьма удобны для регулировки кончика кисти. К тому же лотос олицетворяет пожелания долголетия и полноценной жизни, воплощает такие человеческие качества, как честность и порядочность, что издревле ценилось в кругах литераторов. Следует отметить, что такой вид фарфоровых предметов, как Би Тянь (особенно раннего, доцинского времени) сегодня очень редок в коллекциях даже китайских музеев.

Селадоновая ваза с расширяющимся горлом, складчатым ободком в его основании и округлым корпусом, судя по своему размеру, служила для украшения интерьера. Ваза покрыта рисунком в виде изогнутых стеблей, листьев и крупных лепестков, вырезанных на поверхности необожженного фарфора, и кракелюрным декором на прозрачной темно-зеленой глазури. Сероватый цвет глазури и характер декора позволяют отнести этот сосуд к концу XVII в. – времени упадка селадоновых мастерских в Лунцюане [4].

Фарфор с белой глазурью появился еще при династии Восточная Хань, а вершиной его производства стали изделия периода династии Сун,

Рис. 1. Би Тянь. Фарфор мастерских Лунцюаня, Фэнъцин глазурь, гравировка. Династия Мин, конец XV – начало XVI в.

Fig. 1. Bi Tian. Porcelain workshops Lunquan, Fenqing glaze, engraving. Ming dynasty, end of the 15th – beginning of the 16th century

которые отличались исключительной белизной и чистотой. В правление династии Мин широкую известность в Европе под названием «blanc de Chine» получил белый фарфор из уезда Дэхуа провинции Фуцзянь. В эпоху Юнчжэн благодаря техническому прогрессу белизна фарфора из Цзиндачжэня (крупнейшего центра по производству фарфора, начиная с эпохи Мин) достигла 77,5 % (при норме 55–68 %).

В коллекции НХМ РБ имеются две элегантные белые фарфоровые чаши периода Юнчжэн из императорской печи Цзиндачжэня, а также четыре покрытые белой глазурью статуэтки почтаемой в китайском буддизме богини милосердия и сострадания Гуань-инь из печей Дэхуа периода династии Цин. Гуань-инь – ипостась бодхисаттвы Авалокитешвары, божество, спасающее людей от всякого рода несчастий и опасностей, целительница, покровительница детей и женщин. Статуэтки представляют интерес в том числе и потому, что в отличие от европейского фарфора, в истории китайского искусства мелкая фарфоровая пластика – это в целом редкое явление.

Красный глазурованный фарфор (кит. цзихун) существовал уже во времена династии Тан, но только в период Сюаньдэ династии Мин удалось освоить производство глазури цзихун без примесей других цветов; выход готовых изделий был низким ввиду сложной и дорогой технологии, секрет которой впоследствии был утерян. В наше время все еще невозможно получить глазурь такой же чистоты, как в эпоху Сюаньдэ [5]. Наиболее знаменит фарфор из печей Цзиндачжэня, получивший название «жертвенный красный» из-за насыщенной красной глазури, покрывавшей предметы, которые императорская семья в Древнем Китае использовала для религиозных церемоний.

В коллекции музея присутствует фарфоровая бутылочка со сферическим корпусом и узким длинным горлом, покрытая красной глазурью. Специалисты относят ее к эпохе династии Цин.

Лунно-белый фарфор, покрытый густой молочной глазурью – кремово-белой, зеленовато-белой или серовато-белой, как луна поздней осенью, – появился в конце династии Сун и поначалу обжигался в печах Яочжоу и Цзюнь [6]. Этот вид фарфора в экспозиции НХМ РБ представлен двумя предметами: шарообразным сосудом на высокой, расширяющейся к низу ножке, предназначенным для хранения зерна или солений (относится к периоду Цяньлуна) (рис. 2), и флягой из Цзиндачжэня, покрытой сеткой Багуа – восемью наборами из трех линий, ломаных и непрерывных в различных сочетаниях, символизирующих силы природы (датируется XVIII в.).

Фарфор с традиционной монохромной желтой глазурью появился в эпоху династии Тан. В период Юнлэ династии Мин в печах Цзиндачжэня в обжиге фарфора произошел технологический прорыв, мастера научились получать чистую беспримесную желтую глазурь, и вскоре ее производство и использование было монополизировано императорской семьей [7]. Среди экспонатов музея имеется прекрасная чашка периода Юнчжэн в идеальном состоянии, без лишних украшений, покрытая внутри белой, а снаружи ровной и чистой лимонной глазурью с безупречным блеском.

Черный фарфор (кит. хэйци) начали производить в печах Яочжоу во времена династии Тан. Это особая разновидность черной обожженной глазури, цвет которой варьируется от почти чисто черного до коричневато-желтого. От нее произошла глазурь цвета чайного листа, впервые упомянутая в конце династии Цин в книге «Тао Я», позже известной как древний фарфор Хуэйкао. Термин «кончик чайного листа», приведенный в этой книге, относится к фарфору, покрытому глазурью желтого или зеленого цвета. Фарфор цвета чайного листа производился главным образом в эпохи Юнчжэн и Цяньлуна в императорских печах в Цзиндачжэне. В период Юнчжэн изделия были в основном покрыты глазурью желтоватого цвета с черными или темно-коричневыми пятнами, называемой «кожа угря»; в период Цяньлуна большая часть глазури была зеленого цвета, широко известного как «зеленый крабовый жук», «кончик чайного листа» и т. д.

Рис. 2. Шарообразный сосуд для хранения зерна или солений из белого фарфора. Лунно-белая глазурь, гравировка. Династия Цин, XVII–XX вв.

Fig. 2. Spherical vessel for storing grain or pickles made of white porcelain. Moon-white glaze, engraving. Qing Dynasty, XVII–XX cc.

В экспозиции НХМ РБ нет предметов из китайского фарфора, целиком покрытых черной глазурью, но имеется три художественных изделия, покрытых глазурью цвета чайного листа: сферическая ваза (предположительно периода Цяньлун), более древняя бутылка в форме тыквы из Цзиндэчжэня (период Канси) и огромная ваза, возраст которой неизвестен.

Кроме прекрасных монохромов в коллекции НХМ РБ имеются выдающиеся произведения, выполненные в техниках подглазурной и надглазурной росписи.

Подглазурная роспись возникла во времена династии Юань. Самой известной ее разновидностью является сине-белая (кобальтовая) роспись, появившаяся в эпоху правления династий Тан и Сун. Со времен династии Мин сине-белый фарфор стал основным продуктом производства в Цзиндэчжэне. В эпоху Канси династии Цин технология производства сине-белого фарфора достигла своего пика: кобальтовый фарфор использовался императорской семьей, популяризировался в народе и распространялся по всему миру. Исключительная популярность кобальтовой росписи объясняется свойствами кобальтовой краски: при накладывании ее толстым слоем можно получить разные оттенки синего цвета, с помощью которых удается создать монохромный рисунок высокой сложности.

В экспозиции НХМ РБ представлены 17 образцов изделий из сине-белого фарфора конца династии Мин – начала династии Цин, охватывающих период расцвета этой техники в эпохи Юнчжэн, Цяньлун и Цзяцин.

Одним из самых великолепно выполненных образцов кобальтового фарфора является шестигранная ваза цзун из Цзиндэчжэня периода Цяньлун (рис. 3). Подобные предметы можно увидеть во многих крупных музеях мира. Сосуды такой формы очень трудно обжигать: они легко трескаются на стыках граней, поэтому мастеру приходится следить за тем, чтобы толщина каждой стенки была одинаковой, а стыки плотно сшиты, что позволило бы избежать деформации готового изделия. Таким образом, цзун, представленный в НХМ РБ, является доказательством высокого уровня мастерства изготовления фарфора в китайских официальных печах в XVIII в. Ваза покрыта повторяющимся узором из десяти тысяч знаков, а также летучими мышами и древесными грибами. Шестигранный корпус сосуда расписан шестью видами цветов и фруктов: гранатом, хризантемами, хурмой, пионами, персиками и лотосами. Все нанесенные узоры содержат символы удачи и долголетия, изобилия детей и множества благословений, поэтому ваза является прекрасным образцом для изучения символики декора китайского фарфора.

Кобальтовой росписью украшена и находящаяся в экспозиции музея печать императора Ванли (1573–1620 гг.) в виде лежащего на животе дракона, выполненная в печах Цзиндэчжэня. На ее нижней части выгравированы время правления императора и слова: «Сокровища, осмотренные императором Ванли из династии Мин». Такая печать обычно использовалась, чтобы оставить оттиск на произведениях каллиграфии или живописи для демонстрации высокой оценки императора. Характер глазури (ее бледность и сероватый оттенок) подтверждает датировку произведения: это конец правления династии Мин, когда Китай находился в состоянии политического и экономического кризиса, отразившегося на художественном уровне производившегося фарфора.

В китайском фарфоре периода Цин весьма популярными становятся декоративные мотивы с изображением драконов и фениксов, которые представляли собой символы императорской власти, усиленно пропагандировавшиеся в это время. Коллекция НХМ РБ дает возможность увидеть разнообразные вариации в трактовке этих мифологических персонажей, эффектно представленных в технике надглазурной росписи.

Надглазурная роспись, возникшая во времена династии Мин, уступает подглазурной прочностью красочного слоя, но зато отличается большим разнообразием и яркостью цвета. В бело-

Рис. 3. Шестигранная ваза цзун. Фарфор мастерских Цзиндэчжэня, кобальтовая глазурь, роспись. Династия Цин, период Цяньлун (1736–1796 гг.)

Fig. 3. Hexagonal vase with cobalt painting Jingdezhen porcelain, cobalt glaze, painted. Qing Dynasty, Qianlong period (1736–1796)

русском музее эта техника представлена фарфоровыми изделиями, покрытыми росписью в стилях фэнцай, сусанцай, цзиньцай и доуцай.

Наиболее представлен в коллекции фарфор с росписью в стиле фэнцай (на Западе известный как «зеленое» или «розовое» семейство), который возник в конце эпохи Канси, а стандарты мастерства были формализованы в период Юнчжэн [5, с. 565]. К этой группе относится 20 предметов, в основном периодов Цзяцин, Даогуан и Гуансюй, среди которых чаши разных размеров, большой кувшин и табакерка. Разнообразие и мягкость цвета фэнцайского фарфора, его пастельный колорит выделяют эти произведения в постоянной экспозиции музея.

К розовому семейству относится табакерка с цветочной композицией на светло-зеленом фоне (рис. 4). Одна сторона сосуда оформлена замкнутым контуром (кайгуаном), который выделяет заключенные в нем изображения хризантем. Лепестки хризантем очерчены темными линиями и заполнены нежной фэнцайской глазурью разных цветов. На другой стороне флакона воспроизведено стихотворение, соответствующее мотиву росписи:

После обильного осеннего дождя
Мох стал ярко-зеленым.
Спрашиваю свои чувства –
Отправиться ли мне сегодня на Восток?
Не знаю.
Холодной ночью, под ветром,
Раскроюсь ветвью на дереве.

Имеются в коллекции и несколько изделий более раннего стиля сусанцай. В отличие от фэнцай, сусанцайский фарфор обычно сочетает резной декор с росписью полихромными глазурями. Этую разновидность фарфора в музее представляют несколько чаш периода Канси и Тунчжи и две тарелки с изображением драконов периода Цяньлун и Цзяцин.

Тарелка периода Цяньлун (рис. 5) имеет форму цветка, что часто встречается в китайской керамике. Декор тарелки отмечен символами императорской власти: желтым цветом фона и изображением драконов. Центральное место в композиции занимает крупный дракон, демонстрирующий свои зубы и когти, вокруг которого парят два меньших дракона, а промежутки между ними заполняют огненные мотивы.

Фарфор, в декоре которого используется золотистый цвет глазури, относится к технике цзиньцай. Такие изделия начали обжигать в Цзиндэчжэне в начале правления династии Мин

Рис. 4. Табакерка с цветочным узором.
Фарфор мастерских Цзиндэчжэня,
Фэнцай глазурь, роспись. Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1796 гг.)

Fig. 4. A snuffbox with a floral pattern.
Jingdezhen workshop porcelain, Fencai
glaze, painting. Qing Dynasty, Qianlong
period (1736–1796)

Рис. 5. Тарелка с зелеными драконами.
Фарфор мастерских Цзиндэчжэня,
Сусанцай глазурь, роспись. Династия Цин,
период Цяньлун (1736–1796 гг.)

Fig. 5. A plate with green dragons. Jingdezhen
workshop porcelain, Susancai glaze, painting.
Qing Dynasty, Qianlong period (1736–1796)

(період Хунву), технологія іх вироблення дасціла своєго піка при династії Цін в знаменітій печі Дін. В музеі імеється єдинственна позолоченна чашка з сіній глазурью періоду Гуансюй, виготовленна в техніці цзіньцай. Первоначально сосуд було покрито сіній глазурью, потім розписано золотом, при цьому на чотирьох гранях чаші сквозь позолоту виступає об'ємне слово «долголіття» з небольшим кількістюм цветочного декора синего цвета по периметру (рис. 6).

Посуда в стилі сусанцай і цзіньцай принадлежала різним класам імператорської знаті: фарфорові изделия з жовтим фоном відносилися до вищому класу знаті, позолочені з синім фоном – до середньому класу, а фіолетові з зеленим фоном – до низшому класу.

Техніка доуцай (в перекладі «борючіся краски») – це розпис, в якому зустрічаються (борються) підглазурна кобальтова і надглазурні поліхромні краски, в результаті чого рождається дуже яскраве, контрастне колористичне рішення. Доуцай-розпис з'явився в період Сюаньдэ династії Мін. В колекції белоруського музея він представляє тарілку періоду Канси з зображенням парячого в різноцветних облаках дракона (рис. 7). С зовнішньої сторони бока тарілки украслені не менш ефектно: летячими фениксами і драконами, які ходять за жемчужинами, об'ятими языками пламені і поривами ветра.

Выводы. По итогам изучения коллекции китайского фарфора из Национального художественного музея Республики Беларусь можно сделать вывод, что большая часть экспонируемых предметов относится к периодам Цяньлун и Цзяцин династии Цин. Это было время экономического процветания страны, развитой внешней торговли, активного экспорта китайского фарфора в Европу. Сочетание традиционных методов производства с заимствованиями европейских технологических инноваций позволило китайским керамистам на этом этапе создавать удивительно много разнообразных по форме и стилю декора высококачественных фарфоровых изделий, большое количество которых сохранилось в Китае и других странах до нашего времени.

С точки зрения происхождения большая часть фарфора в коллекции музея изготовлена в императорских печах в Цзинчжэне, а часть – в печах Лунцюань и Дэхуа. Фарфор из императорских печей предназначался исключительно для императорской семьи, поэтому продукция этих печей, представленная публике в НХМ РБ, очень изысканна как с технической, так и художественной точек зрения. Не менее впечатляющие селадоны из печей Лунцюань и белый фарфор из печей Дэхуа.

С точки зрения декоративных техник наиболее полно в музее представлен фарфор с росписью в стиле фэнцай, возникший как результат проникновения западных технологий (эмалевых пигментов и техники росписи эмалевыми красками) в традиционное китайское искусство. Расцвет фэнцайского фарфора пришелся на периоды Цяньлун и Цзяцин, когда он производился в огромных количествах, с широким спектром декоративных мотивов.

Второй по популярности в коллекции – фарфор с росписью кобальтом, отличающийся простыми цветовыми схемами, но при этом изысканностью и прихотливостью узоров. Будучи веками широко популярным во всем мире, именно он считается образцом традиционного китайского фарфора. Представленные в музейной экспозиции предметы с кобальтовой росписью позволяют

Рис. 6. Позолоченна чашка з синій глазурью. Цзіньцай глазурь, роспись. Династія Цін, період Гуансюй (1875–1908 гг.)

Fig. 6. Gold-plated cup with blue glaze. Jincai glaze, painting. Qing Dynasty, Guangxu period (1875–1908)

Рис. 7. Тарелка з зображенням драконів. Фарфор мастерських Цзіндэчжэна, Доуцай глазурь, роспись. Династія Цін, період Канси (1661–1722 гг.)

Fig. 7. A plate with a picture of dragons. Jingdezhen workshop porcelain, Docai glaze, painting. Qing Dynasty, Kangxi period (1661–1722)

проследить развитие этой техники почти на всем протяжении периода династии Цин. Сравнивая предметы эпохи Ванли, Канси, Юнчжэн, Цяньлун, Цзяцин и Даогуан, можно увидеть, как отличается кобальтовый фарфор разного времени по толщине черепка, белизне теста, цвету глазури и характеру росписи.

Таким образом, экспонируемая в Национальном художественном музее Республики Беларусь коллекция фарфора Китая дает общее представление о развитии китайского фарфора, разнообразии его форм и вариативности декора. Выставленные произведения радуют почитателей искусства высокой техникой исполнения и насыщенными, за много веков нисколько не поблекшими красками.

Список использованных источников

1. Крупенькова, В. Мэйд ин Чайна: выставка китайского фарфора / В. Крупенькова // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/meyd-in-chayna-vystavka-kitayskogo-farfora.html> (дата обращения: 05.07.2024).
2. Линь, С. История и художественно-технологические особенности китайского фарфора / С. Линь // Наука, образование, технологии в эпоху глобальной трансформации / А. Азимов, И. А. Ахмадуллина, О. Н. Биль [и др.]. – Петрозаводск, 2024. – С. 244–259. <https://doi.org/10.46916/07052024-1-978-5-00215-369-5>
3. Выставка «Керамика и фарфор Китая» // Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь. – URL: <http://art.museum.by/be/node/23755> (дата обращения: 28.06.2024).
4. 耿宝昌. 明清瓷器鉴定 / 耿宝昌. – 紫禁城出版社, 1993. – 522 p. = Гэн Баочан. Оценка фарфора эпохи Мин и Цин / Гэн Баочан. – Изд-во «Запретный город», 1993. – 522 с.
5. Дянь Чжун. Почему жертвенный фарфор такой красный – история Цзихун / Дянь Чжун // Новая молодёжь. – 2017. – С. 28–29 (на кит. яз.).
6. Сюэ Дунсин. Фарфор, покрытый белой глазурью лунного света, из печи Яочжоу / Сюэ Дунсин // Финансовая выставка. – 2023. – С. 70–73 (на кит. яз.)
7. 李理. 清朝帝后御用黄釉瓷及其纹饰 / 李理 // 沈阳故宫博物院院刊分辑目录. – 2021. – № 9. – Р. 138–142. = Ли Ли. Желтый глазурованный фарфор и его украшения для императоров и королев династии Цин / Ли Ли // Журнал Шенянского дворцового музея. – 2021. – № 9. – С. 138–142.
8. 茹民. 中国陶瓷史 / 茹民. – 生活·读书·新知三联书店, 2011. – 667 p. = Е Чэмин. История китайской керамики / Е Чэмин. – Пекин: Кн. магазин «Санлянь», 2011. – 667 с.

References

1. Krupen'kova V. Made in China: exhibition of Chinese porcelain. SB.BY. Available at: <https://www.sb.by/articles/meyd-in-chayna-vystavka-kitayskogo-farfora.html> (accessed 28.06.2024) (in Russian).
2. Lin Sinmej. The history and artistic and technological features of Chinese porcelain. *Science, education, and technology in the era of global transformation*. Petrozavodsk, 2024, pp. 244–259 (in Russian). <https://doi.org/10.46916/07052024-1-978-5-00215-369-5>
3. The exhibition “Ceramics and Porcelain of China”. *National Art Museum of the Republic of Belarus*. Available at: <http://art.museum.by/be/node/23755> (accessed 27.06.2024) (in Russian).
4. Geng Baochang. 明清瓷器鉴定 [Evaluation of porcelain of the Ming and Qing epoch]. Forbidden City Publishing House, 1993. 522 p. (in Chinese).
5. Dian Zhong. Why sacrificial porcelain is so red – the story of Jihong. *Novaya molodezh'* [New Youth], 2017, pp. 28–29 (in Chinese).
6. Xue Dongxing. Porcelain covered with white glaze of moonlight from the Yaozhou furnace. *Finansovaya vystavka* [Financial Exhibition], 2023, pp. 70–73 (in Chinese).
7. Li Li. Yellow glazed porcelain and its decorations for emperors and queens of the Qing Dynasty. 沈阳故宫博物院院刊分辑目录 [Journal of the Shenyang Palace Museum], 2021, no. 9, pp. 138–142 (in Chinese).
8. Ye Chemin. 中国陶瓷史 [The history of Chinese ceramics]. Beijing, Sanlian Bookstore Publishing, 2011. 667 p. (in Chinese).

Информация об авторе

Линь Синьмэй – аспирант. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 965579526@qq.com

Information about the author

Lin Xinmei – Postgraduate student. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus). E-mail: 965579526@qq.com

ЛІТАРАТУРА ЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3«18»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-315-324>

Паступіў у рэдакцыю 22.02.2024
Received 22.02.2024

П. Р. Кошман

Mazyrski дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна, Мазыр, Беларусь

**БЕЛАРУСКІ НАРАТЫЎ У АЛЬМАНАХУ «RUBON»:
АСАБЛІВАСЦІ СТАНАЎЛЕННЯ**

Аннотация. Альманах «Rubon», один из первых коллективных литературных проектов в истории Беларуси, издавался в 40-е гг. XIX ст. благодаря усилиям творческой элиты тогдашней Витебской губернии. Принадлежность к времени и месту, в которых зарождается нарратив белорусской самобытности, обуславливает необходимость изучения роли альманаха в освещении и концептуализации белорусской темы. Рассматриваются обстоятельства создания альманаха, отмечается, что инициатива издания обусловлена общими биографическими данными его авторов: их проживанием по соседству и вместе с тем принадлежностью к разным историко-культурным регионам – к северо-восточной части Беларуси и Инфлянтам. Программные тексты «Rubona» характеризуются как попытка объединить творческие силы провинции путем конструирования образа «Наддвинского края», выделения в нем природной доминанты – реки Двины, популяризации местного наследия, в том числе страниц полоцкой истории. Однако внешняя рецепция «Rubona» обнаруживает тенденцию отождествлять издание прежде всего с его этнокультурными компонентами и одновременно свидетельствует о популярности образа Беларуси. Показано влияние альманаха на актуализацию вопроса о самобытности культуры белорусского народа, выявлен вклад авторов «Rubona» в накопление и расширение знаний о Беларуси, формирование ее ценностного восприятия.

Ключевые слова: белорусский нарратив, образ Беларуси, альманах «Rubon», Двина, белорусская литература XIX века, К. Буйницкий, И. Храпович

Для цитирования: Кошман, П. Р. Беларускі наратыў у альманаху «Rubon»: асаблівасці станаўлення / П. Р. Кошман // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 315–324
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-315-324>

Pavel R. Koshman

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr, Belarus

THE BELARUSIAN NARRATIVE IN THE ALMANAC “RUBON”: FEATURES OF FORMATION

Abstract. The almanac “Rubon”, one of the first collective literary projects in Belarusian history, was published in the 40s of the XIX century, thanks to the efforts of the creative elite of the Vitebsk province of that time. Belonging to the time and place in which the narrative of the Belarusian landmark originates makes it necessary to study the role of the almanac in the promotion and conceptualization of the Belarusian theme. The article examines the circumstances of the creation of the almanac, notes the conditionality of the publication initiative by the biographical origins of its authors: their living in the neighborhood and at the same time belonging to different historical and cultural regions – the Northeastern part of Belarus and Inflanty. The program texts of Rubon are characterized as an attempt to unite the creative forces of the province through the construction of the image of the “Naddvinsky region”, highlighting the natural dominant in it – the Dvina River and popularization of local heritage, including the pages of Polotsk history. However, the external reception of “Rubon” reveals the tendency to identify the publication primarily with its ethnocultural components and at the same time testifies to the popularity of the image of Belarus. The article reveals the influence of the almanac on the actualization of the issue of the peculiarities of the culture of the Belarusian people, indicates the contribution of the authors of Rubon to the accumulation and expansion of knowledge about Belarus, the formation of its value perception.

Keywords: Belarusian narrative, image of Belarus, almanac “Rubon”, Dvina, Belarusian literature of the XIX century, K. Buinitsky, I. Khrapovitsky

For citation: Koshman P. R. The belarusian narrative in the almanac “Rubon”: features of formation. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 315–324 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-315-324>

Уводзіны. Станаўленне нацыянальнай літаратуры неразрыўна звязана з усведамленнем Беларусі, з прызнаннем яе тэрыторыі, гісторыі, культуры асновай творчага пазнання свету. Першыя паслядоўныя крокі ў гэтым кірунку былі зроблены ў 40-я гг. XIX ст. пісьменнікамі, якія дэклараўвалі сваю прыналежнасць да беларускага краю ці рэпрэзентавалі праз беларускую тэматыку частку свайго жыццёвага досведу. Гісторыкі адзначаюць: “Погляды і творы гэтага кола не заўсёды мелі выразны акрэслены нацыянальны змест, аднак у будучым яны стварылі адну з асноў нацыянальнай мастацкай культуры, якая служыла доказам патэнцыяльных магчымасцей развіцця беларускай мовы і саміх беларусаў” [1, с. 106].

З’яўленне вобраза Беларусі ў творах мясцовых аўтараў фактычна прадстаўляе пачатак таго аповеду пра сябе, які з часам прадвызначыў самастойнасць айчыннага мастацтва слова. Важнасць гэтага моманту для далейшага напаўнення літаратуры самабытным зместам абумоўлівае неабходнасць вывучэння тых фактав, якія знаходзіліся ля вытоку канструювання наратыву беларускай адметнасці. З гэтай прычыны лічым важным звярнуць увагу на альманах “Rubon”. Выданне пад такой назвай выходзіла з 1842 па 1849 г. і для свайго часу было адметнае тым, што ўсе яго дзесяць нумароў мэтанакіравана прадстаўлялі Віцебскую губерню, тэматыкай твораў ці біяграфій аўтараў былі звязаны з яе прасторай. На той час дадзеная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка адносілася да ліку беларускіх губерняў і фактычна з’яўлялася эпіцэнтрам зараджэння ідэі беларускасці. Прыналежнасць да гэтага ўнікальнага гісторыка-культурнага рэгіёна, дастаткова працяглая гісторыя існавання і засведчаны грамадскі рэзананс даюць падставы лічыць “Rubon” важнай крыніцай для разумення тых працэсаў, якія фарміравалі калектывунае бачанне Беларусі, вызначалі яе месца ў тагачаснай карціне свету.

Між тым альманах “Rubon” не адносіцца на сённяшні дзень да тых праяў літаратурнага жыцця XIX ст., якія знаходзяцца ў цэнтры ўвагі айчыннай навукі. У акадэмічнай гісторыі беларускай літаратуры “Rubon” вылучаецца сярод тагачасных выданняў толькі лаканічнай харкторыстыкай: “Адыграў пэўную ролю ў вывучэнні гісторыі, фальклору і этнографіі Паўночна-Усходняй Беларусі” [2, с. 114]. У сваю чаргу замежныя даследчыкі фіксуюць прысутнасць беларускага зместу ў выданні, але падаюць яго з пункту гледжання сваіх літаратурных традыцый: указываюць на прысутнасць беларускай тэмы на старонках польскамоўнага альманаха [3], разглядаюць “Rubon” у якасці прыкладу існавання беларуска-інфлянцкай школы польскай літаратуры [4] або беларускага ўплыву на польска-інфлянцкую літаратуру [5]. Сярод дадзеных меркаванняў аднак адсутнічае ацэнка “Rubonu” як факта гістарычнага развіцця менавіта беларускай літаратуры, разумення выдання як новага для творчай дзейнасці мясцовых аўтараў фармату, у якім адбіліся якасныя змены ва ўспрыманні імі свайго краю і наогул у іх самаідэнтыфікацыі. Мэта дадзенага артыкула – вызначэнне асаблівасцей рэпрэзентацыі беларускай адметнасці ў публікацыях “Rubonu” і іх літаратуразнаўчай рэцэпцыі як працэсу, які выяўляе першапачатковы этап станаўлення светапгляднай асновы беларускай літаратуры. Даследаванне грунтуецца на прымяненні культурна-гістарычнага і парынальнага тыпалагічнага метадаў.

Асноўная частка. Узнікненне альманаха “Rubon” бачыцца заканамерным выяўленнем таго культурнага ўзdyму, які абазначыўся на Віцебшчыне, фактычна на гістарычных землях Полацкага княства, у канцы 30 – пачатку 40-х гг. XIX ст. Выданне знаходзіцца ў адным шэрагу з іншымі артэфактамі, якія выяўляюць наяўнасць у мясцовым грамадстве патрэбы ў прызнанні значнасці свайго краю, жадання праз прыналежнасць да яго прадэманстраваць уласную самадастатковасць. Менавіта ў цеснай прывязцы да паўночна-ўсходніх часткі нашай краіны назва *Беларусь* уваходзіла ва ўжытак тагачаснай літаратуры, замацоўваючы ў ёй беларускі фармат выяўлення патрэбы мясцовага грамадства ў ідэнтычнасці. Вобраз краю, адзначаны запамінальным, гістарычна значным іменем, настройваў на ўспрыманне адметнасці, спрыяў разгортванню ў літаратуры сістэмы тэкстаў, якія паширалі ўяўленне пра беларускасць, надавалі ёй пазнавальнія каштоўнасці харкторыстыкі. Для айчыннай гісторыі гэта важна тым, што аповеды тутэйшых аўтараў пра сваю радзіму закладвалі асновы наратыву беларускай ідэнтычнасці, замацоўвалі назыву *Беларусь* і вытворныя ад яе словаў-ідэнтыфікатары ў публічнай прасторы. Абазначаная праз іх беларускасць, як відаць, служыла для саміх пісьменнікаў важнай часткай іх самаўсведамлення, указвала на той жыццёвы досвед, які мог патлумачыць сэнс твора, а таму

нярэдка займала месца на вокладцы. Паказальна ў гэтым плане назва “Вершаваныя творы трох братоў, Валяр'яна, Клеменса, Юльяна Грымалоўскіх, беларусаў”, якая аб'ядноўвала тры тамы паэтычнага зборніка, выдадзенага ў 1837 г. ураджэнцамі Дрысенскага павета. Таксама выразную рэпрэзентатыўную функцыю мелі назвы этапных для гісторыі беларускай літаратуры твораў: аповесці Я. Баршчэўскага “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях” і адмыслова напісанага да яе нарыса Р. Падбярэскага “Беларусь і Ян Баршчэўскі”, якія з'яўліся ў 1844 г.

Адзначаныя творы прадстаўляюць не проста літаратурны кантэкст, у якім адбываўся выхад “Rubonu”, а непасрэдна тое асяроддзе, якое вызначала і ўплывала на змест выдання. Браты Грымалоўскія былі ініцыятарамі альманаха і яго першымі аўтарамі, на старонках альманаха выйшла частка аповесці Я. Баршчэўскага “Драўляны Дзядок”, а Р. Падбярэскі ў згаданым артыкуле выступаў папулярызатаром выдання і ставіў у заслугу рэдактару К. Буйніцкаму, што “яго галоўнай думкай было заваяваць для свайго краю тое добрае імя, якім ён дагэтуль, у літаратурных адносінах не ганарыўся ў параўнанні з іншымі нашымі правінцыямі” [6, с. 60]. Аднак калі гаварыць пра канкрэтнае імя краю, пра ту ю назуву, у адносінах да якой дзейнічаюць механізмы атаясамлівання, то ў адрозненне ад пералічаных выданняў беларускасць на тытульным лісце альманаха не была абазначана і наогул ніяк афіцыйна, ад імя выдаўцоў, не прамаўлялася.

Відавочна, што беларускасць не столькі ігнаравалася выданнем, колькі не ўкладвалася ў яго першапачатковую задуму, арыентаваную на рэпрэзентацыю цэласнага вобраза Віцебскай правінцыі. Як вынікае з вядомых фактав і публікацыйнай актыўнасці ў першых нумарах альманаха, ядро выдавецкай ініцыятывы складала група шляхціцаў, якія жылі недалёка адзін ад аднаго, але ў адчужвальні адрозных у этнакультурным плане ўмовах, там, дзе тэрыторыя з беларускім насельніцтвам суседнічала з так званымі Інфлянтамі – Дынабургскім, Рэжыцкім і Люцынскім паветамі, заселенымі латышамі. Блізкае пражыванне стварала будучым аўтарам “Rubonu” неабходныя ўмовы для таго, каб наладжваць сувязі, знаходзіць аднадумцаў, абмяркоўваць планы. Арганізацыйны працэс у сваю чаргу ўплываў на ўспрыманне акаляючай лакальнай прасторы, вылучаў на першы план у яе вобліку тое, што было агульным для ўсіх творцаў, і да часу дазваляў не ўлічваць, па які бок этнакультурнай мяжы знаходзіўся іх родны дом. Сумесная праца над падрыхтоўкай рэгіянальнага выдання садзейнічала таму, каб біяграфічная тэрыторыя аўтарскага калектыву “Rubonu”, якая ўключала вёскі і мястэчкі Дрысенскага (браты Грымалоўскія, І. Храпавіцкі), Дынабургскага (К. Буйніцкі, А. Плятэр) і Рэжыцкага паветаў (М. Борх), асэнсоўвалася як адзіны вобраз. Цэласнасць вобраза рэгіёна адпавядала ідэі кансалідацыі мясцовых творчых сіл дзеля служэння краю, якую дэмантравалі сваёй дзейнасцю самі ініцыятары “Rubonu” і да якой заклікалі ў праграмных тэкстах. У атмасферы яднання, якая вызначала момант рэалізацыі праекта выдання, этнакультурная разнастайнасць тутэйших мясцін не бачылася значнай тэмай, а магчымае абазначэнне беларускага кірунку выдання, як, дарэчы, і інфлянцкага, парушала б пасытэт паміж суседзямі.

Ініцыятары “Rubonu” пазіцыянувалі альманах як асветніцкі праект рэгіянальнага прызначэння. Дбаючы пра духоўнае развіццё свайго краю, выданне зыходзіла з неабходнасці падтрымкі мясцовых творчых сіл, прызнавала публікацыю іх твораў прыярытэтным кірункам сваёй дзейнасці. “Гэтае выданне ў сваёй задуме ёсьць збор працы невялікай колькасці людзей амаль з адной толькі правінцыі, так бы мовіць, вянок самародных кветак, сарваных на берагах Дзвіны”, – такая характарыстыка выданню давалася ў прадмове да яго першага тома [7, с. VI]. Аўтар гэтых слоў, выдавец і рэдактар альманаха К. Буйніцкі, тут жа акрэсліваў і мэтавую аўдыторыю “Rubonu”: жыхароў наддзвінскага краю, для якіх лічыў важным даць “карысныя забаўкі” і сярод якіх спадзяваўся адкрыць маладыя таленты.

Прыкладам для стварэння “Rubonu” паслужыў папулярны часопіс “Athenaeum”, які годам раней пачаў выдавацца ў Вільні. У згаданай прадмове К. Буйніцкі адзначаў ролю віленскага выдання ў абуджэнні творчых сіл і сціпла прызнаваўся, што “Rubon” мае меншыя магчымасці, паколькі прадстаўляе меншы геаграфічны аблік. Але факт выдання рэгіянальнага альманаха і яго самапрэзентацыі ў тагачасным літаратурным кантэксце сведчыць, што арганізаторы праекта не сумніваліся ў культурнай вартасці сваёй малой радзімы і яе талентах. Іх выдавецкая ініцыятыва выразна абазначала прысутнасць у тагачаснай культурнай прасторы моцнай мясцовой традыцыі, здольнай да самаарганізацыі.

Альманаху і той аўдыторыі, на якую ён быў разлічаны, патрэбны былі вобразы, якія надавалі сэнс іх супольнай працы, былі аднолькава важнымі для ўсіх жыхароў рэгіёна. У прадмове прыналежнасць да агульнай прасторы абазначалася на двух узроўнях. К. Буйніцкі, гаворачы пра развіццё літаратуры “ў нашым краі”, меў на ўвазе, як відаць з прыведзенага аўтарам у якасці прыкладу віленскага часопіса “Athenaeum”, абшары былога Вялікага Княства Літоўскага. У сваю чаргу “Rubon” прадстаўляў найперш сваю правінцыю. Выдавец альманаха выступаў ад імя “наддзвінскай краіны”, а мясцовых літаратаў называў “наддзвінцамі”. Гэтая прастора ў цэлым адпавядала тагачаснай Віцебскай губерні, у склад якой уваходзілі паветы са славянскім і балцкім насельніцтвам. Наяўнасць такой адміністрацыйнай адзінкі ў многім вызначала кірункі кансалідацыі рэгіянальнай творчай эліты і, урэшце, упłyvala на тое, якой ёй бачылася родная мясцовасць. Аднак на старонках “Rubonu” згадкі менавіта пра губерню фактычна адсутнічалі. Адзінае выключэнне – артыкул “Rzut oka na rolnictwo i przemysł w Gubernii Witebskiej” – бадай што павярджае правіла, бо асвятляў рэдкую для выдання тэму, звязаную са статыстычнымі данымі. Відавочна, што сэнс паняцця “губерня” быў занадта афіцыйным, каб адпавядаць той непасрэднасці, з якой аўтары “Rubonu” дэкларавалі свой клопат пра родны край, а таму не падыходзіў стылістична канцэпцыі альманаха.

Пазнавальнасць альманаха выбудоўвалася з дапамогай вобраза галоўнай ракі Віцебскага краю – Дзвіны. На аснове гэтай самай пазнавальнай адзнакі мясцовага ландшафту, плынъ якой спрадвеку звязвала беларускія і інфлянцкія землі, грунтаваўся згаданы ў прадмове вобраз “наддзвінскай краіны”. Адсылка да Дзвіны дакладна акрэслівала абшар таго краю, які тутэйшыя пісьменнікі прызнавалі сваім, канструявала яго цэласны геаграфічны вобраз і, пры неабходнасці, перамяшчалася ў сферу гісторыі. Так, аўтар нарыса пра знакамітую манахіню-княгіню Ефрасінню, паэтычна расказваючы, як квітнела “ў малым полацкім кутку, новая ружа Сарону – наддзвінская ружа, Прадслава, дачка Георгія Усяславіча” [8, с. 8], па сутнасці, выкарыстоўваў азначэнне “наддзвінскі”, каб пашырыць славу герайні з гістарычнага полацкага ў актуальны рэгіянальны кантэкст. Сітуацыя, калі яркія старонкі полацкай гісторыі праз прывязку да галоўнай ракі краю нязмушана звязваліся ў адзінны сюжэт з інфлянцкім мінульым, сустракаеца і ў іншых публікацыях “Rubonu”. У нарысе “Аб старажытных камянях з надпісамі” А. Плятэр настойваў на версіі, што раскіданыя па рэчышчы Дзвіны камяні са старажытнымі надпісамі абазначаюць шлях, якім набожны князь Барыс дастаўляў з Інфлянтаў матэрыялы для будаўніцтва храмаў у Полацку. У сваю чаргу ў фантазіі “Герцыкі” М. Борха рака паэтычна “шаптала” імя Гарыславы-Рагнеды, полацкай княгіні, якая, як вынікала з аўтарскіх каментарыяў, апошнія гады свайго жыцця пражыла ў горадзе, “адмысловы для таго збудаванага на Дзвіне” [9, с. 73], там, дзе “палац і мястэчка Краслаў графа Плятэра ў Дынабургскім павеце” [9, с. 74].

Этымалогія назвы “Rubon” таксама падводзілася пад рэгіянальную спецыфіку выдання. Змешчаны ў першым нумары альманаха артыкул “Пра паходжанне слова Рубо (або Рубон), на дадзеным старажытнымі Дзвіне” А. Плятэра тлумачыў, што ў даўнія часы славяне з дапамогай гэтага імя абазначылі мяжу свайго расселення. Такое азначэнне першапачатковага сэнсу Рубона ўказвае на разуменне памежжа як адну з важных характарыстык, вылучаных ініцыятарамі альманаха ў абліччы свайго рэгіёна. У такім кантэксьце альманах “Rubon” набываў значэнне своеасаблівага памежнага знака, які абазначаў прастору актыўных камунікацый, культурнага ўзаемадзеяння.

Старажытная назва ракі задавала кірунак на вымярэнне мінулага краю. Імя “Rubon”, вынесене на вокладку выдання, уводзіла наддзвінскі край у сусветны гістарычны кантэкст, які валодаў універсальнай значнасцю як для беларускай, так і інфлянцкай частак рэгіёна. Артыкулы альманаха, паказваючы прысутнасць Дзвіны-Рубона ў працах антычных гісторыкаў, скандынаўскіх сагах, напаўнялі воблік тутэйшага краю рысамі прэстыжнасці. Адкрыццё легендарнага мінулага, бяспрэчна, прыцягвала цікавасць мясцовай чытацкай аўдыторыі, стварала падставы для калектыўнага гонару.

Эмацыянальна засвоены, прыняты, дзякуючы багатаму і даўняму мінуламу, вобраз роднай ракі ствараў аснову таго неабыкавага стаўлення, на якое разлічвалі ініцыятары альманаха, звязаючы ўвагу ўжо на надзённыя праблемы свайго рэгіёна. Іх у грамадскую павестку ўводзіў

верш I. Храпавіцкага “Дзвіна”. Гэты праграмны тэкст, адкрываючы аўтарскую частку першага нумара, праводзіў прямую сувязь паміж важнымі статусамі “старога Рубона”, яго значнасцю ў лёсе краю, і выданнем, якое, прымаючы легендарнае для роднай зямлі імя, ускладала на сябе і місію па служэнню ёй. Прыроднае прызначэнне ракі – жывіць вільгацію глебу, дбаць пра яе ўрадлівасць – паэт пашыраў на сферу грамадства. У вершы рака Рубон паўставала жывой істотай, якая клапоціцца пра тутэйшы люд, перажывае за яго лёс. Паэтычныя радкі, у якіх яна адкрывае свае багацці для творчых сіл, запрашае: “Піце натхненне і моц з маіх нетраў узнятых” [10, с. 275], выразна прасочваючы пераемнасць вобраза Рубона як вызначальнага элемента мясцо-вага ландшафту, з альманахам, клюпам якога стала духоўнае развіццё рэгіёна.

Верш I. Храпавіцкага выяўляе ўласцівасць літаратурнага твора пераўтвараць атрыбуты ака-ляючага асяроддзя ў канцепты калектыўнай карціны свету. Паэтычнае ўласабленне Дзвіны ў вобразе *genius loci* – духа-апекуна месца – нясе адзнакі міфалагізацыі вобраза радзімы, стварэння яе сімвалічнай геаграфіі. Рацэ адводзіцца важная роля ў дэманстрацыі шырокага бачання сваёй зямлі. Звыклы, вядомы мясцовым чытачам з паўсядзённага жыцця вобраз надзяляеца сілай паэтычнага слова знакавасцю, якая ў свою чаргу напаўняе сэнсам воблік усяго наддзвінскага краю. У той момант, калі Рубон заклікае ўдыхнуць у наваколле жыццё, агучваеца супольная мэта тутэйшага грамадства, ідэя, якая вызначае яго адзінства і адметнасць.

Праграмныя задачы выдання, знаходзячы выяўленне ў вершы “Дзвіна”, прадвызначылі вобразнае афармленне дадзенага твора. Рака падаеца канстантай гістарычнага быцця краю і яго своеасаблівым летапісцам:

Przed laty krwawe luny barwiły me tonie,
Pożar zamków inłanckich i sioł ruskich dzieci,
A teraz cichy xięźyc spokojnie w nich świeci,
I zadumane gwiazdy kąpią się w mem łonie [11, с. 2].

Радкі, дзе згадваючы інфлянцкія замкі і рускія сёлы, удакладняючы абсягі той прасторы, якую прадстаўляў верш I. Храпавіцкага. Як і прадмове да альманаха, беларускія і інфлянцкія землі разглядаючы тут разам, маючы парытэт у канструяванні цэласнага вобраза наддзвінскага краю, выяўляючы важную для канцепцыі Рубона ідэю агульнасці гістарычнага лёсу правінцыі. Аднак па-за кантэкстам той творчай суполкі, якая рэалізоўвала праект рэгіянальнага выдання, неабходнасць у дэманстрацыі лакальнага славянска-балцкага ўзаемадзеяння не заўсёды заставалася відавочнай.

Рэцэпцыя верша I. Храпавіцкага выяўляе прыклады яго ўключэння ў літаратурныя наратывы суседніх народаў і выкарыстання для презентацыі толькі аднаго з двух першапачатковых згаданых этнічных кампанентаў. Так, у гісторыка-геаграфічнай абсягі свету беларусаў прастора “старога Рубона” ўвайшла дзякуючы перакладам. У. Дубоўка, зыходзячы з абставін ужо свайго часу, пры стварэнні беларускамоўнай версіі верша “Дзвіна” палічыў патрэбным адысці ад арыгінала і адмовіцца ад указанай у ім дакладнай лакацыі. Польскамоўныя вобразныя шэраг “zamków inłanckich i sioł ruskich” беларускі паэт-перакладчык перадаў без указання тэрытарыяльнай прыналежнасці:

Войны былі тут, крывей берагі аплывалі,
Замкі і вёскі знікалі ў пажарах і дыме... [10, с. 275].

Сітуацыя з прызнаннем геаграфічных каардынат у вершы “Дзвіна” неабавязковымі паўтара-еца і ў перакладзе, зробленым В. Шніпам:

Мінулыя гады барвянілі мне тоні
Пажарам замкаў, сёл – і дым разносіў вецер... [12, с. 165].

Дапушчаныя ў абодвух перакладах пропускі выглядаючы сродкам адаптациі арыгінальнага тэксту для беларускага ўспрымання. Без тапанімічнага ўдакладнення і ў беларускамоўным фармаце ўсе іншыя элементы зместу верша I. Храпавіцкага – Дзвіна, пануры пейзаж, бедны селянін, вайна і няўдзячны лёс – адпавядаючы таму кананічнаму вобразу Беларусі, які склаўся ў айчынным мастацтве слова.

Адзначым, што прачытанне верша “Дзвіна” і адпаведна разуменне канцэпцыі “Rubonu” з улікам нацыянальных наратываў уласціва не толькі беларускаму дыскурсу, але і іншым літаратурам, якія звязваюць сваю спадчыну з наддзвінскай правінцыяй. Напрыклад, польскі літаратуразнавец К. Заяс (Krzysztof Zajas) атаясамлівае рэгіяналізм “Rubonu” толькі з Інфлянтамі і, адпаведна, вылучае ў яго ініцыятыве дзве праграмныя задачы: “абароны інфлянцкай польскасці і захавання асобнасці Польскіх Інфлянтаў” [13, с. 225]. Свае развагі даследчык пацвярджае вершам I. Храпавіцкага, у прыватнасці, у якасці доказу гістарычнай ідэнтыфікацыі альманаха прыводзіць вобраз “zamków iñlantskich” [13, с. 226], але пры гэтым цалкам ігнаруе яго суседства ў паэтычным радку з вобразам “sioł ruskich”.

Выбарацны падыход пры спасціжэнні культурнай асновы “Rubonu” прайвіўся яшчэ ў XIX ст. Паказальна, што першыя водзівы на альманах аднолькава станоўча ацэнвалі дэбютны нумар рэгіянальнага выдання, але па-рознаму вызначалі яго лакалізацыю. Карэспандэнт “Biblioteki Warzawckiej”, звяртаючыся да зместу верша I. Храпавіцкага, расказваў пра раку, якая “акрапляе інфлянцкія лугі, жадаючы натхніць тутэйшую моладзь энтузіязмам да паэзіі і навукі” [14, с. 627]. У сваю чаргу вядомы пісьменнік Ю. Крашэўскі ў “Tygodnicu Petersburgskim” вітаў выхад зборніка, разлічанага на “маладых пісьменнікаў з беларускіх правінцый” [15, с. 4], і заахвочваў К. Буйніцкага да таго, каб ён, працягваючы пачатую справу, “адкрыў нам ту ю terra incognita, органам якой лічыцца “Rubon”, і якую мы ведаём так мала, што можам сказаць, што амаль не ведаём” [15, с. 5]. Абодва водзівы не акцэнтавалі ўвагі на такой важнай для ініцыятараў выдання характарыстыцы іх рэгіёна, як суседства беларускіх і інфлянцкіх зямель. Публікацыя з “Biblioteki Warzawckiej”, падпісаная крыптанімам *M. B.*, звужала прастору альманаха толькі да Інфлянтаў, адлюстроўваючы, магчыма, сімпаты аўтара да гэтага краю. У сваю чаргу Ю. Крашэўскі прымяняў найменне Белая Русь шырока, называючы яе даўнімі жыхарамі герояў твора К. Буйніцкага “Запіскі ксяндза Іярдана, езуіта”, якія, насамрэч, па паходжанню былі латышамі.

Канцэпцыя “Rubonu” вылучыла вобраз наддзвінскай правінцыі, унікальнасць якой трymалася на спалучэнні Інфлянтаў і Беларусі. Аднак старонняя ацэнка прыналежнасці альманаха нярэдка зыходзіла не столькі з дакладнага вызначэння той прасторы, якой апекаваліся стваральнікі выдання, колькі з выбару аднаго з найбольш блізкіх да яе фарматаў апісання. У святле гэтага своеасаблівага спаборніцтва выразным паказчыкам запатрабаванасці беларускага наратыву бачыцца прасочванне на працягу XIX ст. практикі беларускай ідэнтыфікацыі альманаха. Ю. Крашэўскі не быў самотным у атаясамліванні “Rubonu” з Беларуссю. Альманах віталі ў статусе “чыста беларускага калектыўнага часопіса” [16, с. 11], адносілі яго выдаўца К. Буйніцкага да ліку прадстаўнікоў польска-беларускай літаратуры [17, с. 93], адзначалі, што ён “дастаткова дакладна малюе жыццё беларускага народа” [18, с. 864].

Гэтыя ацэнкі “Rubonu” адлюстроўваюць своеасаблівую геаграфічную экспансію Беларусі, ту ю асаблівасць тагачаснага ўжывання яе назвы, калі яна пры неабходнасці магла пашырацца ў цэлым на ўсю тэрыторыю, акрэсленую межамі Віцебскай і Магілёўскай губерняў. У такім усپрыманні Беларусь азначала тэрытарыяльную адзінку, якая ўключае ў тым ліку і Інфлянты, і, як вынік, была больш вядомай. Юзаф Плятар, адзін з інфлянцкіх аўтараў альманаха, у артыкуле “Погляд на Інфлянты” пачынаў знаёмства са сваім краем менавіта з канстатацыі яго сувязі з Беларуссю. У яго творы згадка пра Беларусь выконвала функцыю своеасаблівага ўступу да прадмета размовы, удакладняла месцазнаходжанне Інфлянтаў, якія акцэнтавана называліся “малой правінцыяй” і “невялікай краінай, для многіх невядомай” [19, с. 49]. Дадзеная вызначэнні фактычна выяўлялі іерархічную сувязь паміж рэгіёнамі. Сам аўтар у пэўнай ступені аргументуюў правамоцнасць такога стану рэчаў, праводзячы аналогію з суседнім правінцыям: “Чым ёсць Жмуздз для Літвы, тым жа ёсць Інфлянты для Беларусі, нават таксама з трох паветаў складзены” [19, с. 49–50].

Пашыранае выкарыстанне адлюстроўвае той момант, калі азначэнне “беларуская” не заўсёды абазначала этнакультурную адметнасць. Так, прыведзеныя вышэй вызначэнні К. Буйніцкага беларускім пісьменнікам могуць быць слушнымі толькі з пункту гледжання яго пражывання на тэрыторыі беларускіх правінцый. Іншыя ацэнкі даюць падставы сумнявацца ў тым, што твор-часць і дзейнасць рэдактара альманаха прадстаўляюць беларускую культуру, адлюстроўваюць

яе традыцыі. Даследчыкамі найперш прызнаеца ўклад выдаўца “Rubonu” ў літаратурнае адкрыццё тэмы Інфлянтаў: “Найважнейшай пісьменніцкай задачай для Буйніцкага быў пастулат рэгіяналізму – ніхто да яго, што ён, бяспрэчна, усведамляў, ніколі не казаў пра Інфлянты мовай белетрыста, мала хто з пісьменнікаў цягнуўся да мінлага гэтага краю, каб ажывіць і адрадзіць даўні дух польскай шляхты” [4, с. 571–572]. Гэтае выказванне пацвярджаеца зместам альманаха, дзе аўтарства большасці старонак, прысвячаных Інфлянтам, належыць менавіта выдаўцу. Так, значнае месца ў кожным нумары было адведзена на аповесць “Запіскі ксяндза Іярдана, езуіта”, публікацыя якога, як відаць, вызначала асабістую прычыну зацікаўленасці К. Буйніцкага ў існаванні альманаха.

У сваю чаргу тэматыка твораў тых аўтараў “Rubonu”, якія паходзілі з Беларусі, далёка не заўсёды мела прывязку да радзімы. Польская даследчыца Д. Самборска-Кукуч (Dorota Samborska-Kukuc) прыводзіц звесткі, паводле якіх у “Rubonie” латвійскую частку правінцыі прадстаўлялі 7 аўтараў, а беларускія абшары – 12 [4, с. 577–578]. Нашы падлікі даюць яшчэ большую колькасць: усяго на старонках альманаха зафіксаваны 18 прозвішчаў аўтараў, якія паходзілі з беларускіх мясцін (Баршчэўскі Ян, Буйніцкі Нестар, Выжыцкі Юзаф Геральд, Гаждзіцкі Вінцэнт, Газдава-Рэут Вінцэнт, Гласко Людвік, Грот-Спасоўскі Аляксандар, Грымалоўскі Валерыян, Грымалоўскі Клеменс, Грымалоўскі Юліян, Кіркор Адам, Лада-Заблоцкі Тадэвуш, Марцінкевіч Геранім, Мучлер Юліуш, Ходзька Ян, Храпавіцкі Ігнат, Ціханавецкі Ігнат, Чачот Ян).

Аднак колькасная перавага творцаў з беларускага боку не сказалася на колькасным напаўненні альманаха беларускай тэмай. Акцэнтаваная ўвага да яе праяўляеца ў параўнальна неўялікай колькасці публікацый “Rubonu”, сярод якіх балады А. Грозы, Т. Лады-Заблоцкага, нізка беларускіх народных песен і артыкул I. Храпавіцкага “Погляд на паэзію беларускага люду”. Адзначанае разыходжанне паміж беларускім прадстаўніцтвам у аўтарах і тэкстах можа быць растлумачана рэдактарскай палітыкай альманаха. Прынамсі, адборам матэрыялаў для выдання зімаўся К. Буйніцкі, які клапаціўся найперш пра родныя Інфлянты. Больш таго, выдавец альманаха адзначыўся на яго старонках крытычнымі выказваннямі ў адносінах да праяў беларускасці. Так, у негатыўнай танальнасці вытрымана ацэнка, дадзеная К. Буйніцкім харектару беларуса. Вылучаючы сярод насельніцтва сваёй малой радзімы прадстаўнікоў беларускага этнасу, ён тлумачыў іх адметнасць “мешанінай” рыс латышоў і расіян. Пры гэтым пісьменнік выказваў шкадаванне, што беларус ад сваіх абодвух суседзяў “больш нацягаў злых, чым добрых схільнасцей” [20, с. 249]. Даследчыкі звяртаюць таксама ўвагу на тыя факты, што выдавец альманаха не спяшаўся публікацыя праку па беларускаму фальклору I. Храпавіцкага і скептычна ацэньваў вартасці беларускай мовы. Каментуючы публікацыю беларускіх народных песен, К. Буйніцкі выказваў сумненні ў іх прыдатнасці да музыкальнага выканання ў панскіх пакоях, бо “ў мелодыі беларускага дыялекту ёсьць элементы, што няміла кранаюць вуха” [21, с. 163].

У змесце альманаха знайшоў адбітак і іншы пункт гледжання. Паказальна, на наш погляд, што статус беларускай мовы ў адным і тым жа нумары і ў адносінах да адных і тых жа беларускіх народных песен вызначаўся па-рознаму. Калі К. Буйніцкі называў яе “дыялектам”, то I. Храпавіцкі, тлумачачы слова “lulinka”, адзначаў, што гэта “kołyska w języku białoruskim” [21, с. 160]. Своеасаблівую завочную палеміку з рэдактарам альманаха нагадвае таксама каментарый I. Храпавіцкага да артыкула “Погляд на паэзію беларускага люду”, дзе ён папярэджвае чытача, што без ведання асаблівасцей беларускага вымаўлення “нельга зразумець гармонію верша ў песнях нашага люду” [22, с. 78].

Тое, што беларуская тэма, не маючы падтрымкі рэдактара, усё ж трапіла на старонкі альманаха, указвае на зацікаўленасць у ёй з боку мясцовага грамадства. Выдавец “Rubonu” ў сваёй дзейнасці не мог ігнараваць таго, што значная колькасць аўтараў і падпісчыкаў альманаха пра жывала на беларускай зямлі і, відавочна, мела сімпатыі да гэтага краю і яго людзей. Калі свой галоўны твор “Запіскі ксяндза Іярдана, езуіта” К. Буйніцкі аздобіў прысвячэннем: “Май землякам, жыхарам даўняга Інфлянцкага княства” [23, с. 143], то ў матэрыяльным забеспячэнні выхаду альманаха разлічваў ужо на больш шырокую аўдыторию, прызнаючы, што гэтае справа за лежыць “найболыш ад беларускага абывацеля” [24, с. X]. Абазначаная тэрытарыяльная прыналежнасць указвае на асноўную катэгорыю чытачоў “Rubonu”, сведчыць пра далучанасць жыха-

роў беларускага краю да мясцовага культурнага жыцця. Многія з іх успрымалі Беларусь у прымым сэнсе сваёй роднай правінцыяй і цанілі яе літаратурны вобраз за магчымасць убачыць у ім уласнае жыццёвае асяроддзе.

Заканамерная ўвага да прасторы свайго жыцця фарміравала ў мясцовай адукаванай публікі патрэбу ў абгрунтаванні беларускай рэгіянальнай адметнасці, у пацвярджэнні правамоцнасці вылучэння вобраза Беларусі ў тагачаснай карціне свету. Асноўнай крыніцай звестак, неабходных для канструйвання беларускага наратыву, у “Rubonie” выступала традыцыйная этнічнае культура. Упершыню на старонках альманаха Беларусь з’яўлялася таксама ў фальклорным антуражы. Дэбютны нумар альманаха змяшчаў пээму А. Грозы “Марына”, якая ўяўляла сабой кампіляцыю казачных сюжэтаў і народных звычаяў і мэтанакіравана інфармавала чытача пра сваё беларускае паходжанне. Падзагаловак “Powiastka białoruska”, вылучаныя курсівам беларускія слова ў тэксле, іх тлумачэнні – усе гэтыя элементы служылі своеасаблівым індыкатарам прыналежнасці твора да свету Беларусі, выглядалі ключом да яе спасціжэння. У 2-м нумары альманаха азначэнне “беларускі” выкарыстоўвалася як удакладненне да народнай прыказкі “Багаты дзівіцца, чым бядак жывіцца”, а ў 3-м – да тэкстаў народных песен і іх перакладаў на польскую мову.

Характэрна, што гэтыя і наступныя публікацыі на беларускую тэму, звязаныя фальклорным зместам, суправаджаліся ўнутранымі спасылкамі. Іх аўтары і каментатары раз-пораз згадвалі беларускія матэрыялы з папярэдніх нумароў альманаха, што з’яўлялася, як відаць, часткай палітыкі папулярызацыі выдання, але разам з тым надавала рэпрэзэнтацыі Беларусі цэласнасць, сістэмнасць, стварала вакол яе вобраза важны даследчыцкі кантэкст. Так, публікацыя народных песен у 3-м томе “Rubonu” стала падставай для таго, каб згадаць “Песні сялянскія з-над Нёмана і Дзвіны” Я. Чачота і пээму “Марына” А. Грозы, паказаць прыхільныя водгукі на твор апошняга М. Грабоўскага і Ю. Крашэўскага, прадэмантраваць пераклады з беларускай мовы К. Буйніцкага, І. Храпавіцкага і Г. Марцінкевіча.

Публікацыі “Rubonu”, прысвячаныя народнай творчасці, фактычна працавалі на назапашванне ведаў пра Беларусь. Аўтары альманаха А. Грода, І. Храпавіцкі, Т. Лада-Заблоцкі пашыралі свой прыватны досвед знаёмства з абрацімі і пээзіяй тутэйшага насељніцтва да агульнабеларускага ўзроўню, без сумнення адносілі лакальныя факты мясцовай культуры да ўсёй Беларусі. Навуковае і творчае спасціжэнне фальклору яны разглядалі як працу на карысць беларускага краю, бачылі ў вуснай творчасці беларусаў вартасці, якія не ўступалі культурным традыцыям суседніх народаў. Так, Т. Лада-Заблоцкі пераконваў сваіх землякоў звярнуць увагу на беларускія народныя песні, запэўніваў, што “калі будуць сабраныя гэтыя матэрыялы, дык беларуская пээзія будзе мець сваю ўласцівую адзнаку і здольная будзе абудзіць такую ж самую цікавасць і прывабнасць, як польская ці літоўская” [25, с. 150].

Рэгіянальная канцепцыя альманаха садзейнічала актыўізацыі творчага ўспрымання беларускай рэчаіснасці, прадстаўляла прыклады паспяховага паэтычнага засваення сюжэтаў мясцовых паданняў у баладах “Марына” і “Глухое возера” А. Грозы і “Зачараваная дзяўчына” Т. Лады-Заблоцкага. Важным індыкатарам развіцця беларускай літаратуры было тое, што на старонках “Rubonu”, акрамя пошуку і паэтызацыі існых гістарычных, прыродных і культурных адзнак Беларусі, адбіўся і заклік да запаўнення існуючых лакун у вобразе краю. Так, аўтара нарыса “Гара Варган”, які падпісаўся псеўданімам *Jan ze Sw... herbu Kościcza*, не спыніла адсутнасць мясцовага падання пра каларытны курган, заўважанага ім у ваколіцах Докшыц. Выказаўшы некаторае шкадаванне з гэтай прычыны, ён палічыў, што нельга такую адметную мясціну пакідаць без твора, і прапанаваў свой сюжэт пра замак, які стаяў у даунія часы на месцы гары, і пра прыгажуню-дачку князя Варгана, якая сумавала тут пад вартай карліка з мячом. Сваё тлумачэнне аўтар ставіў у прыклад: “Няхай тое паслужыць за нейкі замысел для нашых паэтаў, асабліва якія пішуть на берагах Рубона і ў яго ваколіцах: няхай зробяць ласку паспрабаваць сілу свайго ўзросту і здольнасці, і створаць для нас, у нядаўна ўзнікшым *Rubonе*, родную, мясцовую пээзію” [16, с. 6].

Стварэнне арыгінальных мастацкіх твораў на аснове мясцовага матэрыялу беларускія аўтары “Rubonu” разумелі як заканамерны і неабходны крок у развіцці і літаратуры, і наогул беларускай правінцыі. Сваімі публікацыямі ў альманаху яны клапаціліся пра росквіт свайго краю, запрашалі сваіх землякоў-чытачоў браць прыклад з поспеху суседзяў. Такі кантэкст сведчыць пра

вылучэнне Беларусі як асобнага гісторыка-культурнага рэгіёна, пра ўсведамленне значнасці мясцовай гісторычнай і культурнай спадчыны. Яе спасціжэнне на старонках альманаха садзейнічала далейшай канцэптуалізацыі вобраза Беларусі, давала падставы для абмеркавання пытання аб каштоўнасці краю і яго народа для ўсёй славянскай культуры.

Высновы. Змест альманаха “Rubon” і асаблівасці яго літаратуразнаўчай рэцэпцыі раскрываюць гісторыка-культуралагічныя ўмовы станаўлення і развіцця вобраза Беларусі. Факт узнікнення гэтага выдання ў 40-я гг. XIX ст. указвае на сферміраванасць на гэты час запыту ў грамадстве на спасціжэнне адметнасці свайго краю, і ў першую чаргу яго гісторыка-культурнага складніка. Нягледзячы на дэкларацыю ў праграмных тэкстах выдання вобраза адзінага наддзвінскага краю, які адпавядаў межам тагачаснай Віцебскай губерні, міжэтнічны культурны фармат фактычна садзейнічаў актуалізацыі беларускай тэматыкі. У публікацыях альманаха і рэакцыі на іх адбіўся працэс станаўлення беларускага наратыву, такія этапныя яго крокі, як вылучэнне і паэтызацыя гісторычных і прыродных адзнак мясцовасці, прызнанне аўтэнтычнасці і багацця народнай культуры, абагульненне харкаваній Беларусі як вобраза асобнага рэгіёна. Засяроджваючы ўвагу на развіцці культуры ў сваім краі, у тым ліку літаратуры, аўтары “Rubonu” замацоўвалі ўяўленне аб каштоўнасці і самадастатковасці Беларусі, узімалі пытанне аб яе ролі ў славянскім свеце.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь (договор № 1410/2021 от 22.03.2021 г.) в рамках НИР “Национальный нарратив в белорусской литературе XIX–XX веков: специфика конструирования и художественной репрезентации” (ГПНИ “Общество и гуманистическая безопасность белорусского государства», 2021–2025 гг.).

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Ministry of Education of the Republic of Belarus under the agreement No. 1410/2021 dated 03.22.2021 within the framework of the research “National narrative in Belarusian literature of the XIX–XX centuries: the specifics of construction and artistic representation” (The state program of scientific research “Society and humanitarian security of the Belarusian state”, 2021–2025).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Каханоўскі, А. Г. Беларусь у складзе Расійскай імперыі / А. Г. Каханоўскі // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэбн. дапам. / пад агул. рэд. І. А. Марзалюка. – Мінск, 2022. – С. 101–121.
2. Мархель, У. І. Прадвесце адраджэння / У. І. Мархель // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – 2-е выд. – Мінск, 2010. – Т. 2: Новая літаратура: другая палова XVIII–XIX стагоддзе / навук. рэд.: У. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі. – С. 68–134.
3. Rudziewicz, I. Tematyka białoruska na łamach pisma “Rubon” / I. Rudziewicz // Przegląd Wschodni. – 1997. – Т. 4, z. 3 (15). – S. 617–624.
4. Samborska-Kukuć, D. Literatura polska na Dźwiną w 1. poł. XIX wieku – zarys syntetyczny / D. Samborska-Kukuć // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej / pod red. W. Walczaka, K. Łopateckiego. – Białystok, 2013. – Т. 6. – S. 559–597.
5. Rączka-Jeziorska, T. Białoruskie dopływy polsko-inflanckiego “Rubonu” / T. Rączka-Jeziorska // Беларуска-польская моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі: да 220-годдзя з дня нараджэння Адама Міцкевіча: зб. арт. па матэрыялах Міжнар. наўук. канф. / Бел. дзярж. ун-т; рэдкал.: І. Э. Багдановіч (гал. рэд.) [і інш.]; пад рэд. І. Э. Багдановіч, М. І. Свістунавай. – Мінск, 2018. – С. 424–430.
6. Падбярэскі, Р. Беларусь і Ян Баршчэўскі / Р. Падбярэскі // Пачынальнікі: з гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; уклад. Г. В. Кісялёў; рэд.: В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. – 2-е выд. – Мінск, 2003. – С. 53–78.
7. Bujnicki, K. Od Wydawcy / K. Bujnicki // Rubon. – 1842. – Т. 1. – S. V–VII.
8. M. B. Wyjatek z dzieła pod tytułem: Dzieje w legendzie / M. B. // Rubon. – 1842. – Т. 2. – S. 7–37.
9. Borch, M. O Gercike / M. Borch // Rubon. – 1842. – Т. 1. – S. 61–76.
10. Храпавіцкі, І. Дзвіна / І. Храпавіцкі; пер. У. Дубоўкі // Літаратура Беларусі першай паловы XIX стагоддзя / уклад., аўт. прадм., біягр. даведак і камент. К. А. Цвірка. – Мінск, 2000. – С. 274–275.
11. Chrapowicki, I. Dźwina / I. Chrapowicki // Rubon. – 1842. – Т. 1. – S. 1–2.
12. Храпавіцкі, І. Дзвіна / І. Храпавіцкі; пер. В. Шніпа // Бацькаўшчына: зб. гіст. літ. / уклад., аўт. прадм. і паслясл. С. С. Панізінік. – Мінск, 1997. – С. 165–166.
13. Zajas, K. Wielokulturowe Inflanty Polskie. Cześć II: Literatura polsko-inflancka / K. Zajas // Scripta Neophilologica Posnaniensia. – 2016. – Т. 16. – S. 219–243. <https://doi.org/10.7169/snp.2016.16.16>
14. M. B. Rubon, pismo poświęcone pozytecznej rozrywce / M. B. // Biblioteka Warzawcka. – 1842. – Т. IV. – S. 626–630.
15. Kraszewski, J. List do Wydawcy / J. Kraszewski // Tygodnik Petersburski. – 1842. – № 85. – S. 4–5.
16. Jan ze Sw. Gora Warhan / Jan ze Sw // Rubon. – 1843. – Т. 3. – S. 3–11.

17. Пыпин, А. Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь / А. Н. Пыпин. – Минск: Беларус. Энцыкл., 2005. – 256 с.
18. Буйницкий // Энциклопедический словарь: [в 86 т.] / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. И. Е. Андреевского. – СПб., 1891. – Т. 4а. – С. 864.
19. Plater, J. Rzut oka na Inflanty / J. Plater // Rubon. – 1843. – Т. 4. – С. 49–65.
20. Bujnicki, K. Rzut oka na wioski i pola w Inflanciech / K. Bujnicki // Rubon. – 1843. – Т. 3. – С. 247–259.
21. Piosnki gminne białoruskie // Rubon. – 1843. – Т. 3. – С. 144–163.
22. Chrapowicki, I. Rzut oka na poezję ludu Białoruskiego / I. Chrapowicki // Rubon. – 1845. – Т. 5. – С. 35–82.
23. Bujnicki, K. Pamiętniki X. Jordana Soc. Jesu / K. Bujnicki // Rubon. – 1842. – Т. 3. – С. 14–234.
24. Bujnicki, K. Od Wydawcy / K. Bujnicki // Rubon. – 1846. – Т. 7. – С. V–X.
25. Lada-Zablocki, T. Zaklęta Dziewica (Ballada). Z podania gminnego / T. Lada-Zablocki // Rubon. – 1847. – Т. 7. – С. 143–151.

References

1. Kakhouski A. H. Belarus is part of the Russian Empire. *History of Belarusian statehood*. Minsk, 2022, pp. 101–121 (in Belarusian).
2. Markhel' U. I. The harbinger of revival. *History of Belarusian literature of the 11th – 19th centuries. Vol. 2. New literature: second half of the 18th–19th century*. 2nd ed. Minsk, 2015, pp. 68–134 (in Belarusian).
3. Rudziewicz I. Tematyka białoruska na łamach pisma “Rubon”. *Przegląd Wschodni*, 1997, vol. 4, no. 3 (15), pp. 617–624 (in Polish).
4. Samborska-Kukuć D. Literatura polska na Dźwiną w 1. poł. XIX wieku – zarys syntetyczny. *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. Vol. 6*. Białystok, 2013, pp. 559–597 (in Polish).
5. Rączka-Jeziorska T. Białoruskie dopływy polsko-inflanckiego “Rubonu”. *Białoruska-pol'skiya mounyya, litaraturnyya, gistarychnyya i kul'turnyya suvyazi: da 220-goddzya z dnya naradzhennya Adama Mitskevicha: zbornik artykulau pa materyyalakh Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi* [Belarusian-Polish linguistic, literary, historical and cultural ties: to the 220th anniversary of the birth of Adam Mickiewicz: a collection of articles on the materials of the international scientific conference]. Minsk, 2018, pp. 424–430 (in Polish).
6. Padbjarjeski R. Belarus' i Jan Barshchjeuski. *Founders: from historical and literary materials of the 19th century*. 2nd ed. Minsk, 2003, pp. 53–78 (in Belarusian).
7. Bujnicki K. *Rubon*, 1842, vol. 1, pp. V–VII (in Polish).
8. M. B. Wyjątek z dzieła pod tytułem: Dzieje w legendzie. *Rubon*, 1842, vol. 2, pp. 7–37 (in Polish).
9. Borch M. O Gercike. *Rubon*, 1842, vol. 1, pp. 61–76 (in Polish).
10. Khrapavitski I. Dzvina. *Literature of the Belarus in first half of the 19th century*. Minsk, 2000, pp. 274–275 (in Belarusian).
11. Chrapowicki I. Dźwina. *Rubon*, 1842, vol. 1, pp. 1–2 (in Polish).
12. Khrapavitski I. Dzvina. *Bats'kaushchyna: zbornik gistarychnai litaratury* [Fatherland: a collection of historical literature]. Minsk, 1997, pp. 165–166 (in Belarusian).
13. Zajas K. Wielokulturowe Inflanty Polskie. Część II: Literatura polsko-inflancka. *Scripta Neophilologica Posnaniensia*, 2016, vol. 16, pp. 219–243 (in Polish). <https://doi.org/10.7169/snp.2016.16.16>
14. M. B. Rubon, pismo poświęcone pozytecznej rozrywce. *Biblioteka Warzawcka*, 1842, vol. IV, pp. 626–630 (in Polish).
15. Kraszewski J. List do Wydawcy. *Tygodnik Petersburski*, 1842, vol. 85, pp. 4–5 (in Polish).
16. Jan ze Sw. Gora Warhan. *Rubon*, 1843, vol. 3, pp. 3–11 (in Polish).
17. Pypin A. N. *History of Russian Ethnography. Vol. 4. Belarus and Siberia*. Minsk, Belaruskaya Entsyklapedyya Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
18. Buynytksyi. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes. Vol. 4a*. St. Petersburg, 1891, p. 864 (in Russian).
19. Plater J. Rzut oka na Inflanty. *Rubon*, 1843, vol. 4, pp. 49–65 (in Polish).
20. Bujnicki K. Rzut oka na wioski i pola w Inflanciech. *Rubon*, 1843, vol. 4, pp. 247–259 (in Polish).
21. Piosnki gminne białoruskie. *Rubon*, 1843, vol. 3, pp. 144–163 (in Polish).
22. Chrapowicki I. Rzut oka na poezję ludu Białoruskiego. *Rubon*, 1845, vol. 5, pp. 35–82 (in Polish).
23. Bujnicki K. Pamiętniki X. Jordana Soc. Jesu. *Rubon*, 1842, vol. 3, pp. 14–234 (in Polish).
24. Bujnicki K. Od Wydawcy. *Rubon*, 1846, vol. 7, pp. V–X (in Polish).
25. Lada-Zablocki T. Zaklęta Dziewica (Ballada). Z podania gminnego. *Rubon*, 1847, vol. 7, pp. 143–151 (in Polish).

Информация об авторе

Кошман Павел Григорьевич – кандидат филологических наук, доцент. Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (ул. Студенческая, 28, 247760, Мозырь, Республика Беларусь). E-mail: pauloko7h@gmail.com

Information about the author

Pavel G. Koshman – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin (28 Studentskaya Str., Mozyr 247760, Belarus). E-mail: pauloko7h@gmail.com

ПРАВА

LAW

УДК 341.24:001.83
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-325-335>

Поступила в редакцию 04.11.2024
Received 04.11.2024

Н. А. Бударина

*Цэнтр системнага аналіза і стратэгічных ісследаваній Нацыянальнай акадэміі науک Беларусі,
Мінск, Беларусь*

**МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Аннотация. Исследование посвящено истории возникновения и развития международного научно-технического сотрудничества. Особое внимание уделяется вопросам формирования правовых основ взаимодействия в области науки и техники. Предлагается периодизация истории развития международного научно-технического сотрудничества, выявляются отличительные особенности, характерные для выделенных периодов его развития.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, история развития, правовое регулирование, периодизация

Для цитирования: Бударина, Н. А. Международное научно-техническое сотрудничество: генезис правового регулирования / Н. А. Бударина // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 325–335 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-325-335>

Natallia A. Budaryna

Center for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION:
GENESIS OF LEGAL REGULATION**

Abstract. The article is dedicated to the history of the origin and development of international scientific and technical cooperation. The author makes an attempt to periodize the development of cooperation in the field of science and technology. Special attention in the study is paid to the formation of the legal framework for interaction in the field of science and technology.

Keywords: international scientific and technical cooperation, development history, legal regulation, periodization

For citation: Budaryna N. A. International scientific and technical cooperation: genesis of legal regulation. *Vestsi Natsiyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 325–335 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-325-335>

Введение. Как отмечал И. И. Лукашук, «попытки игнорировать историю неизбежно ведут к непониманию сущности явления ...» [1, с. 73]. Процесс становления взаимоотношений в области науки и техники имеет длительную историю, и современное понимание содержания международного научно-технического сотрудничества во многом зависит от понимания этой истории. В связи с этим важно рассмотрение условий возникновения и развития международного научно-технического сотрудничества.

Цель исследования заключается в изучении истории международного научно-технического сотрудничества, выявлении основных этапов его развития с позиции формирования и развития правового регулирования взаимодействия в области науки и техники.

К сожалению, в настоящее время в юридической литературе фактически отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные истории международного научно-технического сотрудничества. Как правило, его история исследователями рассматривается в общем контексте развития международного права. Так, к проблемам истории международного права обращались Ю. А. Баскин, Д. И. Фельдман [2], Е. А. Коровин [3], Д. Б. Левин [4]. Однако их труды дают лишь общее представление об условиях формирования правовой базы международного сотрудничества в целом.

В научной литературе отдельно следует выделить работы Н. П. Гаврилова, Н. А. Белелюбского [5], посвященные вопросам развития истории науки и техники. Но указанные авторы не рассматривают истоки возникновения международного научно-технического сотрудничества, в частности, процесс его правового оформления. Данные труды в большей степени сосредоточены на изучении отдельных персоналий, оказавших в свое время влияние на формирование научной мысли и рассчитаны в основном на широкий круг читателей, ввиду этого характеризуются отсутствием критического подхода к исследуемой проблеме и имеют чисто описательный характер. Следует также отметить, что существенная часть схожих работ по данной тематике приходится еще на советский период (конец 1970 – начало 1980-х гг.), поэтому содержащаяся в них информация значительно устарела и не учитывает современные тенденции развития в данной области.

На сегодняшний день исследование проблемы становления и развития международного научно-технического сотрудничества преимущественно сводится к анализу его отдельных аспектов. Например, в период существования СССР наибольшее распространение получило изучение вопросов международного научно-технического сотрудничества социалистических стран, которое в основном акцентировалось на взаимодействии в рамках СЭВ (М. М. Богуславский [6], Н. Л. Платонова [7] и др.). С интенсивным развитием европейских интеграционных процессов существенная часть работ в данной области была посвящена международному научно-техническому сотрудничеству, реализуемому в рамках Европейского союза. Проблемой научно-технического сотрудничества в ЕС занимались Н. Н. Aked, Р. J. Gummelt [8], A. Feld [9], J. Kim, J. Yoo [10], M. Granieri, A. Renda [11], J. Peterson [12], B. C. Циренщиков [13], К. И. Плетнев [14], Е. В. Водопьянова [15] и другие авторы. Таким образом, вопрос возникновения и развития международного научно-технического сотрудничества не нашел должного отражения в проводимых исследованиях.

Основные результаты исследования. Процесс становления и развития международного научно-технического сотрудничества занял довольно длительный исторический отрезок времени. Он состоит из нескольких этапов, для каждого из которых характерны свои отличительные особенности.

В рамках настоящего исследования предлагается следующая периодизация международного научно-технического сотрудничества: 1) зарождение взаимоотношений (protoотношений) в области науки и техники (период с IV тыс. до н. э. по 476 г. н. э.); 2) развитие науки и техники в период с 476 г. н. э. по XV в.; 3) развитие науки и техники в период с XVI до середины XX в., первая, вторая и третья научные революции; 4) развитие международного научно-технического сотрудничества в современный период (вторая половина XX – начало XXI в.).

1. *Зарождение взаимоотношений (protoотношений) в области науки и техники (период с IV тыс. н. э. по 476 г. н. э.).* Отметим, что временной отрезок до IV тыс. до н. э. представляет собой период так называемого догосударственного межплеменного «права», а дошедшие до нашего времени отрывочные сведения не позволяют в полной мере и объективно изучить этот период. В этой связи автором за точку отсчета истории международного научно-технического сотрудничества было определено IV тыс. до н. э. (появление письменности (Месопотамия, Египет) и первых государств).

В анализируемый период объединения людей (род, общины, племена) были малочисленны по своему составу, поэтому «чужих» опасались и зачастую рассматривали как врагов, что существенно ограничивало возможность передачи «прогрессивных достижений» от племени к племени [16, с. 49]. По существу, характер взаимодействия скорее заключался в оказании взаимопо-

мощи при проведении масштабных технических работ, например, строительстве ирригационных каналов. Так, известный востоковед И. М. Дьяконов среди основных характеристик сельской общины выделяет «сотрудничество» между членами общины по освоению воды, определяющееся коллективным характером труда в области ирригации [17]. Правовой основы для такого «сотрудничества» еще не существовало. Главным образом преобладали общие устные договоренности между главами (родов, общин, племен), а знания имели сугубо практический характер.

Возникновение первых государств, как свидетельствуют исторические источники, относится к концу IV – началу III в. до н. э. (имеются в виду государства Древнего Востока: Вавилон, Ассирия, Египет, Индия, Китай, Персия и др.) [цит. по: 18, с. 48–49].

Значение государства в развитии правового регулирования взаимодействия неоспоримо. Именно вступление первых государств в отношения между собой привело к образованию первых международно-правовых норм.

Одним из самых древних дошедших до нас международных договоров, по мнению юристов-правоведов, является договор между правителями месопотамских городов (около 3100 г. до н. э.). Договор подтверждал существовавшую между сторонами государственную границу и провозглашал ее неприкосновенность [19, с. 46]. Что касается вопроса возникновения первых договоров в области науки и техники, то однозначного ответа относительно даты заключения такого договора не существует. В качестве протодоговоров в данной области можно рассматривать договоры о торговле (Древний Египет, Индия (Законы Ману I в. н. э.)). Со временем наблюдаются постепенное расширение и конкретизация зафиксированных в них положений, которые впоследствии и послужили юридической основой для упорядочения взаимоотношений в исследуемой области. Тем не менее говорить о правовом регулировании сотрудничества в привычном для нас смысле относительно данного периода рано: в то время отсутствовали международные отношения в их современном понимании, а в сферу мирового рынка и глобальных связей не были включены целые континенты (Америка, Австралия, большая часть Африки) [цит. по: 20, с. 51].

Следует выделить лишь сравнительно небольшие группы государств, которые поддерживали между собой более или менее устойчивые связи. К их числу относятся древнегреческие города-государства, Древний Рим, Древний Китай, Египет, Индия и государства Арабского мира. Так, к примеру, в Древней Греции считалось, что только греческие государства и их колонии подпадают под действие права, а остальные народы (государства) относились к варварам [18, с. 51]. Наибольшее развитие получила сфера правового регулирования торговли [19, с. 47].

Именно в этот период формируются первые формы взаимодействия, которые впоследствии получили развитие в научно-технической сфере (обмен кадрами, привлечение иностранных специалистов) (Древний Египет). В качестве прообраза первых научных организаций можно рассматривать так называемые Дома знаний Древнего Египта и Вавилона, среди направлений научной деятельности которых преобладали медицина и астрономия.

Таким образом, исследуемый период характеризуется: 1) распадом родоплеменных отношений с последующим возникновением первых государств (Древняя Греция, Рим, Индия, Китай, Египет); 2) взаимоотношения между государствами не были систематизированы; 3) вопросы науки и техники входили в сферу внутренней компетенции государства; 4) появляются первые научные «организации» и формы взаимодействия, получившие в дальнейшем развитие в рамках реализации научно-технического сотрудничества.

В данный период были определены формы нормативного регулирования – обычай и, что особенно важно, появились договоры, которые на сегодняшний день являются основными источниками правового регулирования международного научно-технического сотрудничества.

2. *Развитие науки и техники в период с 476 г. по XV в.* Из истории известно, что в 476 г. в результате вторжения германских племен пала Западная Римская империя, на смену которой пришли европейские государства. Это период феодальной раздробленности и формирования современных границ европейских государств, в ходе которого беспрестанно велись междуусобные войны. Но несмотря на это, он был отмечен многочисленными устными договорами, заключение которых сопровождалось либо религиозной клятвой, либо рукопожатием. Постепенно в практику входит и письменная форма заключения договоров, тексты которых, как правило, составлялись на латинском языке [цит. по: 20, с. 54].

Отличительной чертой рассматриваемого периода является субъектный состав международного права. Помимо государств субъектами международного права признавались Римская церковь (католическая) и рыцарские ордена [19, с. 48]. В данный временной период католическая церковь оказывает существенное влияние практически на все сферы жизни, включая сферу науки и техники. С одной стороны, она препятствовала развитию естественных наук, которые рассматривались как отступление от религиозных канонов, с другой – являлась центром, где переписывались и переводились древние тексты философов, богословов, ученых и писались книги.

Основными центрами научной жизни в это время являлись европейские государства, Арабский Восток, Индия, Китай, фактически сосуществовавшие изолированно друг от друга.

В эпоху средневековья в развитие науки огромный вклад внесли ученые Арабского мира и Средней Азии. Они значительно обогнали Европу в развитии научного знания. Так, в начале IX в. осуществлял свою деятельность выдающийся ученый в области математики, создатель алгебры, Беруни. Всемирно известен правитель Самарканда Улугбек, который не только сам являлся талантливым ученым-астрономом, но и привлекал иностранных ученых в Самарканд. Была построена и оснащена лучшими на то время инструментами и оборудованием грандиозная обсерватория. Пользуясь ими, ученые достигли такой точности в своих наблюдениях, которая еще полтора века оставалась непревзойденной. Результатами их трудов, к примеру, стали «Звездные таблицы» – каталог, содержащий точные положения на небе 1018 звезд [21, с. 7].

Развитию науки в Индии способствовали успехи индийской математики. Тогда была создана и распространилась на весь мир десятичная система исчисления, заложены основы тригонометрии. Индийская математика впоследствии оказала большое влияние на европейскую математику [21, с. 8].

Таким образом, исследуемый период характеризуется: 1) феодальной раздробленностью; 2) усилением в международных отношениях позиции Католической церкви и появлением первых культурных центров (при монастырях); 3) доминирующим развитием науки в рамках церковных учений, где любое отступление от религиозных канонов считалось преступлением.

Следует иметь в виду, что международное право как юридическое средство регулирования межгосударственных отношений находит признание в практике государств лишь в конце Средних веков. Эта точка зрения, по мнению И. И. Лукашука, доминирует в мировой литературе [1, с. 77]. Развитие науки в Средние века подготовило научную базу для крупных открытий Нового времени и послужило основой для так называемых научных революций, по сути, выступивших в числе основных факторов, обусловивших возникновение правового регулирования международного научно-технического сотрудничества.

3. Развитие науки и техники в период с XVI до середины XX в., первая, вторая и третья научные революции. В данный период на европейском континенте существовало множество независимых государств, интересы которых требовали установить правила международного общения, обеспечивающие минимальный правопорядок [19, с. 50]. Тем не менее сама наука международного права возникает несколько позже – в XVII в. Ее основоположником принято считать выдающегося голландского юриста Гуго Гроция (1583–1645 гг.) [20, с. 56]. Следует отметить, что именно Гуго Гроций впервые детально обосновал существование «права, которое определяет отношения между народами или их правителями» [1, с. 85].

В дальнейшем, с увеличением практического значения международного права, потребовались разработка конкретных вопросов и более точное определение содержания его норм. Однако право того времени было широко диспозитивным. Господствовала свобода договоров: договор с любым содержанием был правомерен [1, с. 88].

Развитию международных связей в области науки и техники в данный период во многом способствовало образование в специальных научных организациях – академиях. В качестве примера рассмотрим деятельность Петербургской академии наук, учрежденной в соответствии с Указом Петра Великого от 28 января 1724 г.

Одной из основных целей создания Петербургской академии наук (далее – Академия) было повышение международного престижа России. В связи с этим на протяжении длительного времени отмечалось «заботливое отношение Государей к науке», к Академии как высшему учебному заведению и ученым [22, с. 11].

Ежегодно Академией издавались сотни книг и тысячи статей, «пущенных в оборот среди ученых всего мира» [22, с. 4]. К числу работ, осуществленных коллегиями совместно с зарубежными учеными, можно отнести труды Академии по изданию сочинений Леонарда Эйлера, а также участие Академии в издании международной библиографии [22, с. 12].

Начиная с XVIII в. Академия организовывала одну за другой крупнейшие научные экспедиции, которые по своему масштабу превзошли все, что делалось в то время в других странах. Полученные в ходе экспедиций научные результаты были опубликованы и переведены на английский, французский, немецкий и голландский языки [23, с. 12].

Широкую известность среди ученых всего мира получила астрономическая обсерватория Академии. Процесс постоянного совершенствования и приобретение новых приборов позволяли считать эту обсерваторию одной из наиболее оборудованных лабораторий в мире [цит. по: 22].

К концу XIX в. центром научной работы в Академии становится Этнографический музей. Сотрудники музея выступали на международных конгрессах, принимали участие в обменах с зарубежными музеями – Стокгольмским, Нью-Йоркским и другими. Музеем организовывались специальные командировки и экспедиции, в том числе и заграничные [23, с. 20].

Еще одним видом деятельности Академии стало объединение ученых коллегий для совместной работы в мировой союз. В 1900 г. Академия являлась членом Международного союза академий, основанного по инициативе Королевского общества в Лондоне. Именно на периодических съездах, проходивших в различных столицах Европы, определялись планы совместной работы ученых разных стран, входивших в состав союза [22, с. 11].

Наряду с деятельностью Академии в начале XIX в. в России открывается ряд университетов. Созданные в 1755 г. Московский, в 1803 г. – Казанский, Харьковский и Юрьевский (ныне Тарту, Эстония), в 1819 г. – Санкт-Петербургский, в 1834 г. – Киевский, в 1865 г. – Новороссийский (Одесса) и в 1880 г. – Томский университеты не только способствовали развитию научных связей, но имели в своем составе кафедры международного права, на которых работали известные юристы в области международного права [20, с. 65]. Появляется целая плеяда выдающихся юристов-международников. Среди них М. Н. Капустин, Л. А. Камаровский, И. И. Ивановский, Ф. Ф. Мартенс, М. А. Таубе, О. О. Эйхельман, В. Э. Грабарь, П. Е. Казанский, В. А. Овчинников и другие [18, с. 71]. Многие видные русские ученые, такие как Ф. Ф. Мартенс, М. А. Таубе, Д. А. Милютин, Б. Э. Нольде, В. М. Гессен, А. Н. Мандельштам, приняли участие в подготовке и проведении международных конференций (Петербургская 1868 г., Брюссельская 1874 г., Гаагские 1899 и 1907 гг., Лондонская 1908–1909 гг.) и внесли существенный, если не решающий, вклад в закрепление на конференциях многих важных для международного права положений [20, с. 66]. Однако сотрудничество государств в научно-технической сфере ими не рассматривалось как отдельная сфера международного права.

В рамках изучаемого периода начинает складываться наука в современном ее понимании, чему содействовали два обстоятельства. Во-первых, было подорвано господство религиозного мышления, наука начала превращаться в самостоятельный фактор духовной жизни. Появляются независимые от церкви академии как высшие научные организации и многочисленные университеты. Во-вторых, наряду с наблюдением наука берет на вооружение эксперимент, который становится в ней ведущим методом исследования и радикально расширяет сферу познавательной реальности, получают развитие естественные науки. В результате происходят ломка старой и создание новой системы научных теорий, понятий, принципов. Это глубокое преобразование научного знания было названо с первой научной революцией. Ее началом стали фундаментальные открытия в астрономии (Коперник) [21, с. 8].

Научная революция – это процесс быстрого и существенного продвижения в познании природы, общества, вызванный появлением новых материальных или интеллектуальных средств исследования, формированием новых методов, интенсификацией исследовательской работы [24, с. 193]. Именно в результате научной революции возникла необходимость интенсивной систематизации полученных знаний и обмена научными результатами, что впоследствии привело к необходимости правового регулирования взаимодействия государств в данной сфере. Возникновение правового регулирования в сфере науки и техники также способствовало появлению новых

форм межгосударственного сотрудничества. Такими формами явились международные организации, которые первоначально назывались международными административными союзами (Международный союз для измерения земли (1864 г.), Международный телеграфный союз (1865 г.), Всемирный почтовый союз (1874 г.), Международный комитет мер и весов (1875 г.), Международный союз для охраны промышленной собственности (1886 г.), Международный союз железнодорожных товарных сообщений (1890 г.)) [цит. по: 18, с. 69].

Но наряду с факторами, способствовавшими появлению правового регулирования научно-технического сотрудничества, были и те, которые оказали отрицательное воздействие на этот процесс. В частности, речь идет о Первой мировой войне и Октябрьской революции 1917 г., оказавших серьезное влияние на развитие правовых исследований в России. Значительная часть правовых исследований начала XX в. была сосредоточена за ее пределами. Международно-правовые исследования в то время в основном проводились в двух центрах российского высшего юридического образования за границей – это Русский юридический факультет в Праге и юридический факультет в Харбине. Первый просуществовал с 1922 по 1933 г., второй – с 1920 по 1937 г. [20, с. 66].

О значении научно-технической сферы для «молодого» российского государства свидетельствует тот факт, что уже во второй половине апреля 1918 г. В. И. Лениным был составлен «Набросок плана научно-технических работ», который стал одним из первых документов, разработанных после революции [цит. по: 25, с. 11]. В дальнейшем именно в рамках СССР закладывались основы международного сотрудничества, реализуемого современной Беларусью, и устанавливались многочисленные связи в области науки и техники.

В СССР научно-техническое сотрудничество реализовывалось на базе межгосударственной специализации и кооперирования, основу которой составляла плановая система. Преобладало сотрудничество с социалистическими странами, на которые приходилось свыше миллиона научных работников, почти 1/3 мирового количества ученых, имелись десятки академий, сотни научно-исследовательских институтов, тысячи лабораторий [цит. по: 25, с. 46]. Международное сотрудничество осуществлялось посредством экспедиций, научных командировок, привлечения к проводимым исследованиям иностранных ученых, поставки оборудования и др. Широкое распространение также получили съезды и научные конгрессы.

В это же время на формирование мировых научных связей в исследуемой области оказывает влияние третья научная революция (конец XIX – середина XX в.) (квантовая механика, открытие элементарных частиц и т. д.). Новым в развитии естествознания явилось то, что научные революции слились с техническими в единый процесс [21, с. 10]. С этого момента можно уже говорить о научно-технической революции. Принципиальное отличие научно-технической революции от предшествующих этапов технического прогресса заключается в том, что теперь организация процессов начала осуществляться преимущественно с применением электронно-вычислительных машин (ЭВМ) [24, с. 273], а информация стала одним из обязательных элементов взаимодействия в области науки и техники. Исторически можно выделить несколько направлений научно-технической революции: 1) *энергетическое направление*, связанное с развитием атомной энергетики, которая рассматривалась в качестве основного перспективного источника дополнительной энергии; 2) *космическое направление*, вызванное прогрессом исследований в области освоения космоса (полеты аппаратов и человека в космическое пространство); 3) *химическое направление*, основанное на активной разработке химических веществ с заданными свойствами, тождественными природным соединениям; 4) *технологическое направление*, связанное с использованием более совершенных технологических систем (автоматизированные системы) [24, с. 273]. Некоторые из данных направлений впоследствии стали отдельными направлениями в рамках международного научно-технического сотрудничества (атомное право, космическое право, сотрудничество в сфере технологий).

Таким образом, возникновению правового регулирования научно-технического сотрудничества во многом способствовало ускоренное развитие науки. Свершившиеся к данному периоду времени научные революции требовали совершенствования сферы управления наукой, а следовательно, появилась необходимость в формировании соответствующей правовой базы.

В качестве еще одной предпосылки возникновения правового регулирования международного научно-технического сотрудничества можно рассматривать научно-техническую революцию. Именно с этого времени (особенно интенсивно с 40-х гг. XX в.) начинается процесс объединения научной и технической сферы в единую научно-техническую сферу сотрудничества.

4. Развитие международного научно-технического сотрудничества в современный период (вторая половина XX – начало XXI в.). Фундамент современного или, как часто говорят, нового международного права был заложен Уставом ООН. Данное положение довольно широко признано в доктрине. На него неоднократно указывали такие авторитетные представители юридической науки, как Г. И. Тункин, Д. Б. Левин, А. П. Мовчан и другие [цит. по: 1, с. 100].

Именно в рамках ООН был проведен ряд конференций, определивших основные направления взаимодействия в области науки и техники. В 1963 г. в Женеве состоялась международная конференция ООН по науке и технике в целях развития. В 1979 г. в Вене была проведена вторая конференция ООН по науке и технике в целях развития. На этих конференциях был выработан Всемирный план действий в области науки и техники, который являлся программой стратегии ООН в области науки и техники до 2000 г. Всемирный план действий состоял из 65 рекомендаций, разделенных на три группы: 1) рекомендации, относящиеся к укреплению научно-технического потенциала развивающихся стран; 2) рекомендации, касающиеся перестройки существующей структуры международных отношений в области науки и техники; 3) рекомендации по усилению роли системы ООН в области науки и техники [цит. по: 26]. Были приняты следующие документы: Договор об Антарктике (1959 г.), Договор по космосу (1967 г.), Соглашение о деятельности государств на Луне (1979 г.), Венская конвенция об охране озонового слоя (1985 г.) [20, с. 63].

Таким образом, вопросы правового регулирования научно-технической деятельности приобрели глобальный характер и перестали являться исключительной прерогативой национальных законодательств.

Данный период также характеризуется противостоянием двух мировых систем – СССР и США. В Советском Союзе в то время трудилось около 940 тыс. научных работников, включая 17 тыс. академиков, членов-корреспондентов и профессоров. В народном хозяйстве СССР работало свыше 16 млн специалистов с высшим и средним специальным образованием, среди них 2,4 млн инженеров и 4,4 млн техников. На каждые 100 человек производственных рабочих приходилось примерно 15 инженерно-технических работников [10, с. 46]. Этот показатель являлся одним из самых высоких в мире. Советский Союз первым начал использовать атомную энергию в мирных целях, создав электростанцию на атомной энергии [25, с. 26]. Вместе с тем политика изоляционизма, которой придерживался СССР до 1985 г., наложила совершенно особый отпечаток на развитие научно-технического сотрудничества в советский период. Как было отмечено выше, основным вектором научно-технического сотрудничества СССР являлись страны СЭВ. Им советские проектные организации на протяжении длительного времени оказывали помощь в проектировании заводов, фабрик, электростанций, дорог, рудников и т. д. Так, к примеру, только в аннотированный перечень документов, изданный Федеральным архивным агентством и филиалом государственного учреждения Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самаре, вошла информация о 495 объектах проектирования в 50 зарубежных странах [27, с. 4].

Отличительной чертой научно-технического сотрудничества СССР являлось также то, что в нем могли принимать участие не только кооперативы и их союзы, но и коллективные хозяйства (колхозы). Так, согласно Закону СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР» № 8998-ХI, колхозы и их выборные представительные органы могли участвовать в деятельности международных кооперативных организаций, устанавливать и развивать торгово-экономические, культурные и научно-технические связи, а также сотрудничество с сельскохозяйственными кооперативами и иными предприятиями (организациями) стран – членов СЭВ, других социалистических стран, а также предприятиями и фирмами капиталистических и развивающихся стран [28].

Наряду с этим исследуемый период характеризуется: 1) многочисленными геополитическими преобразованиями; 2) появлением новых субъектов международного права (имеются в виду международные межправительственные организации, которые в настоящее время играют важ-

нейшую роль в международном научно-техническом сотрудничестве); 3) развитием интеграционных процессов, вызвавших стремление государств гармонизировать национальные законодательства, в том числе и в научно-технической сфере; 4) появлением технологий искусственного интеллекта, влияние которых на международное сотрудничество в целом и на научно-техническое сотрудничество в частности еще только предстоит осмыслить.

Таким образом, основной отличительной чертой данного периода стало противостояние СССР и США, которое отразилось на развитии международного научно-технического сотрудничества. В частности, определились основные направления сотрудничества: СССР – страны СЭВ – социалистические страны; США – капиталистические страны. Стремление к соперничеству со стороны этих стран привело к ускоренному развитию сферы научно-технической деятельности (космос, атом), что, в свою очередь, ускорило процесс создания соответствующей правовой базы.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Периодизация истории развития международного научно-технического сотрудничества тесно связана с историей возникновения и развития международного права. Однако любая периодизация имеет условный характер, поскольку определенные правила могут зарождаться в одной эпохе, а становятся международно-правовыми в другой. Так, основы для взаимодействия между государствами в области науки и техники были заложены в Древний период и Средние века, а фактическое правовое оформление получили лишь в XX в.

В практическом плане первоначальные периоды имели существенное значение для процесса становления взаимоотношений в области науки и техники, который с течением времени претерпел существенные изменения, например, в отношении круга субъектов, принимающих участие в сотрудничестве (церковь, колониальные страны, «цивилизованные» нации).

2. Исследование истории международного научно-технического сотрудничества крайне затруднено тем обстоятельством, что практически не осталось первых источников относительно самого древнего периода. Исключение составляют отрывочные сведения о строительстве ирригационных и фортификационных сооружений с привлечением «иностранных» специалистов.

3. Гораздо полнее вопросы, связанные с научно-технической сферой, освещены в более поздние периоды. Основываясь на имеющихся сведениях, можно сделать вывод, что развитие научно-технических отношений было тесно связано с развитием экономических отношений и прежде всего торговли.

4. На протяжении первых этапов своего развития техническое сотрудничество и научное сотрудничество развивались отдельно друг от друга. Таким образом, первые три этапа (период с IV тыс. до н. э. до 476 г. н. э.; с 476 г. н. э. по XV в.; с XVI до середины XX в.) можно рассматривать как предысторию международного научно-технического сотрудничества. Правовые акты не имели системного характера, а сотрудничество в области науки и техники не рассматривалось как отдельное направление сотрудничества и входило в сферу внутренней компетенции государств.

5. На формирование отношений в области науки и техники оказали влияние все регионы. Это взаимодействие изначально развивалось в рамках отдельных государств (древнегреческие государства, Китай, Индия, государства Арабского Востока, позднее европейские государства). В качестве объективных предпосылок к развитию международного научно-технического сотрудничества можно выделить общие предпосылки, оказывающие влияние на формирование международного сотрудничества в целом: географическое положение страны (геополитический фактор), ее историю, наличие кадрового потенциала и специальные, характерные непосредственно для сотрудничества в научно-технической сфере факторы (местонахождение специфических источников (энергии), доступ к уникальному дорогостоящему оборудованию и др.).

6. О начале процесса формирования международного научно-технического сотрудничества в привычном для нас смысле этого слова можно говорить лишь с момента образования первых международных (межправительственных) организаций, возникших на международной арене под влиянием достижений научно-технического прогресса (Союз телеграфа, почты и другое). Некоторые из этих организаций действуют до сих пор. Однако взаимодействие в рамках данных

организаций (союзов) имело узкоспециализированный характер и касалось лишь отдельных аспектов сотрудничества.

В дальнейшем с созданием ООН процесс был систематизирован. В рамках этой международной межправительственной организации были разработаны и принятые важные документы, являющиеся до настоящего времени основными источниками правового регулирования в сфере международного научно-технического сотрудничества.

7. Существенное влияние на процесс формирования международного научно-технического сотрудничества оказали научные революции. Но, по сути, объединению научной и технической сфер в единую сферу взаимодействия способствовала научно-техническая революция (XX в.).

Следует отметить, что возникновение международного сотрудничества в области науки и техники явилось закономерным результатом исторического развития общества, а появление правового регулирования данной сферы было обусловлено необходимостью систематизации накопленных в ходе научных революций знаний и упорядочения взаимодействия субъектов международного права в обозначенной области.

Таким образом, отношения между государствами в области науки и техники имеют многовековую историю. За это время научно-техническое сотрудничество превратилось в развитую систему, включающую в себя многочисленные формы и виды взаимодействия и, собственно, источники его правового регулирования.

Список использованных источников

1. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учебник / И. И. Лукашук. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
2. Баскин, Ю. А. История международного права / Ю. А. Баскин, Д. И. Фельдман. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 205 с.
3. Коровин, Е. А. История международного права. Вып. 1. От древности и до конца XVIII века: пособие к лекциям / Е. А. Коровин. – М.: Тип. МИД СССР, 1946. – 106 с.
4. Левин, Д. Б. История международного права / Д. Б. Левин. – М.: Изд-во ИМО, 1962. – 136 с.
5. Гаврилова, Н. П. Белелюбский Николай Аполлонович / Н. П. Гаврилова // Люди пытливой мысли (по архивным документам) : ист.-техн. альм. / сост.: О. С. Максакова, Т. Н. Фисюк; под ред. И. Н. Давыдовой, О. С. Максаковой, Л. Ю. Покровской. – Самара, 2006. – С. 91–98.
6. Богуславский, М. М. Правовое регулирование международных хозяйственных отношений: очерки теории и практики экономического сотрудничества стран социализма / М. М. Богуславский. – М.: Наука, 1970. – 280 с.
7. Платонова, Н. Л. О правовой природе многостороннего договора по международной специализации и кооперированию производства стран – членов СЭВ / Н. Л. Платонова // Правовые вопросы международного экономического и научно-технического сотрудничества: [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права; редкол.: М. М. Богуславский [и др.]. – М., 1979. – С. 11–17.
8. Aked, N. H. Science and technology in the European communities: the history of the cost projects / N. H. Aked, P. J. Gummett // Research Policy. – 1976. – Vol. 5, № 3. – P. 270–294. [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(76\)90030-5](https://doi.org/10.1016/0048-7333(76)90030-5)
9. Feld, A. Scientific co-operation and centre-periphery relations: attitudes and interests of European and Latin American scientists / A. Feld, P. Kreimer // Tariya: Latin American Science, Technology and Society. – 2019. – Vol. 2, № 1. – P. 149–175. <https://doi.org/10.1080/25729861.2019.1636620>
10. Kim, J. Science and technology policy research in the EU: from framework programme to HORIZON 2020 / J. Kim, J. Yoo // Social Sciences. – 2019. – Vol. 8, № 5. – Art. 153. <https://doi.org/10.3390/socsci8050153>
11. Granieri, M. Innovation law and policy in the European Union: towards horizon 2020 / M. Granieri, A. Renda. – Milan: Springer, 2012. – 199 p. <https://doi.org/10.1007/978-88-470-1917-1>
12. Peterson, J. Technology policy in Europe: explaining the framework programme and Eureka in theory and practice / J. Peterson // Journal of Common Market Studies. – 1991. – Vol. 29, № 3. – P. 269–290. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1991.tb00393.x>
13. Циренников, В. С. Научно-техническая интеграция Западной Европы / В. С. Циренников. – М.: Наука, 1992. – 144 с.
14. Плетнев, К. И. Международное научно-техническое сотрудничество: учеб. пособие / К. И. Плетнев. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 42 с.
15. Водопьянова, Е. В. Российско-европейское научно-технологическое сотрудничество: накопленный опыт и возможные перспективы / Е. В. Водопьянова // Белорусский экономический журнал. – 2011. – № 2 (55). – С. 21–30.
16. Основы государства и права: учеб. пособие / под науч. ред. В. Т. Гайкова, В. А. Ржевского. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 639 с.
17. Дьяконов, И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей / И. М. Дьяконов // Вестник древней истории. – 1963. – № 1. – С. 16–34.

18. Международное право: учебник / под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Юрайт, 2010. – 1003 с.
19. Бирюков, П. Н. Международное право: учебник / П. Н. Бирюков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 793 с.
20. Международное право: учебник / Л. П. Ануфриева, Г. М. Мелков, В. П. Панов [и др.]; отв. ред. Г. М. Мелков. – М.: РИОР, 2011. – 720 с.
21. Кузёмкина, Г. М. Основы научных исследований: пособие для студентов техн. специальностей / Г. М. Кузёмкина. – Гомель: БелГУТ, 2005. – 82 с.
22. Котляревский, Н. Императорская Академия наук в царствование императора Николая II / Н. Котляревский. – Петроград: Тип. Император. Акад. Наук, 1915. – 13 с.
23. Очерки по истории Академии наук. Исторические науки / сост.: И. И. Любименко [и др.]; под ред. В. П. Волгина. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. – 43 с.
24. Некрасов, С. И. Философия науки и техники: тематический словарь: учеб. пособие / С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова. – Орёл: ОГУ, 2010. – 289 с.
25. Петров, Ф. П. Международное научно-техническое сотрудничество: состояние, цели, перспективы / Ф. П. Петров. – М.: Междунар. отношения, 1971. – 357 с.
26. Международное право: учебник / [Б. М. Ашавский, К. Г. Борисов, В. Г. Бояршинов и др.]; отв. ред.: Ю. М. Колесов, В. И. Кузнецов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 619 с.
27. Из истории международного научно-практического сотрудничества России: аннот. перечень док. / Федер. арх. агентство, Фил. гос. учреждения Рос. гос. арх. науч.-техн. документации в г. Самара (Фил. РГАНТД); [сост.: Т. А. Верховская и др.]. – Самара: Фил. РГАНТД, 2007. – 344 с.
28. О кооперации в СССР: Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 23.10.2024).

References

1. Lukashuk I. I. *International law. General part.* 3rd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
2. Baskin Yu. A., Fel'dman D. I. *History of international law.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 205 p. (in Russian).
3. Korovin E. A. *History of international law. Issue 1. From antiquity to the end of the XVIII century.* Moscow, USSR Ministry of Foreign Affairs, 1946. 106 p. (in Russian).
4. Levin D. B. *History of international law.* Moscow, IMO Publ., 1962. 136 p. (in Russian).
5. Gavrilova N. P. Belelyubsky Nikolai Apollonovich. *Lyudi pytlivoi mysli (po arkhivnym dokumentam): istoriko-tehnicheskii al'manakh* [People of inquisitive thought (according to archival documents): historical and technical almanac]. Samara, 2006, pp. 91–98 (in Russian).
6. Boguslavskii M. M. *Legal regulation of international economic relations: essays on the theory and practice of economic cooperation between socialist countries.* Moscow, Nauka Publ., 1970. 280 p. (in Russian).
7. Platonova N. L. On the legal nature of a multilateral agreement on international specialization and cooperation of production of the Council for Mutual Economic Assistance member countries. *Pravovye voprosy mezhdunarodnogo ekonomicheskogo i nauchno-tehnicheskogo sotrudничества: sbornik statei* [Legal issues of international economic and scientific-technical cooperation: collection of articles]. Moscow, 1979, pp. 11–17 (in Russian).
8. Aked N. H., Gummell P. J. Science and technology in the European communities: the history of the cost projects. *Research Policy*, 1976, vol. 5, no. 3, pp. 270–294. [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(76\)90030-5](https://doi.org/10.1016/0048-7333(76)90030-5)
9. Feld A., Kreimer P. Scientific co-operation and centre-periphery relations: attitudes and interests of European and Latin American scientists. *Tapuya: Latin American Science, Technology and Society*, 2019, vol. 2, no. 1, pp. 149–175. <https://doi.org/10.1080/25729861.2019.1636620>
10. Kim J., Yoo J. Science and technology policy research in the EU: from framework programme to HORIZON 2020. *Social Sciences*, 2019, vol. 8, no. 5, art. 153. <https://doi.org/10.3390/socsci8050153>
11. Granieri M., Renda A. *Innovation law and policy in the European Union: towards horizon 2020.* Milan, Springer, 2012. 199 p. <https://doi.org/10.1007/978-88-470-1917-1>
12. Peterson J. Technology policy in Europe: explaining the framework programme and Eureka in theory and practice. *Journal of Common Market Studies*, 1991, vol. 29, no. 3, pp. 269–290. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1991.tb00393.x>
13. Tsirenschikov V. S. *Scientific and technical integration of Western Europe.* Moscow, Nauka Publ., 1992. 144 p. (in Russian).
14. Pletnev K. I. *International scientific and technical cooperation.* Moscow, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2006. 42 p. (in Russian).
15. Vodopyanova E. Russian-European scientific-technological cooperation: accumulated experience and possible prospects. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal = Belarusian Economic Journal*, 2011, no. 2 (55), pp. 21–30 (in Russian).
16. Gaikov V. T., Rzhevskii V. A. (eds.). *Fundamentals of state and law.* 2nd ed. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2000. 639 p. (in Russian).
17. D'yakonov I. M. Communities in the Ancient East in the works of Soviet researchers. *Vestnik drevnei istorii = Journal of Ancient History*, 1963, no. 1, pp. 16–34 (in Russian).
18. Vylegzhannin A. N. (ed.). *International law.* Moscow, Yurait Publ., 2010. 1003 p. (in Russian).
19. Biryukov P. N. *International law.* 5nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2011. 793 p. (in Russian).

20. Anufrieva L. P., Melkov G. M., Panov V. P., Shinkaretskaya G. G., Shumilov V. M. *International law*. Moscow, RIOR Publ., 2011. 720 p. (in Russian).
21. Kuzemkina G. M. *Fundamentals of scientific research*. Gomel, Belarusian State University of Transport, 2005. 82 p. (in Russian).
22. Kotlyarevskii N. *Imperial Academy of Sciences during the reign of Emperor Nicholas II*. Petrograd, Imperial Academy of Sciences, 1915. 13 p. (in Russian).
23. Volgin V. P. (ed.). *Historical sciences: essays on the history of the Academy of Sciences*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1945. 43 p. (in Russian).
24. Nekrasov S. I., Nekrasova N. A. *Philosophy of science and technology: thematic dictionary*. Orel, Orel State University, 2010. 289 p. (in Russian).
25. Petrov F. P. *International scientific and technical cooperation: status, goals, prospects*. Moscow, Mezhdunarondye otnosheniya Publ., 1971. 357 p. (in Russian).
26. Ashavskii B. M., Borisov K. G., Boyarshinov V. G., Kolosov Yu. M., Kuznetsov V. I. *International law*. 2nd ed. Moscow, Mezhdunarondye otnosheniya Publ., 1998. 619 p. (in Russian).
27. *From the history of international scientific and technical cooperation in Russia: an annotated list of documents*. Samara, Branch of the Russian State Archives of Scientific and Technical Documentation, 2007. 344 p. (in Russian).
28. On cooperation in the USSR: Law of the USSR of May 26, 1988, no. 8998-XI. *ConsultantPlus. Russia: reference legal system* (accessed 23.10.2024) (in Russian).

Інформація об авторе

Бударіна Натал'я Анатольевна – заведуючий сектором правового обезпечення міжнародного научно-технического сотрудничества. Центр системного аналіза і стратегіческих дослідів, Національна академія наук Беларусі (пр. Независимості, 66, 220072, Мінськ, Республіка Беларусь).

E-mail: ur_otdel_academii@mail.ru

Information about the author

Natalia A. Budaryna – Head of the Legal Support Sector international scientific and technical cooperation. Center for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus (Nezavisimosti Ave., 66, Minsk 220072, Belarus).

E-mail: ur_otdel_academii@mail.ru

ЭКАНОМИКА
ECONOMICS

УДК 33.339.9
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-336-349>

Поступила в редакцию 27.05.2025
Received 27.05.2025

Чжао Цинцю

Институт экономики Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОЦЕНКЕ СТЕПЕНИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СУЩЕСТВУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ С УЧАСТИЕМ МАЛОГО
И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Аннотация. В статье с учетом китайского опыта определена актуальность более активного участия организаций малого и среднего предпринимательства (МСП) в развитии межрегиональных связей с другими странами. С целью выявления дополнительных источников наращивания межрегионального сотрудничества Беларусь обоснована необходимость оценки степени использования МСП имеющегося регионального потенциала по развитию торговых, производственных, инвестиционных, научно-инновационных межрегиональных связей, а также сотрудничества регионов в сфере культуры, образования и здравоохранения. В обобщенном виде представлена существующая методическая база по оценке регионального потенциала, в том числе для развития бизнеса. Предложены авторские методические рекомендации для оценки степени использования потенциала белорусских регионов для развития межрегиональных связей с участием МСП, содержащие одиннадцать последовательных шагов. Инструментами проведения оценки выступили индексный метод с применением статистических данных и количественных показателей; сравнительный анализ на основе интегральной оценки уровня развития и использования регионального потенциала межрегиональных связей с участием МСП по отдельным направлениям; метод ранжирования регионов; метод экспертных оценок для определения весовых коэффициентов по применяемым показателям. По результатам апробации методической разработки определены ключевые тенденции в рассматриваемой сфере: а) преобладание тенденции к использованию в полном объеме имеющегося регионального потенциала по разным направлениям деятельности МСП, при этом определено недостаточное использование созданной в регионах бизнес-среды, исключение составляет только г. Минск; б) наиболее полное использование потенциала имеет место в производственной сфере во всех областях, исключая Минскую область, г. Минск, где деятельность МСП соответствует существующему потенциалу; в) промышленно развитые области обеспечивают ведущие позиции в рейтинге регионов по участию МСП в производственной, инвестиционной и внешнеторговой сферах (Витебская, Гомельская, Могилевская, Минская области); г) лидерами в рейтинге регионов по использованию МСП туристического потенциала оказались Гродненская, Брестская область и г. Минск.

Ключевые слова: бизнес-среда, малое и среднее предпринимательство, межрегиональные связи, методическая разработка, потенциал, регион

Для цитирования: Чжао Цинцю. Методические рекомендации по оценке степени использования существующего потенциала белорусских регионов для развития межрегиональных связей с участием малого и среднего предпринимательства / Чжао Цинцю // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 4. – С. 336–349 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-336-349>

Zhao Qingqiu

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS FOR ASSESSING THE DEGREE OF USE OF THE
EXISTING POTENTIAL OF BELARUSIAN REGIONS FOR THE DEVELOPMENT OF INTERREGIONAL
RELATIONS WITH THE PARTICIPATION OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP**

Abstract. The article, taking into account the Chinese experience, determines the relevance of more active participation of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the development of interregional relations with other countries. In order to identify additional sources of increasing interregional cooperation in Belarus, the need to assess the degree of use of the exis-

ting regional potential by SMEs for the development of trade, production, investment, scientific and innovative interregional relations, as well as cooperation of regions in the field of culture, education and healthcare is substantiated. The existing methodological base for assessing regional potential, including for business development, is presented in a generalized form. The author's methodological recommendations for assessing the degree of use of the potential of Belarusian regions for the development of interregional relations with the participation of SMEs, containing 11 consecutive steps, are proposed. The tools for conducting the assessment were the index method using statistical data and quantitative indicators; comparative analysis based on an integrated assessment of the level of development and use of the regional potential of interregional relations with the participation of SMEs in certain areas; the method of ranking regions, and the method of expert assessments was used to determine the weighting coefficients for the indicators used. Based on the results of testing the methodological development, the key trends in the area under consideration were identified: a) the prevalence of the tendency to fully use the existing regional potential in various areas of SME activity, while at the same time insufficient use of the business environment created in the regions was determined, with the exception of Minsk; b) the most complete use of the potential takes place in the production sphere in all regions, excluding Minsk region, the city of Minsk, where SME activity corresponds to the existing potential; c) industrially developed regions provide leading positions in the rating of regions in terms of SME participation in production, investment and foreign trade (Vitebsk, Gomel, Mogilev, Minsk regions); d) the leaders in the rating of regions in terms of the use of tourism potential by SMEs were Grodno, Brest region and the city of Minsk, etc.

Keywords: business environment, small and medium entrepreneurship, interregional relations, methodological development, potential, region

For citation: Zhao Qingqiu. Methodological recommendations for assessing the degree of use of the existing potential of Belarusian regions for the development of interregional relations with the participation of small and medium entrepreneurship. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 4, pp. 336–349 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-336-349>

Введение. Одним из ключевых направлений развития экономического сотрудничества Беларуси и Китая является углубление межрегиональных связей. Существенным резервом более активного межрегионального белорусско-китайского взаимодействия может стать включение в этот процесс организаций малого и среднего предпринимательства (МСП) [1; 2].

В Китае вопросу развития внешнеэкономической деятельности МСП придается большое значение. Так, в системе органов местной власти провинций созданы департаменты торговли, в сфере ответственности которых входит регулирование деятельности малого и среднего бизнеса на провинциальном уровне. Она связана с разработкой региональных стратегий развития бизнеса в провинциях с учетом расширения возможности экспорта и внешнего инвестирования; содействием со стороны местных властей формированию бренда экспортаемой продукции МСП; выдачей лицензий на экспорт; информационным обеспечением развития бизнес-структур; оказанием финансовой поддержки МСП. Во многих провинциях созданы и функционируют неправительственные провинциальные советы по развитию международной торговли [3].

Участие МСП в белорусско-китайских межрегиональных связях также требует дополнительной государственной поддержки в рамках разработки совместных мер по развитию этого направления сотрудничества двух стран. Для этого предварительно необходим более глубокий анализ уровня использования уже имеющегося регионального потенциала для участия МСП в межрегиональных связях и, соответственно, развитие методического инструментария для этих целей.

Анализ существующих методических разработок в области оценки бизнес-среды и экономического потенциала регионов для развития организаций МСП, включая их внешнеэкономическую деятельность, позволил выделить следующие различия применяемых подходов [4–13]:

а) анализ проводится на различных управленческих уровнях: *предприятие, регион и национальная экономика*, а также *межстрановый сравнительный анализ*;

б) методики по оценке бизнес-среды в одних случаях ориентированы на анализ условий *экономической деятельности бизнес-структур в целом*, а в других – на их *внешнеэкономические связи*. В числе последних имеются методические разработки применительно к сотрудничеству стран с Китайской Народной Республикой;

в) имеющиеся методические наработки различаются по методам анализа. В частности, применяются *опросы субъектов хозяйствования*, *expertные оценки* представителей профессиональных кругов, проводится *анализ количественных показателей*, оценки осуществляются также на основе *эконометрических методов анализа*;

г) наиболее выраженным признаком различий существующих в литературе методических подходов является *набор оценочных показателей*.

В числе наиболее значимых методических разработок в аспекте поставленной цели следует отметить следующее:

1) *методику расчета индекса привлекательности бизнеса в провинциях КНР для российских предпринимателей*, предложенную экспертами Российско-Азиатского Союза промышленников и предпринимателей. Авторами для оценки было использовано 40 количественных и качественных показателей в рамках 9 группировок: оценка уровня экономического развития регионов, уровень развития финансового сектора, оценка привлекательности провинций для иностранных инвестиций, оценка уровня социального развития провинций; анализ интенсивности экономических связей российского бизнеса с КНР, оценка налоговой системы, качество государственного управления [9];

2) *методику построения рейтинга устойчивости и развития бизнеса в регионах Российской Федерации на основе опросов по следующим направлениям*: а) текущее состояние бизнеса (риски закрытия бизнеса, перспективы расширения бизнеса, готовность создавать рабочие места); б) развитость инфраструктуры для ведения бизнеса; в) готовность развивать импортозамещение; г) уровень государственной поддержки бизнеса [10].

3) *национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации*, включающий показатели по следующим направлениям: а) регуляторная среда (качество предоставления государственных услуг); б) институты для бизнеса (наличие законодательства, защищающего права инвесторов, механизмы поддержки инвестиционной деятельности, оценка уровня коррупции и развития механизмов ГЧП); в) инфраструктура и ресурсы (показатели работы и уровня инфраструктуры, доступности ресурсов для ведения бизнеса и инвестиционной деятельности); г) поддержка малого и среднего предпринимательства [11].

4) *методику определения интегрального индекса конкурентоспособности регионов*, реализованную в Национальном отчете ПРООН о человеческом развитии «Конкурентные преимущества регионов Беларусь», которая включала экономическую, экологическую, социальную, инновационную и институциональную составляющие, а также человеческое развитие. Особенность подбора индикаторов заключалась в том, что они определяют уровень конкурентоспособности, а не конкурентные условия и факторы региона. Другими словами, выражают результативность деятельности, эффективность использования ресурсов и факторов, достигнутые эффекты, а не условия и предпосылки этих процессов [12];

5) *методику комплексной оценки социально-экономического потенциала районов Республики Беларусь, пострадавших от аварии на ЧАЭС*, выполненную в Институте экономики НАН Беларуси. В данной работе по предложенной системе показателей сравниваются результаты оценки уровня имеющегося социально-экономического потенциала 21 района страны, пострадавшего от аварии на ЧАЭС, с полученными результатами оценки уровня использования социально-экономического потенциала указанных районов [13].

Используя и развивая имеющиеся научные разработки, автор создал методические рекомендации по оценке соответствия между уровнем развития и степенью использования существующего потенциала белорусских регионов для развития различных видов межрегиональных связей с участием МСП. С учетом того, что в настоящее время отсутствует статистика по межрегиональным связям Беларусь и КНР, авторская разработка имеет универсальный характер в аспекте географии внешнеэкономических связей регионов Беларусь.

Основная часть. Объектом анализа предложенного методического подхода впервые определен реализованный потенциал регионов для развития межрегиональных связей с участием организаций малого и среднего предпринимательства по сравнению с имеющимся потенциалом.

Авторские методические рекомендации имеют и другие отличия от преобладающих в литературе методических разработок, нацеленных на анализ региональной бизнес-среды, в том числе применительно к организациям МСП.

Во-первых, методическая разработка исходит из того, что для формирования бизнес-среды для МСП в межрегиональном сотрудничестве необходимо использовать *дифференцированный*

подход к развитию различных форм межрегионального экономического взаимодействия регионов. С учетом этого в рамках предложенного подхода оценка бизнес-среды организаций МСП проводится *по отдельным направлениям международных межрегиональных связей* (внешнеторговые, производственные, инновационные, инвестиционные и туристические связи, связи регионов в области культуры, образования и здравоохранения), а также содержит анализ общих условий для включения МСП в межрегиональное сотрудничество.

Во-вторых, методические рекомендации *предполагают сравнительную оценку степени использования и уровня развития существующего регионального потенциала для развития межрегиональных связей с участием МСП*, для осуществления которой предложен авторский комплекс показателей, исходя из доступной для Беларуси статистики и логики анализа.

Таким образом, задачами авторских методических рекомендаций являются: а) оценка уровня имеющегося потенциала областей Беларуси по развитию различных видов межрегиональных связей с участием МСП за период 2019–2023 гг.; б) оценка уровня использования потенциала областей Беларуси по развитию различных видов межрегиональных связей с участием МСП, в том числе белорусско-китайских межрегиональных связей за период 2019–2023 гг.; в) проведение сравнительной оценки уровня развития и использования потенциала областей Беларуси по формированию различных видов межрегиональных связей с участием МСП (внешнеторговые, производственные, инновационные, инвестиционные, туристические связи, а также связи регионов в области культуры, образования и здравоохранения); г) типологизация регионов по уровню активности МСП во внешнеэкономической деятельности и, следовательно, по потенциалу их участия в межрегиональном сотрудничестве с другими странами; д) определение ключевых тенденций развития внешнеэкономической деятельности регионов с участием МСП.

Инструментами проведения оценки выступают: индексный метод с применением статистических данных и количественных показателей; сравнительный анализ на основе интегральной оценки уровня развития и использования регионального потенциала межрегиональных связей с участием МСП; метод ранжирования регионов, а также метод экспертных оценок для определения весовых коэффициентов по применяемым показателям.

Алгоритм оценки уровня развития и использования потенциала региона по совершенствованию различных видов межрегиональных связей с участием МСП проводится пошагово и в соответствии со следующим содержанием.

Шаг 1. *Определение составляющих, по которым будут осуществляться оценка уровня развития регионального потенциала и оценка степени его использования для развития различных видов межрегиональных связей с участием МСП.* Состав составляющих для анализа должен соответствовать видам межрегионального сотрудничества и отражать региональный потенциал для их развития. Учитывая это положение, определены следующие семь составляющих или компонентов анализа:

- 1) в целом бизнес-среда региона для развития МСП;
- 2) региональный производственно-экономический потенциал для развития МСП и участия во внешнеэкономической деятельности;
- 3) региональный инвестиционный потенциал МСП для участия во внешнеэкономической деятельности;
- 4) инновационный потенциал региона для участия МСП во внешнеэкономических связях;
- 5) внешнеторговый потенциал МСП региона;
- 6) туристический потенциал МСП региона;
- 7) потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения для развития межрегиональных связей с участием МСП.

Шаг 2. *Подбор индикаторов оценки уровня развития и степени использования потенциала областей для совершенствования различных видов межрегиональных связей с участием МСП.* Перечень индикаторов и источники получения статистической информации приведены в табл. 1.

Шаг 3. *Формирование информационной базы оценки в соответствии с разработанным перечнем показателей – осуществляется на основе данных государственной, ведомственной статистической отчетности за базовый годовой период 2019 г. и последний отчетный годовой период*

2023 г. При отсутствии информации использовались данные за 2018 и 2022 гг. В частности, для расчетов были использованы:

данные Национального статистического комитета (статистические сборники «Регионы Республики Беларусь», «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь», «Отдельные статистические показатели деятельности организаций Республики Беларусь с участием иностранного капитала в уставных фондах») [14; 15];

информация Министерства экономики Республики Беларусь о результатах реализации Государственной программы «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 гг.) [16]. Кроме того, данные получены по запросу в органы государственного управления (Посольство КНР в Беларусь, Министерство спорта и туризма).

Шаг 4. Нормирование фактических значений предложенных индикаторов с целью сопоставимости оценок по показателям и составляющим – проводится методом линейного преобразования по следующим формулам:

при прямой зависимости уровня развития и использования потенциала региона от величины индикатора (1);

при обратной зависимости уровня развития и использования потенциала региона от величины индикатора (2):

$$x_{\text{норм}} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (1)$$

$$x_{\text{норм}} = \frac{x_{\max} - x}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (2)$$

где $x_{\text{норм}}$ – нормированное значение индикатора (диапазон от 0 до 1); x – фактическое значение индикатора для оцениваемого региона; x_{\max}, x_{\min} – максимальное и минимальное фактические значения индикатора по совокупности регионов.

Шаг 5. Определение методом экспертных оценок с привлечением профильных специалистов весовых коэффициентов значимости каждого индикатора (индикаторов оценки уровня развития потенциала и индикаторов степени использования потенциала областей для развития различных видов межрегиональных связей с участием МСП).

Значения весовых коэффициентов значимости индикаторов представлены в табл. 1.

Таблица 1. Индикаторы оценки развития и использования потенциала региона и весовые коэффициенты их значимости по различным направлениям межрегионального сотрудничества с участием МСП

Table 1. Indicators for assessing the development and use of the region's potential and weighting coefficients of their importance in various areas of interregional cooperation with the participation of small and medium enterprises

Индикаторы оценки существующего потенциала региона по различным направлениям	Индикаторы использования потенциала региона по различным направлениям
Бизнес-среда региона для развития МСП	
Количество субъектов инфраструктуры поддержки МСП (центры поддержки и инкубаторы МСП), ед.*	Удельный вес ВДС, формируемой субъектами МСП в общем объеме ВДС региона, %
Весовой коэффициент значимости индикатора 0,4	Весовой коэффициент значимости индикатора -0,25
Упрощение регуляторных условий МСП (коэффициент активности МСП), коэффициент*	Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме валового регионального продукта, %
Весовой коэффициент значимости индикатора -0,2	Весовой коэффициент значимости индикатора -0,25
Объемы финансирования мероприятий Государственной программы из местных бюджетов*	<p>Количество организаций МСП на 1 000 человек населения, ед./тыс. чел.</p> <p style="text-align: center;">Весовой коэффициент значимости индикатора -0,25</p> <p>Удельный вес численности работников организаций МСП в количестве занятых в регионе, %</p>

Продолжение табл. 1

Индикаторы оценки существующего потенциала региона по различным направлениям	Индикаторы использования потенциала региона по различным направлениям
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,4	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25
Производственно-экономический потенциал региона для участия МСП в межрегиональных (внешнеэкономических) связях	
Доля организаций МСП в общем количестве организаций региона, %	Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг организаций МСП на одного занятого в секторе МСП, тыс. руб.
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3
Отношение количества организаций с иностранным капиталом в уставных фондах в регионе к общей численности занятых в этих организациях, коэффициент	Чистая прибыль на одного занятого, тыс. руб./занятого в секторе МСП
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Объем промышленного производства организаций МСП в расчете на душу населения в регионе, тыс. руб./чел.	Рентабельность продаж субъектов МСП, %
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Объем подрядных работ организаций МСП, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» в расчете на душу населения в секторе МСП, тыс. руб.	↓ Удельный вес убыточных организаций МСП, %
	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Инвестиционный потенциал региона для участия МСП в межрегиональных (внешнеэкономических) связях	
Объем инвестиций в основной капитал МСП на одного занятого, тыс. руб. на человека в МСП	Доля прямых иностранных инвестиций в общем объеме поступления иностранных инвестиций в сектор МСП, %
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,4
Удельный вес инвестиций в основной капитал МСП в общем объеме инвестиций в основной капитал в регионе, %	Абсолютная эффективность инвестиций в основной капитал МСП,
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25	коэффициент рассчитывается как абсолютный прирост объема промышленного производства к предыдущему году организаций МСП/инвестиций в основной капитал МСП
Поступление иностранных инвестиций в реальный сектор на одного занятого в организациях МСП, тыс. долл. США	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,5
Научно-инновационный потенциал региона для развития межрегиональных (внешнеэкономических) связей	
Удельный вес инновационно-активных организаций в общем числе обследованных организаций промышленности, %	Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности, %
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,5
Доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности занятых, %	Удельный вес отгруженной инновационной продукции промышленности за пределы Республики Беларусь в общем объеме отгруженной инновационной продукции промышленности, %

Продолжение табл. 1

Индикаторы оценки существующего потенциала региона по различным направлениям	Индикаторы использования потенциала региона по различным направлениям
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,15	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,5
Доля работников, имеющих ученую степень доктора наук и кандидата наук, в общей численности исследователей, %	
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1	
Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки, % к ВРП	
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25	
Затраты на инновации организаций промышленности к объему промышленного производства, %	
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3	
Внешнеторговый потенциал региона для участия МСП в межрегиональных (внешнеторговых) связях	
Количество организаций МСП, осуществлявших экспорт и (или) импорт товаров в регионе, ед.	Объем экспорта товаров организаций МСП и услуг на единицу выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг МСП в регионе, млн руб.
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,4	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Денежные доходы в регионе в расчете на душу населения, руб. в месяц	Объем экспорта товаров и услуг на одного занятого в секторе МСП, долл. США
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Доля предприятий МСП в общем объеме экспорта товаров региона, %	Объем импорта товаров МСП в регионе, млн долл. США
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Доля розничного товарооборота организаций МСП иностранной формы собственности в общем объеме розничного товарооборота организаций частной формы собственности в регионе, %**	Сальдо внешней торговли товарами организаций МСП в регионе, млн долл. США
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Доля товарооборота общественного питания организаций МСП иностранной формы собственности в общем объеме товарооборота организаций общественного питания частной формы собственности в регионе, %**	Доля внешней торговли товарами в регионе организаций с иностранным капиталом в уставных фондах (СП и ИП) в общем объеме внешней торговли товарами в регионе, %
	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1
	Доля внешней торговли услугами в регионе организаций с иностранным капиталом в уставных фондах (СП и ИП) в общем объеме внешней торговли услугами в регионе, %
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1
Потенциал региона в развитии межрегиональных (внешнеэкономических) туристических связей с участием	
Численность объектов историко-культурного наследия, ед.	Численность размещенных в санаторно-курортных и оздоровительных организациях и других специализированных средствах размещения, тыс. чел.
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1
Количество санаторно-курортных, оздоровительных организаций и других специализированных средств размещения, ед.	Численность иностранных туристов, тыс. чел.

Окончание табл. 1

Индикаторы оценки существующего потенциала региона по различным направлениям	Индикаторы использования потенциала региона по различным направлениям
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Численность организаций, осуществлявших туристическую деятельность в регионе, ед.	Численность иностранных туристов, обслуженных субъектами агроэкотуризма, чел.
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25
Численность субъектов агроэкотуризма в регионе, ед.	Численность туристов и экскурсантов, выехавших из Республики Беларусь за границу, тыс. чел.
	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25
	Количество созданных специализированных туристических маршрутов для туристов из КНР, ед. ***
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,25	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2
Потенциал развития региона в осуществлении межрегиональных связей с участием МСП в области культуры, образования, здравоохранения	
Численность практикующих врачей на 10 000 жителей населения, чел.	Объем платных услуг, оказанных населению по областям и г. Минску сектором МСП, тыс. руб.
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,05	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1
Численность больничных организаций, ед.	Количество договоров побратимских связей с КНР в регионе, ед.
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,05	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3
Численность участников клубных образований, чел.	Количество институтов Конфуция в регионе, ед. ***
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3
Численность музеев в регионе, ед.	Количество студентов из КНР, обучающихся в вузах в регионах, чел. ***
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2	
Численность физкультурно-спортивных сооружений в регионе, ед.	
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1	
Численность учреждений высшего образования (на начало учебного года), ед.	
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,1	
Количество студентов, обучающихся в учреждениях высшего образования, чел.	
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2	
Выпуск специалистов с дипломом о высшем образовании и дипломом магистра на 10 000 человек населения, занятого в экономике, чел.	
Весовой коэффициент значимости индикатора –0,2	Весовой коэффициент значимости индикатора –0,3

Источник: Статистические сборники «Регионы Республики Беларусь» и «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь».

Примечание. * По данным Минэкономики (результаты реализации Государственной программы «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 гг.); ** данные из статистического сборника «Отдельные статистические показатели деятельности организаций Республики Беларусь с участием иностранного капитала в уставных фондах»; *** данные получены по запросу в органы государственного управления.

Шаг 6. Расчет сводных индексов оценки уровня развития потенциала региона для развития межрегиональных связей с участием МСП по отдельной составляющей осуществляется по формуле многомерной средней с учетом весовых коэффициентов значимости каждого индикатора в рамках анализируемого направления по формуле:

$$r_{\text{потенц}} = \sqrt[2]{\sum_1^n k_i \times x_{\text{норм}}^2}, \quad (3)$$

где $r_{\text{потенц}}$ – частный индекс оценки потенциала j -го региона по компоненту r ; k_i – весовой коэффициент значимости индикатора потенциала i ; $\sum_1^n k_i = 1$; $x_{\text{норм}}^2$ – нормированное значение индикатора потенциала i для j -го региона; n – количество индикаторов потенциала по компоненту r .

Шаг 7. Аналогично осуществляется расчет сводного индекса оценки уровня использования потенциала региона для развития межрегиональных связей с участием МСП по соответствующей составляющей с учетом индикаторов оценки уровня использования данного потенциала по следующей формуле:

$$r_{\text{исп.потенц}} = \sqrt[2]{\sum_1^n k_i \times x_{\text{норм}}^2}, \quad (4)$$

где $r_{\text{исп.потенц}}$ – частный индекс оценки уровня использования потенциала j -го региона по компоненту r ; k_i – весовой коэффициент значимости индикатора уровня использования потенциала i ; $\sum_1^n k_i = 1$, $x_{\text{норм}}^2$ – нормированное значение индикатора уровня использования потенциала i для j -го региона; n – количество индикаторов уровня использования потенциала региона по компоненту r .

Шаг 8. Расчет коэффициентов степени использования потенциала региона по каждой составляющей рассчитывается как отношение сводного индекса оценки уровня развития потенциала региона для развития межрегиональных связей с участием МСП по отдельной составляющей к сводному индексу уровня использования данного потенциала региона для развития межрегиональных связей с участием МСП по следующей формуле:

$$I_{rj} = \begin{cases} \frac{r_{\text{исп.потенц}}}{r_{\text{потенц}}}, & \text{если } r_{\text{потенц}} > 0; \\ 0, & \text{если } r_{\text{потенц}} = 0, \end{cases} \quad (5)$$

где I_{rj} – коэффициент степени использования потенциала j -й АТЕ по компоненту r .

Шаг 9. Расчет показателя отклонения коэффициента степени использования потенциала региона от базы по каждой составляющей осуществляется по следующей формуле. В качестве базы принимается 1:

$$\Delta I_{rj} = I_{rj} - 1. \quad (6)$$

Если значение показателя степени отклонения коэффициента больше 0 (положительное), то в области *имеющийся потенциал используется в достаточной степени*.

Если значение показателя степени отклонения коэффициента меньше 0 (отрицательное), то в области *не в полной мере используется имеющийся потенциал*.

Если значение показателя степени отклонения коэффициента находится в пределах 0 (с небольшим отклонением в десятые или сотые доли), то развитие МСП и его участие во внешнеэкономической деятельности соответствует имеющемуся потенциалу в этой части.

Шаг 10. Группировка регионов по типам в зависимости от степени использования потенциала для развития межрегиональных связей с участием МСП (по результатам расчетов коэффициентов на шаге 9)¹.

Шаг 11. Определение ключевых тенденций развития внешнеэкономической деятельности регионов с участием МСП по результатам ранжирования и группировки областей по типам в аспекте использования регионального потенциала по различным составляющим внешнеэкономической деятельности и межрегиональных связей с участием МСП.

По результатам аprobации предложенного методического подхода получены следующие значения коэффициента степени использования потенциала региона по различным составляющим и информация об отнесении региона к определенному типу по разным направлениям межрегионального сотрудничества (табл. 2).

Таблица 2. Показатели коэффициента степени использования потенциала регионов по различным составляющим внешнеэкономической деятельности и межрегиональных связей с участием МСП

Table 2. Indicators of the coefficient of the degree of use of the potential of regions for various components of foreign economic activity and interregional relations with the participation of small and medium-sized enterprises

Регион (область)	Составляющие, или направления внешнеэкономических (межрегиональных) связей	Коэффициент степени использования потенциала региона		Тип региона по степени использования потенциала
		2019	2023	
Брестская	Развитие бизнес-среды региона	-0,42	-0,62	-
	Производственно-экономический потенциал	4,65	1,72	+++
	Инвестиционный потенциал	0,13	0,0	+
	Научно-инновационный потенциал	-0,16	-0,47	+
	Внешнеторговый потенциал	1,42	1,9	+++
	Туристический потенциал	0,63	0,48	+
	Потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения	-0,29	-0,22	+
Гомельская	Развитие бизнес-среды региона	-0,96	-1,0	-
	Производственно-экономический потенциал	5,17	8,44	+++
	Инвестиционный потенциал	54,88	55,95	+++
	Научно-инновационный потенциал	1,52	0,31	+
	Внешнеторговый потенциал	2,88	3,07	+++
	Туристический потенциал	-0,78	-0,63	-
	Потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения	0,09	-0,24	+
Минская	Развитие бизнес-среды региона	0,3	0,02	+
	Производственно-экономический потенциал	-0,39	-0,25	+
	Инвестиционный потенциал	0,19	0,63	++
	Научно-инновационный потенциал	0,82	1,3	+++

¹ Для группировки областей и г. Минска по степени использования потенциала для развития межрегиональных связей с участием МСП разработана следующая шкала:

а) при отрицательном значении коэффициента степени использования потенциала региона: «от 0 до -0,5» – участие МСП во внешнеэкономической деятельности региона соответствует имеющемуся потенциалу; «от -0,5 до -1,0» – при участии МСП во внешнеэкономической деятельности региона в недостаточной степени используется имеющийся региональный потенциал; «свыше -1,0» – участие МСП во внешнеэкономических связях региона требует более активных действий для полного использования имеющего регионального потенциала;

б) при положительном значении коэффициента степени использования потенциала региона: «от 0 до 0,5» – участие МСП во внешнеэкономической деятельности региона соответствует имеющемуся потенциалу; «от 0,5 до 1,0» – при участии МСП во внешнеэкономической деятельности региона в достаточной степени используется имеющийся региональный потенциал; «свыше -1,0» – участие МСП во внешнеэкономических связях региона требует более активных действий для полного использования имеющего регионального потенциала; «свыше 1,0» – имеет место активное участие МСП во внешнеэкономических связях региона на основе более полного использования имеющего регионального потенциала.

Окончание табл. 2

Регион (область)	Составляющие, или направления внешнеэкономических (межрегиональных) связей	Коэффициент степени использования потенциала региона		Тип региона по степени использования потенциала
		2019	2023	
	Внешнеторговый потенциал	0,92	0,48	++
	Туристический потенциал	0,05	0,09	+
	Потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения	-0,19	-0,08	+
Витебская	Развитие бизнес-среды региона	-0,82	-0,57	-
	Производственно-экономический потенциал	74,51	4,96	+++
	Инвестиционный потенциал	0,05	-0,8	+
	Научно-инновационный потенциал	2,3	2,3	+++
	Внешнеторговый потенциал	0,42	0,39	+
	Туристический потенциал	-0,68	-0,66	-
	Потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения	-0,40	-0,41	+
Гродненская	Развитие бизнес-среды региона	-0,72	-0,79	-
	Производственно-экономический потенциал	-0,02	1,97	+++
	Инвестиционный потенциал	-1,0	-0,12	-
	Научно-инновационный потенциал	0,64	-1,0	-
	Внешнеторговый потенциал	0,8	0,83	++
	Туристический потенциал	0,95	0,14	+
	Потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения	-0,57	-0,99	-
Могилевская	Развитие бизнес-среды региона	-0,28	-0,69	-
	Производственно-экономический потенциал	0,88	2,04	+++
	Инвестиционный потенциал	0,89	0,01	+
	Научно-инновационный потенциал	0,86	-0,44	+
	Внешнеторговый потенциал	0,01	0,88	++
	Туристический потенциал	-0,82	-0,50	-
	Потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения	-0,73	-0,42	-
г. Минск	Развитие бизнес-среды региона	0,0	0,11	+
	Производственно-экономический потенциал	0,2	-0,04	+
	Инвестиционный потенциал	0,06	-0,44	+
	Научно-инновационный потенциал	-0,42	-0,51	-
	Внешнеторговый потенциал	-0,19	-0,14	+
	Туристический потенциал	0,59	0,34	+
	Потенциал региона в сфере культуры, образования и здравоохранения	0,25	0,44	+

Источник: расчеты автора.

Примечание. «+» – участие МСП в различных направлениях внешнеэкономической деятельности региона соответствует имеющемуся потенциалу; «++» – при участии МСП во внешнеэкономической деятельности региона в достаточной степени используется имеющийся региональный потенциал; «+++» – имеет место активное участие МСП во внешнеэкономических связях региона на основе более полного использования имеющего регионального потенциала; «–» – при участии МСП во внешнеэкономической деятельности региона в недостаточной степени используется имеющийся региональный потенциал.

Заключение. Обобщая полученные данные и сопоставляя их с разработанной шкалой типов регионов, можно сделать следующие выводы:

во всех областях Беларуси преобладает тенденция использования в полном объеме имеющегося потенциала по разным направлениям деятельности МСП;

наиболее полное использование потенциала имеет место в производственной сфере во всех областях, исключая Минскую область и г. Минск, где результаты показали, что деятельность МСП соответствует существующему потенциалу;

промышленно развитые области обеспечивают ведущие позиции в рейтинге регионов по участию МСП в производственной, инвестиционной и внешнеторговой сферах (Витебская, Гомельская, Могилевская, Минская области);

лидерами в рейтинге регионов по использованию МСП туристического потенциала оказались Гродненская, Брестская область и г. Минск;

в недостаточной степени используется имеющийся региональный потенциал организациями МСП в сфере культуры, образования и здравоохранения в Могилевской и Гродненской областях;

доминирующей тенденцией стало недостаточное использование МСП созданной в регионах бизнес-среды, исключение составляет только г. Минск.

В **Брестской области** бизнес-среда используется организациями МСП недостаточно полно, имеются резервы наращивания активности МСП. Это касается участия МСП в реализации научно-инновационного потенциала, а также в сфере культуры, образования и здравоохранения.

Наиболее активное участие МСП в части реализации имеющего регионального потенциала имеет место в области производственной деятельности и, соответственно, экспорта производимой продукции. Наметилась тенденция к более полному использованию туристического потенциала области.

Гомельская область демонстрирует высокий уровень реализации производственного и внешнеторгового потенциала, а также достаточный уровень использования научно-инновационного потенциала, что связано с ростом государственного инвестирования в регион и притоком иностранного капитала, а также увеличением импортных поставок. Вместе с тем организации МСП недостаточно задействованы в туристической деятельности и по сравнению с другими регионами их вклад в региональное экономическое развитие находится на нижнем уровне, что требует полнее использовать созданную в области бизнес-среду.

Для **Минской области** характерны следующие тенденции в использовании регионального потенциала. Наиболее полно организациями МСП используется инвестиционный, научно-инновационный потенциал, а также потенциал в сфере культуры, образования и здравоохранения. В рейтинге регионов по этим позициям Минская область занимает вторые места. МСП также активно участвуют во внешнеэкономической деятельности. В то же время производственно-экономический потенциал региона используется в недостаточной мере, учитывая, что по количеству организаций МСП область уступает только г. Минску.

Особенность деятельности МСП в **Витебской области** выражается в их сильных позициях в производственной и научно-инновационной сферах. Это объясняется активной инвестиционной политикой государства в регионе и развитием кластерных производственно-экономических связей с участием МСП и организаций научной сферы. Однако туристический потенциал региона, несмотря на имеющиеся ресурсы, не реализован в полной мере. Требует также дополнительной поддержки развитие МСП в сферах культуры, образования и здравоохранения, что сможет быть востребовано в развитии межрегионального сотрудничества.

Малые и средние организации **Гродненской области** занимают лидирующие позиции в туристической сфере. Если ориентироваться на разработанные автором типы регионов, то можно сделать вывод, что МСП не в полной мере используют созданную бизнес-среду в области, а также региональные условия в сфере культуры, образования и здравоохранения, при этом имеют сильные внешнеторговые и производственные позиции.

Могилевская область является аутсайдером по использованию потенциала в сфере туризма, культуры, здравоохранения. При этом наблюдается активность МСП во внешнеторговой, производственной, научно-инновационной деятельности, которая в отдельных случаях базируется на значительной государственной поддержке. В последнее время стала проявляться тенденция к неполному использованию МСП бизнес-среды региона.

Результаты группировки регионов показали, что **г. Минск** находится в группе, где участие МСП в анализируемых видах деятельности соответствует имеющемуся потенциалу. Исключение составляет научно-инновационный потенциал, где обнаружено недостаточное использование организациями малого и среднего бизнеса существующего потенциала.

В рейтинге регионов по использованию МСП инвестиционного и внешнеторгового потенциала столица также оказалась в аутсайдерах по сравнению с другими областями, где проводилась активная государственная инвестиционная политика в экспортноориентированные сферы, несмотря на то что использование потенциала Минска по указанным направлениям МСП соответствовало имеющемуся потенциалу.

Полученные результаты расчетов и выявленные тенденции использования регионального потенциала страны организациями малого и среднего предпринимательства для развития торговых, производственных, инвестиционных, научно-инновационных, туристических межрегиональных связей формируют научную основу для разработки практических мер по углублению межрегионального сотрудничества Беларуси с другими странами.

Список использованных источников

1. Опыт интеграции провинций Китайской Народной Республики в систему мировой экономики / Т. С. Вертина-ская, Д. В. Примшиц, Д. В. Береснев [и др.]; науч. ред.: В. И. Бельский, Т. С. Вертина-ская; НАН Беларусь, Ин-т экономики. – Минск: Бел. наука, 2021. – 236 с.
2. Межрегиональные связи Беларуси и Китая: состояние, проблемы и перспективы развития / Т. С. Вертина-ская, Д. В. Примшиц, А. Г. Боброва [и др.]; науч. ред.: В. И. Бельский, Т. С. Вертина-ская; НАН Беларусь; Ин-т экономики. – Минск: Бел. наука, 2020. – 323 с.
3. Чжао, Цинцю. Институциональные основы развития внешнеэкономической деятельности малого и среднего предпринимательства в КНР / Чжао Цинцю // Стратегия развития экономики Беларусь: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст.: в 2 т. / НАН Беларусь, Ин-т экономики НАН Беларусь. – Минск, 2023. – Т. 2. – С. 134–139.
4. Гасанов, Э. А. Потенциал малых инновационных фирм и методы его оценки / Э. А. Гасанов, Т. С. Бойко, Н. С. Фролова // Ученые заметки ТОГУ. – 2016. – Т. 7, № 4-1. – С. 750–756.
5. Мосейко, В. О. Многофакторная оценка экспортного потенциала малых и средних предприятий региона / В. О. Мосейко, Ю. М. Азмина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экономика. – 2012. – № 2 (21). – С. 63–71.
6. Елисеева, М. В. Методика оценки экспортного потенциала субъектов России / М. В. Елисеева // Экономические науки. – 2022. – № 8 (213). – С. 201–207. <https://doi.org/10.14451/1.213.201>
7. Растворцева, С. Н. Методика оценки экспортного потенциала региона на основе анализа влияния институциональных и инфраструктурных факторов / С. Н. Растворцева, Е. Э. Колчинская, С. А. Кравченко // Научные исследования: от теории к практике. – 2015. – № 5 (6). – С. 359–360.
8. Берченко, Н. Г. Центры и точки роста экономики регионов Республики Беларусь / Н. Г. Берченко, А. С. Мазан // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2020. – № 12. – С. 5–17.
9. Индекс перспективности провинций КНР для ведения бизнеса российскими компаниями: исследование // Российско-Азиатский Союз промышленников и предпринимателей. – URL: https://raspp.ru/business_news/prospective-chinese-regions/ (дата обращения: 18.03.2025).
10. Рейтинг устойчивости и развития бизнеса в регионах РФ // MAGRAM Market Research. – URL: https://magram.ru/upload/Отчет_Рейтинг%20устойчивости%20и%20развития%20бизнеса%20в%20регионах%20РФ.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
11. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, 2023. Методология и параметризация / Агентство стратег. инициатив. – М., 2023. – 127 с. – URL: https://investyakutia.ru/upload/iblock/ba5/50y3t3z8p827pxia2ly7y0hf1spns2w0/Методология_формирования_Национального_рейтинга_состояния_инвестиционного.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
12. Национальный отчет о человеческом развитии в Республике Беларусь, 2015: конкурентные преимущества регионов Беларусь / [United Nations Development Programme]. – Минск: ПРООН, 2015. – 205 с.
13. Рекомендации по ускоренному социально-экономическому развитию районов Республики Беларусь, пострадавших от аварий на ЧАЭС / В. Л. Гурский, М. Г. Булавицкая, Т. Г. Бочарова [и др.]; НАН Беларусь [и др.]. – Минск: Бел. наука, 2023. – 99 с.
14. Регионы Республики Беларусь, 2024 = Regions of the Republic of Belarus, 2024: стат. сб.: [в 2 т.] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Т. 1: Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. – 697 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135053/ (дата обращения: 12.12.2024).
15. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь, 2019 = Small and medium-sized business in the Republic of Belarus, 2019: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. – 212 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_13941/ (дата обращения: 12.12.2024).
16. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 56 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100056> (дата обращения: 12.02.2025).

References

1. Vertinskaya T. S., Primshits D. V., Beresnev D. V., Koleda O. A., Abramchuk N. A., Rumyantsev V. A., Bulavitskaya M. G., Avsyuk A. A. *Experience of integrating the provinces of the People's Republic of China into the world economic system*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 236 p. (in Russian).
2. Vertinskaya T. S., Primshits D. V., Bobrova A. G., Koleda O. A., Presnyakova E. V., Shcherbina N. M., Rumyantsev V. A., Skryabina T. A., Bulavitskaya M. G., Petrakova Yu. N., Avsyuk A. A. *Interregional relations between Belarus and China: status, problems and development prospects*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020. 323 p. (in Russian).
3. Zhao Q. Institutional foundations for the development of foreign economic activity of small and medium-sized enterprises in China. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizatsii i perspektivy: sbornik nauchnykh statei* [Strategy for the development of the economy of Belarus: challenges, implementation tools and prospects: collection of scientific articles]. Minsk, 2023, vol. 2, pp. 134–139 (in Russian).
4. Gasanov E. A., Boyko T. S., Frolova N. S. Capacity of small innovative firms and how to assess IT. *Uchenye zametki TOGU* [Scientific Notes of TGU], 2016, vol. 7, no. 4, pp. 750–756 (in Russian).
5. Moseiko V. O., Azmina Yu. M. Multifactor assessment of the export potential of small and medium regional enterprises. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 3. Economy. Ecology], 2012, no. 2 (21), pp. 63–71 (in Russian).
6. Eliseeva M. V. Methodology for assessing the export potential of Russian subjects. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2022, no. 8 (213), pp. 201–207 (in Russian). <https://doi.org/10.14451/1.213.201>
7. Rastvortseva S. N., Kolchinskaya E. E., Kravchenko S. A. Methodology for assessing the export potential of a region based on the analysis of the influence of institutional and infrastructural factors. *Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike* [Scientific Research: From Theory to Practice], 2015, no. 5 (6), pp. 359–360 (in Russian).
8. Berchenko N. G., Mazan A. S. Centers and points of economic growth of the regions of the Republic of Belarus. *Ekonicheskii byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus'* [Economic Bulletin of the Scientific Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus], 2020, no. 12, pp. 5–17 (in Russian).
9. Index of prospects of Chinese provinces for doing business by Russian companies. *Russian-Asian Union of Industrialists and Entrepreneurs*. Available at: https://raspp.ru/business_news/prospective-chinese-regions/ (accessed 18.03.2025) (in Russian).
10. Rating of sustainability and business development in the regions of the Russian Federation. *MAGRAM Market Research*. Available at: https://magram.ru/upload/Отчет_Рейтинг%20устойчивости%20и%20развития%20бизнеса%20в%20регионах%20РФ.pdf (accessed 30.03.2025) (in Russian).
11. Agency for Strategic Initiatives. *National rating of the state of the investment climate in the constituent entities of the Russian Federation*, 2023. *Methodology and parameterization*. Moscow, 2023. 127 p. Available at: https://investyakutia.ru/upload/iblock/ba5/50y3t3z8p827pxia2ly7y0hf1spns2w0/Методология_формирования_Национального_рейтинга_состояния_инвестиционного.pdf (accessed 30.03.2025) (in Russian).
12. *National human development report, 2015: regional competitiveness in the Republic of Belarus*. Minsk, United Nations Development Programme, 2015. 205 p. (in Russian).
13. Gurskii V. L., Bulavitskaya M. G., Bocharova T. G., Rodevich O. F., Solomko M. V., Samtsova D. V. [et al.]. *Recommendations for accelerated socio-economic development of the regions of the Republic of Belarus affected by the Chernobyl accident*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2023. 99 p. (in Russian).
14. *Regions of the Republic of Belarus, 2024: statistical digest. Vol. 1. Socio-economic indicators*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2024. 697 p. Available at: https://www.belstat.gov.by/en/search/index.php?q=Regions+of+the+Republic+of+Belarus&s=&PAGEN_1=8 (accessed 12.12.2024) (in Russian).
15. *Small and medium-sized business in the Republic of Belarus, 2019: statistical book*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2019. 212 p. (in Russian).
16. On the State Program “Small and Medium Entrepreneurship” for 2021–2025: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, January 29, 2021, no. 56. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100056> (accessed 12.02.2025) (in Russian).

Информация об авторе

Чжао Цинцю – аспирант. Институт экономики, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: zhaoqingqiu2108@gmail.com

Information about the author

Zhao Qingqiu – Postgraduate student. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: zhaoqingqiu2108@gmail.com

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ
SCIENTISTS OF BELARUS

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-4-350-352>

Поступила в редакцию 28.08.2025
Received 28.08.2025

ВАЛЕРИЙ ГУРЬЕВИЧ ТИХИНИЯ
(К 85-летию со дня рождения)

В созвездии известных юристов Беларуси много имен ученых и преподавателей, посвятивших свою жизнь теории и практике юриспруденции. Среди них особое место занимает доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси Валерий Гурьевич Тихиня, которому 1 октября исполняется 85 лет. Биография ученого – это отражение личной настойчивости в преодолении жизненных трудностей, целеустремленности, потенциала, который дали родители, советская страна с ее высочайшим уровнем образования и открытыми возможностями для молодых людей, а также Белорусский государственный университет как флагман юридического образования, где еще больше был реализован талант юбиляра. Эти и иные факторы позволили Валерию Гурьевичу достичь значительных высот в профессиональной карьере.

В. Г. Тихиня, раз и навсегда выбрав сферу юриспруденции, никогда ей не изменял. Были периоды, когда он в силу чувства долга некоторое время трудился в сфере, занятой идеологической (партийной) работой, однако и здесь его труд был связан с правом.

Известно, что ученый родился в городском поселке Копаткевичи Петриковского района Гомельской области. Его отец мужественно сражался на фронте в годы Великой Отечественной войны. О своей маме наш юбиляр всегда отзывался с особой теплотой. Родители для Валерия Гурьевича всегда являлись примером.

Взросление молодых людей в послевоенный период происходило быстро. Так, Валерий Гурьевич в пятнадцатилетнем возрасте поступил на работу в качестве делопроизводителя канцелярии народного суда Василевичского района, в этот период он совмещал работу с учебой в вечерней школе рабочей молодежи, которую окончил с серебряной медалью и поступил в Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина на юридический факультет.

Окончив БГУ, В. Г. Тихиня стал работать в должности эксперта-криминалиста Минского научно-исследовательского института судебных экспертиз БССР. Эта работа дала толчок развитию научно-исследовательской деятельности: он начал подготовку кандидатской диссертации по теме «Применение криминалистической тактики при исследовании вещественных доказательств по гражданским делам».

Около восьми лет, с 1966 по 1974 г., Валерий Гурьевич работал в органах прокуратуры – помощником прокурора Ленинского района г. Минска, помощником прокурора г. Минска, прокурором Ленинского района г. Минска. Органы прокуратуры пользовались огромным авторитетом

и были весьма уважаемой инстанцией, в которую обращались граждане за разрешением своих проблем. Здесь был приобретен важный опыт работы по укреплению законности и правопорядка.

В 1974 г. В. Г. Тихиня защитил кандидатскую диссертацию. Затем его как человека, обладающего практическим опытом и имеющего также научную степень, пригласили на работу в БГУ. Очевиден профессиональный рост ученого: от старшего преподавателя, доцента, профессора кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета до декана юридического факультета БГУ (1982–1986), а затем и проректора по учебной работе БГУ. На юридическом факультете сотрудники отмечали его организованность, коммуникабельность, требовательность. В период работы деканом юридического факультета ученый способствовал тому, что юридический факультет по итогам соревнования стал занимать лидирующие места среди десятков факультетов БГУ.

Осуществление преподавательской и научной деятельности в БГУ позволило В. Г. Тихине также сосредоточиться на подготовке диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по такой неразработанной теме, как «Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве», которую он успешно защитил в мае 1985 г. в Ленинградском государственном университете.

Валерий Гурьевич проявил себя как руководитель республиканского масштаба. В октябре 1989 г. он был назначен Министром юстиции БССР. На этом посту он проявил себя как грамотный руководитель и высококвалифицированный юрист. На XXXI партийном съезде в ноябре 1990 г. В. Г. Тихиня был избран секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Беларуси и стал курировать по партийной линии работу административных органов. Ученый считал, что переход на эту работу был трудным, но необходимым выбором в условиях начавшегося политического и экономического кризиса. Это достойный пример проявления чувства ответственности!

В марте 1991 г. по Светлогорскому избирательному округу В. Г. Тихиня был избран депутатом Верховного Совета Республики Беларусь 12-го созыва. Весьма заметны его выступления как депутата на сессиях Верховного Совета: они были содержательными, приковывали внимание депутатов и избирателей.

В августе 1993 г. В. Г. Тихиня был назначен заместителем Председателя Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь. Многое в этот период он успел сделать для развития данного органа и укрепления его связей с аналогичными учреждениями других государств, в частности Российской Федерации.

Валерий Гурьевич с апреля 1994 по декабрь 1996 г. работал в Конституционном Суде. Это был непростой период становления Конституционного Суда Республики Беларусь, в состав которого были избраны люди, обладающие различным профессиональным и личным опытом. Существовало много политических настроений. Разворачивались очень жесткие, мягко говоря, «баталии» в процессе обсуждения и принятия решений. Конституционный Суд в этот период мог бы сыграть более конструктивную роль. Вместе с тем был принят ряд решений, касающихся обеспечения социально-экономических прав граждан, а также весьма спорных решений, имеющих непосредственное отношение к системе сдержек и противовесов. Следует отметить, что коллектив Конституционного Суда в тот период только формировался, существовали трудности «роста».

Научная сфера была и остается весьма притягательной для В. Г. Тихини. Он находится в постоянном научном поиске. Его многочисленные монографии, научные статьи, учебники и учебные пособия являются предметом пристального внимания со стороны студентов, ученых и практиков, цитируются при написании диссертаций.

На сегодняшний день ученый активно сотрудничает с белорусскими журналами, готовит для них статьи; выраженные им взгляды и позиции имеют полемический характер, дают пищу для размышлений и развития.

Валерий Гурьевич является автором более 500 научных работ в сфере юриспруденции. Под его научным руководством защищено 30 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Им также подготовлено два доктора юридических наук.

Научные труды ученого посвящены актуальным проблемам юриспруденции. Среди них особо следует отметить такие издания, как «Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве» (Минск, 1983), «Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР» (Минск, 1989), «Тернистый путь к правовому государству» (Минск, 1995), «Правовое регулирование международных перевозок» (Минск, 2001), «Правовое регулирование хозяйственной деятельности» (Минск, 2004), «Юридический справочник для населения» (Минск, 2006), «Семья и закон» (Минск, 2007), «Правовые основы научной деятельности в Республике Беларусь» (Минск, 2008), «Задачи прав личности в белорусском гражданском процессе» (Минск, 2008), «Виды гражданского судопроизводства в Республике Беларусь» (Минск, 2008), «Аккредитивная форма расчетов в Республике Беларусь» (Минск, 2008), «Сборник нормативно-правовых актов по жилищному законодательству Республики Беларусь» (Минск, 2010), «Право на судебную защиту в искомом производстве» (Минск, 2012), «Правовой статус иностранцев в Республике Беларусь» (Минск, 2013), «Конституции зарубежных государств» (Минск, 2014) и др.

Ученым разработан проект Закона «О международном частном праве», который был опубликован в журнале Верховного Суда Республики Беларусь «Судовы веснік» (Минск, 1992). Основное научное направление Валерия Гурьевича – проблемы формирования демократического правового государства в Республике Беларусь, международное частное право, гражданский процесс.

В. Г. Тихиня широко известен в Беларуси как автор учебников для вузов по гражданскому процессу и международному частному праву. В 2015 г. результаты многолетней работы ученого в области юриспруденции были обобщены в издании «Правотворчество и правоприменение в современном обществе: избранные научные труды по праву: в 3 т.» (общее количество страниц – 1661).

Хорошо известны научные труды Валерия Гурьевича и в зарубежной научной среде. По решению Международного биографического центра (г. Кембридж, Великобритания) имя В. Г. Тихини включено в издание наиболее известных ученых мира «Живые легенды» (Кембридж, 2005).

Валерий Гурьевич награжден орденом Трудового Красного Знамени и пятью медалями. Его имя внесено в Книгу почета Министерства юстиции Республики Беларусь и включено в издание «Кто есть кто в Республике Беларусь» (Минск, 1999, 2001, 2006, 2009).

В. Г. Тихиня удостоен высокого звания «Заслуженный юрист БССР» (1990), является членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси (1994). В 2010 г. ученый получил почетную награду Республики Беларусь: он был признан победителем республиканского конкурса на приз известного юриста Владимира Даниловича Спасовича.

Фундаментальные книги и неординарные мысли характеризуют личность известного белорусского ученого-правоведа Валерия Гурьевича Тихини.

Уважаемому юбиляру в эти праздничные дни только самые добрые пожелания – здоровья, счастья, благополучия, долгих лет творческой и активной жизни!

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gregory5581@yandex.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law, Belarusian State University (8 Lenigradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: gregory5581@yandex.by